

МОСКОВСКІЕ КОРШУНЫ.

РОМАНЪ

А. Пазухина.

Изданіе И. А. Морозова.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Верхняя Кисловка, собственный домъ.

1895.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

3283-96



2007064540

I.



Въ новомъ театрѣ Лентовскаго былъ маскарадъ.

По всѣмъ заламъ сновали маски, то парами, то группами, то одинокими печальными фигурами, видимо отыскивая компаніона для ужина. Въ буфетахъ, за столиками, сидѣли московскіе франты, и уже передъ нѣкоторыми появлялись бутылки шампанскаго, хотя до разгара маскарада было далеко.

Изъ костюмовъ преобладало традиціонное домино и только изрѣдка попадались маски въ какомъ-нибудь оригинальномъ, пикантномъ костюмчикѣ, то изящно-нарядномъ, то соблазнительно-откровенномъ. За маской въ такомъ костюмѣ ходили многочисленные поклонники и, тогда какъ какое-нибудь уродливое домино тщетно напрашивалось на ужинъ, обладательница хорошенькаго костюма приглашалась очень многими и переходила отъ стола къ столу, за однимъ уничтожая лимонадъ, за другимъ—чокаясь съ компаніей лафитомъ, за третьимъ, поднимая бокалы шампанскаго.

Такія маски возбуждали зависть въ другихъ, и за какимъ-нибудь граціознымъ пажемъ или испанцемъ слѣдили десятки ревниво-злыхъ глазъ.

Въ описываемый маскарадъ наибольшую зависть вызвала граціозная маска, въ хорошенькомъ костюмѣ не то пикадора, не то неаполитанца.

Костюмъ этотъ состоялъ изъ короткихъ панталонъ чернаго бархата, стянутыхъ у колѣнъ пунцовымъ бантомъ, изъ бархатной-же малиновой и вышитой золотомъ безрукавки, одѣтой поверхъ бѣлой батистовой сорочки, вышитой серебромъ, изъ пунцоваго кушака съ золотыми кистями и красной повязки, съ длинными концами назадъ.

При среднемъ ростѣ, роскошно сложенная, съ граціозной походкой, она имѣла такія восхитительныя руки и шею, что невольно обращала на себя вниманіе, а бѣлокурые волосы, массой спадающіе изъ-подъ повязки на спину, были волнисты, мягки и должны были принадлежать непременно хорошенькой женщинѣ.

Маска эта ходила одна, и на приглашеніе увивающихся за нею франтовъ танцовать, посидѣть или походить, отвѣчала отказомъ, отрицательно покачивая головой, или поворачивая въ другую сторону, когда кавалеръ становился особенно назойливымъ.

Обычныя посѣтительницы маскарада съ завистью поглядывали на нее и дѣлали догадки.

— Это, кажется, подруга жизни князя Горявина, сообщила одна высокая маска въ костюмѣ турчанки.

— Вотъ еще! Та, во-первыхъ, брюнетка, а во-вторыхъ, выше ростомъ, говорила другая.

-- Ба, да это одна изъ итальянской балетной труппы!...

— Вотъ еще! Она сейчасъ отлично говорила по русски съ Васей Колчинымъ...

— Это какая-нибудь аристократка, mesdames, догадывалась третья. Я видѣла, какъ шли этотъ костюмъ у Гейнцъ и спросила, кому его шьютъ; прикащица улыбнулась и сообщила мнѣ, что это секретъ; а приѣхала эта особа въ своей каретѣ...

— Можетъ быть... Во всякомъ случаѣ, она очень мила...

— Фи!... тонка и не умѣетъ себя держать...

Вотъ на будущемъ маскарадѣ я буду въ такомъ костюмѣ, и вы увидите...

— Воображаю!

Въ это время хорошенькая маска проходила по Красной гостинной и встрѣтилась съ высокимъ, красивымъ брюнетомъ, который только что покинулъ компанію собутыльниковъ и пошелъ въ залу взглянуть на танцы.

— Я тебя знаю, Баронекъ, сказала она ему, оставивъ за рукавъ.

— Вѣроятно, маска: меня знаютъ всѣ хорошенькія женщины, а ты, кажется, хорошенькая, отвѣтилъ тотъ, окинувъ маску довольно холоднымъ взглядомъ.

— Я тебя хорошо, хорошо знаю.... Ты не узналъ меня?

— Прости, маска, — нѣтъ!... Во-первыхъ, у меня такъ много знакомыхъ, а во-вторыхъ — у тебя ужъ таинственна маска очень...

— А вотъ по этому узнаешь?

Маска протянула брюнету руку.....

Какъ, это вы, Анна Васильевна! воскликнулъ брюнетъ, взглянувъ на кольцо съ двумя брилліантами и бирюзой. Въ маскарадѣ, въ такомъ костюмѣ!...

Брюнетъ взялъ маску подъ руку и отвелъ къ круглому дивану посреди гостиной.

Въ это-же время по другую сторону дивана сѣлъ широкоплечій, не высокаго роста господинъ, съ длинными выющимися волосами и съ небольшою кудрявою бородкой.

Господинъ этотъ давно слѣдилъ за хорошенькой маской.

— Да, я пріѣхала сюда, Баронекъ, заговорила маска, усаживаясь на диванъ, рядомъ съ брюнетомъ. — Я знала, что встрѣчу васъ и рѣшилась ѣхать, чтобъ объясниться...

Маска нервно теребила перчатку.

— Вы... вы не любите уже меня, Баронекъ? черезъ силу спросила она.

— Не люблю, спокойно отвѣтилъ брюнетъ. — Я не скрывалъ отъ васъ моего чувства и когда убѣдился, что, увы, любовь прошла — я сразу оборвалъ... Я не ѣздилъ къ вамъ, былъ холоденъ; я не игралъ передъ вами роль, и вы должны были понять... Я дѣйствовалъ открыто и прямо...

— Но вы клялись, что женитесь на мнѣ... Вы погубили меня! прошептала маска, и видно было, что она заплакала.

— Да, но я смѣю думать, что, женившись, разлюбить было-бы хуже, чѣмъ разорвать связь до тѣхъ поръ, пока она еще не скрѣплена закономъ...

— О, нѣтъ, нѣтъ, вы лжете!... Вы лжете, говорю я, или обманываете сами себя... Что я теперь?... Куда я пойду? Что я буду дѣлать?... Баронекъ, сжальтесь надо мной, поищите въ вашемъ сердцѣ хоть искры

любви ко мнѣ!... Возьмите меня хоть вашей служанкой, хоть рабой!... Я не могу безъ васъ жить, и если вы оттолкнете меня — я погибну!... Я все принесла въ жертву любви къ вамъ, оцѣните хоть сколько нибудь эти жертвы!... Я вымаливаю у васъ любви, какъ милостыни, я унижаюсь передъ вами!... Смотрите на меня: я въ этомъ костюмѣ пришла сюда, потому что вы говорили, что любящая женщина должна отрѣшиться отъ предразсудковъ и исполнить капризы мужчины, который отдалъ ей въ замѣнъ этого свою свободу... Вы помните, какъ показали мнѣ рисунокъ этого костюма и хотѣли видѣть меня въ такомъ-же?... Вотъ онъ на мнѣ, вотъ я въ маскарадѣ, вотъ я ваша!... Я ваша раба, послушная раба, но не гоните меня, но любите меня хоть немного!...

Брюнетъ всталъ и презрительно улыбнулся.

— Спусти по малину въ лѣсъ не ходятъ, перевралъ онъ пословицу. Когда я любилъ васъ—вы жантильничали и играли роль невинности, а когда вы надоѣли мнѣ, и я охладѣлъ къ вамъ — вы идете ко мнѣ и... простите,... унижаетесь!... Нѣтъ, я не люблю васъ и объявляю, что между нами все кончено... Впрочемъ, вы можете обратиться въ судъ,—это, послѣ процесса Солодовникова, въ модѣ... Но и безъ суда я готовъ вознаградить и обезпечить васъ: пришлите повѣреннаго, или назначьте мнѣ свиданіе... дѣловое, но не любовное, добавилъ брюнетъ и отошелъ отъ маски.

Въ дверяхъ гостинной его остановилъ кудрявый блондинъ, который сидѣлъ по другую сторону дивана.

— Господинъ Баронекъ, сказалъ онъ, загораживая ему дорогу, вы узнали меня?

— А, господинъ... господинъ...

— Лавиновъ, подсказалъ тотъ. — Я слышалъ вашъ разговоръ съ Анной Васильевной Пичугиной, которой я близокъ, и нахожу, что вы подлецъ...

Брюнетъ поблѣднѣлъ.

— Да, нахожу, что вы подлецъ, повторилъ Лавиновъ. — Завтра утромъ я пришлю къ вамъ секундантовъ, а если вамъ не будетъ угодно принять вызовъ, то я вамъ гдѣ-нибудь въ обществѣ дамъ пощечину, или отдую хлыстомъ... До свиданья, господинъ Баронекъ...

Лавиновъ поклонился и вернулся къ сидѣвшей на диванѣ маскѣ, а брюнетъ постоялъ нѣсколько секундъ на одномъ мѣстѣ и быстро направился черезъ залу въ боковыя комнаты.

Лавиновъ, не доходя шага на два до дивана, остановился.

Маска, вытянувъ ноги и опустивъ голову на грудь, сидѣла неподвижная, какъ статуя, и только грудь ея высоко подымалась подъ батистовой сорочкой.

— Анна Васильевна! окликнулъ ее Лавиновъ.

Маска подняла голову.

— Ахъ, Лавиновъ! тихо произнесла она и встала. — Послушайте, Лавиновъ, поѣдьте куда-нибудь въ ресторанъ, въ отдѣльную комнату, я хочу поговорить съ вами...

— Не ѣхать-ли вамъ домой, Анна Васильевна?.. Ваша тетушка можетъ беспокоиться о васъ, замѣтилъ Лавиновъ, видимо пришедшій въ восторгъ отъ приглашенія.

— Э, пустяки!... Поѣдемте, Лавиновъ... Но, послушайте: вы, быть можетъ, — извините меня, — не имѣете денегъ, такъ у меня онѣ есть... Вѣдь мы друзья...

— У меня есть деньги, Анна Васильевна...

Лавиновъ подаль маскѣ руку и повелъ ее чрезъ пеструю толпу къ выходу, обращая на себя завистливые любопытные взгляды.

Чрезъ четверть часа они были въ отдѣльномъ кабинетѣ „Эрмитажа“.

Спутница Лавинова сняла маску.

— Боже, какъ вы хороши! невольно произнесъ молодой человѣкъ, влюбленными глазами глядя на дѣвушку.

Она была дѣйствительно хороша. Глаза глядѣли нѣсколько устало, но были глубоки, и въ глубинѣ этой таилось много страсти, готовой вспыхнуть. Едва замѣтная синева слегка оттѣняла ихъ; эти темные глаза, дивные глаза любящей женщины, и они были оттого еще глубже и выразительнѣе. Тонкія брови были нѣсколько рѣзки, но ровный, слегка покатый лобъ, бѣлый какъ слоновая кость, съ голубыми жилками на вискахъ, смягчалъ рѣзкій изгибъ бровей. Щеки то покрывались румянцемъ, то блѣднѣли; губы были полуоткрыты, влажны, нѣсколько чувственны, но такой изящной формы, такого бархатисто-алаго цвѣта, что поцѣлуй этихъ губъ сулилъ уже блаженство.

Масса вьющихся свѣтло-русыхъ, шелковистыхъ, душистыхъ волосъ, какъ рамкой оттѣняла лицо.

— Боже, какъ вы хороши! повторилъ Лавиновъ.

— А, полноте, Лавиновъ!... Кто хорошъ, того любить, а меня... меня оттолкнули, меня бросили, какъ никуда негодную тряпку! горько произнесла дѣвушка.

— Кто?.. Кто васъ бросилъ? горячо заговорилъ Лавиновъ. Этотъ негодный Баронекъ, который не имѣтъ ни сердца, ни чувства, который изъ ухаживанья за женщинами сдѣлалъ проффессію и по числу обманутыхъ имъ женщинъ мѣряетъ свое достоинство... О, гадкое, злое, безсердечное животное!..

— Онъ не хорошъ, Лавиновъ? Да? спросила дѣвушка, подходя къ молодому человѣку.

— Онъ гадокъ! воскликнулъ тотъ.

— Такъ почему же я люблю его?.. Почему онъ для меня дороже жизни, чести, всего?.. Почему въ жертву ему я готова принести все? Себя, васъ,—умнаго, добраго, честнаго,—отца, все, все!.. Почему?..

Лавиновъ пожалъ плечами и понурилъ голову.

Лакей внесъ вино, чай и ужинъ.

— Анна Васильевна, сказалъ Лавиновъ, приготовляя для своей гостыи чай, мы поужинаемъ съ вами, выпьемъ вина, какъ добрые друзья, и я провожу васъ домой, а завтра вечеромъ...

Молодой человѣкъ остановился.

— Да, завтра вечеромъ, если до того времени ничего особеннаго не случится, я приѣду къ вамъ и кое-что сообщу... Быть можетъ, я найду способъ устранить отъ васъ всякое горе... Да. А теперь мы забудемъ все и будемъ ужинать, но скорѣй, скорѣй: мнѣ хочется васъ отправить къ тетѣ, а то не было-бы бѣды... Вы куда отпросились у ней?

— Къ Машѣ Рукиной.

— Ну и пора вамъ ѣхать... Кушайте вашъ чай...

— Отчего вы не хотите поговорить со мной сегодня, Лавиновъ?

— На это есть уважительныя причины... Я загадалъ одну вещь и поручилъ судьбѣ рѣшить вопросъ такъ, или иначе... Будетъ такъ — выйдетъ одно, будетъ этакъ — выйдетъ другое. Садитесь кушать.

Дѣвушка торопливо выпила чашку чаю, съѣла кусочекъ холоднаго ростбифа, и Лавиновъ подалъ ей шубу.

— О, если-бъ ваша тетушка не узнала, что вы были въ маскарадѣ! говорилъ онъ дѣвущкѣ чрезъ полчаса, высаживая ее у подъѣзда одного дома на Поварской.

— Вы, кажется, боитесь моей тети больше, чѣмъ я! безпечно засмѣялась дѣвушка и, пожавъ руку Лавинова, позвонила у подъѣзда.

II.

На другой день часа въ два по полудни, въ жиденской рощицѣ между Сокольниками и Богородскимъ, вьнувъ въ рыхломъ снѣгу, толпилось человѣкъ семь элегантно-одѣтыхъ молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ были двое военныхъ.

Въ полуверстѣ отъ этого мѣста стояли экипажи: большія сани, запряженныя тройкой великолѣпныхъ лошадей, шикарныя сани парой, а немного поодаль извозчикъ подвязывалъ торбочку своей усталой лошаdkѣ.

— Господинъ Лавиновъ, отдѣляясь отъ группы молодыхъ людей и подойдя къ стоявшему поодаль знакомому намъ блондину, сказалъ офицеръ въ бѣлой фуражкѣ, — Баронекъ спрашиваетъ васъ, на какихъ-бы условіяхъ вы могли кончить дѣло миромъ?

— Ни на какихъ, холодно отвѣтилъ блондинъ. — Я пришелъ сюда стрѣляться, и просиль-бы господина Ба-

ронекъ не оттягивать дѣла... Условія вамъ извѣстны, и я жду, чтобы начать...

Офицеръ пожалъ плечами и отошелъ.

— Господа, потрудитесь занять ваши мѣста! торжественно провозгласилъ маленькій черненькій господинъ, выслушавъ отвѣтъ офицера. Шаги отмѣрены...

Лавиновъ, сбросивъ съ себя пальто прямо на снѣгъ, широкими шагами пошелъ впередъ и остановился у замѣченнаго воткнутой въ снѣгъ палкой мѣста.

Къ нему подошли два секунданта его, — совсѣмъ еще юный офицерикъ и полный высокій старикъ въ статскомъ пальто, но въ военной фуражкѣ, — и вручили ему пистолетъ.

Въ десяти шагахъ противъ этого мѣста остановился Баронекъ, одѣтый въ венгерку изъ синяго сукна, отороченную бобромъ.

Онъ старался держать себя покойно; на губахъ его играла презрительная улыбка, но лицо было блѣдно, а глаза какъ-то неестественно бѣгали и вдругъ пытливо-вопросительно останавливались то на лицѣ одного, то другого секунданта и, прочитывая на этихъ лицахъ или тревогу, или печальную торжественность, опускались и снова перебѣгали съ предмета на предметъ.

— Готово? спросилъ кто-то.

— Готово... Баронекъ, по слову „три“ вы должны стрѣлять...

Баронекъ неестественно улыбнулся и взглянулъ на стоявшаго передъ нимъ Лавинова.

Тотъ смотрѣлъ прямо на него и, какъ показалось Баронеку, насмѣшливо улыбался.

— Прразъ! громко и отчетливо крикнулъ офицеръ въ бѣлой фуражкѣ.

Баронекъ поднялъ пистолетъ и началъ щурить лѣвый глазъ.

— Два!..

Пистолетъ затрясся въ рукѣ сильно поблѣднѣвшаго Баронка.

— Три!..

Раздался выстрѣлъ, и вслѣдъ за нимъ стая воронъ съ крикомъ слетѣла съ деревьевъ, закружившись надъ площадкой.

Лавиновъ наклонился и взялся за колѣно лѣвой ноги. Къ нему, спотыкаясь и завязая въ снѣгу, побѣжалъ далеко отошедшій докторъ.

— Не надо, докторъ, не надо! крикнулъ Лавиновъ. — Пустая царапина... Господа секунданты, я стрѣляю... Докторъ нерѣшительно остановился.

— Будетъ, господа, будетъ! умоляющимъ голосомъ сказалъ онъ.

— Извольте давать сигналъ къ моему выстрѣлу, господинъ секундантъ! рѣзко крикнулъ Лавиновъ и поднялъ пистолетъ.

Секунданты отошли на свои мѣста.

— Стрѣляйте-же, чертъ васъ побери! какъ-то неестественно крикнулъ Баронекъ. — Стрѣляйте-же!... Я покажу вамъ, какъ умираютъ порядочные люди, а вы пойдете въ тюрьму, вмѣстѣ съ той дѣвченкой, за которую вы затѣяли эту дуэль... Господа, у меня въ карманѣ есть записка, въ которой я объясняю исторію этой дуэли и интригу, которой меня запутали — этотъ господинъ, его любовница, Анна Пичугина, и...

— Мерзавецъ! бѣшено крикнулъ Лавиновъ.

Секунданты заволновались.

— Господа, господа! подошелъ къ Лавинову офицеръ въ бѣлой фуражкѣ. Если вы будете такъ вести себя на поединкѣ—я уѣду... Тутъ есть свои законы, которымъ вы обязаны подчиняться, разъ вы пригласили свидѣтелями порядочныхъ людей... Господинъ Лавиновъ, извольте стрѣлять!...

Офицеръ отошелъ и еще на ходу крикнулъ: „разъ“...

Лавиновъ прицѣлился. Рука его твердо держала пистолетъ, и видно было, что онъ цѣлилъ въ голову противника.

Баронекъ понялъ это и опустилъ глаза. Губы его что-то торопливо шептали.

— Два!

Прошло секундъ пять. Лицо Баронка покрылось смертной блѣдностью; онъ едва стоялъ на ногахъ.

Очевидно секундантъ умышленно задержалъ роковое „три“.

— Ну-же! нетерпѣливо шепнулъ Лавиновъ и повернулъ голову къ секунданту.

— Три!

Выстрѣлъ раздался, и Баронекъ упалъ на колѣни.

— Плечо... ничего! простоналъ онъ, опираясь руками о снѣгъ.

— Ахъ, проклятый! сказалъ Лавиновъ и швырнулъ пистолетъ.

Всѣ бросились къ потерявшему сознание Баронку.

— Ну, что?.. Что съ нимъ? спросили секунданты, когда докторъ разрѣзалъ рукавъ и ощущалъ окровавленное плечо.

— Слава Богу... Пуля не коснулась кости и только пробила плечо насквозь... Рана не опасна...

Всѣ легко вздохнули.

Лавиновъ нѣсколько въ сторонѣ перевязалъ свое раненное колѣно и, слегка прихрамывая, подошелъ къ офицеру.

— Вы первый кричали о законахъ дуэли, заговорилъ онъ, и первый ихъ нарушили: я увѣренъ, что вы умышленно сдѣлали между „два“ и „три“ особенно долгій промежутокъ, зная, что у меня должна дрогнуть рука и утомиться глазъ...

— Господинъ Лавиновъ, это пахнетъ тоже дуэлью! надменно сказалъ офицеръ.

— Э, присылайте секундантовъ!.. Я съ восторгомъ перестрѣляю васъ всѣхъ даже безъ дуэли!...

Лавиновъ повернулся и, простившись съ секундантомъ, пошелъ къ своему извозчику.

III.

Теперь мы должны вернуться нѣсколько назадъ.

Года за три до начала нашего разсказа, въ Москву пріѣхалъ изъ своего тульскаго имѣнія довольно богатый помѣщикъ, Василій Осиповичъ Пичугинъ, съ пятнадцатилѣтней дочкой Аней.

Василій Осиповичъ почти безвыѣздно прожилъ всю жизнь въ имѣннѣ, усердно занимаясь хозяйствомъ, былъ, если не скупъ, то достаточно экономенъ, успѣшно торговалъ лошадьми и сколотилъ кругленькій капиталецъ, увеличивъ его послѣднее время полученіемъ выкупной суммы за триста слишкомъ крестьянскихъ надѣловъ.

Врядъ-ли бы ему пришла когда-нибудь мысль покинуть свое родовое гнѣздо, но заботливыя кузины, тетуски и бабушки хоромъ настояли на этомъ, такъ какъ единственная дочь Василя Осиповича, Аня, достаточно подросла и требовала если не образованія, для котораго она уже опоздала, то хотя нѣкотораго лоска, ибо она росла въ деревнѣ подъ надзоромъ весьма не далекой гувернантки, одичала, „одеревнилась“, какъ выражались кузины, и ей необходимо было увидать свѣтъ, поочистить деревенскую копоть, чтобы быть невѣстой привлекательной не по одному только приданому и выйти замужъ за человѣка достойнаго и вполне порядочнаго.

Старикъ согласился съ доводами барынь, и, передавъ управленіе имѣніемъ управляющему изъ крестьянъ, собрался въ Москву, которой не видалъ лѣтъ двадцать.

Бойкая въ деревнѣ Аня въ какомъ-то ужасѣ прижалась къ отцу, когда они вышли на платформу Московскаго вокзала, и шумная жизнь столицы хлынула ей на встрѣчу.

— Что, братъ, испугалась? засмѣялся отецъ. Погоди еще—сѣдять тебя!

— Папа, да что-же это такое?... Тутъ насъ затолкають, раздавятъ! испуганно говорила дѣвушка, оглядываясь кругомъ.—И все-то незнакомые, и все-то незнакомые!...

— А ты думала, тутъ тебя изъ Сосновки нашей ждуть?... Хе, хе, хе!... Садовникъ Иванъ цвѣтовъ тебѣ несетъ, скотница Федора стаканъ парнаго молока... Хе, хе, хе!... Погоди, погоди, уже тебя! шутилъ старикъ. А вѣдь и правда, Аня, тутъ голова кругомъ пойдетъ... И ѣхать-то не знаю куда...

— Вы, кажется, въ Москвѣ первый разъ? вдругъ раздался вопросъ, и передъ пріѣзжими, точно изъ земли, выросла щеголеватая фигурка какого-то маленькаго черненькаго человѣчка, въ блестящемъ цилиндрѣ.

Старикъ Пичугинъ взглянулъ на подошедшаго и учтиво приподнялъ шляпу.

— Почти-съ, улыбнулся онъ. То-есть, я былъ, но давно-съ... Забылъ все...

— О, такъ я могу быть вамъ полезенъ!... Коммиссіонеръ Юлій Карловичъ Валеричъ, имѣю честь представиться...

Господинъ шаркнулъ ножкой и подалъ Пичугину карточку, на которой подъ большой дворянской короной стояло: „Юлій Карловичъ Валеричъ. Коммиссіонеръ. Принимаетъ на себя всевозможныя коммиссіи и порученія, имѣетъ солидныя рекомендаціи и можетъ представить залогъ“.

Пичугинъ взялъ карточку и опять учтиво приподнялъ шляпу.

— Весьма пріятно-съ... Тульскій землевладѣлецъ, Василій Осиповъ Пичугинъ, а это вотъ моя дочь...

— Очень пріятно.. Вамъ вѣроятно нужна гостиница?...

— Да, хотѣлось-бы... Чтобы недорого и прилично...

— О, съ восторгомъ!... Я сейчасъ прикажу получить ваши вещи, найму извозчиковъ... Въ одну минуту...

Господинъ Валеричъ такъ и юлилъ, даже грозно прикрикнулъ на какого-то носильщика, который слегка толкнулъ Аню, даже обчистилъ платкомъ пыль съ пальто Василя Осиповича.

Прожде чѣмъ Пичугинъ что-нибудь сообразилъ, господинъ Валеричъ уже выхватилъ у него багажную квитанцію, таскалъ его сакъ-вояжи, кричалъ на носильщиковъ, и черезъ десять минутъ три извозчика увозили отъ вокзала пріѣхавшихъ съ ихъ багажемъ, на которомъ чрезвычайно ловко и даже не безъ граціи устоялся самъ господинъ Валеричъ.

— На Бронную, въ меблированныя комнаты „Цукерффрау!“ крикнулъ онъ переднему извозчику и весело улыбался Василию Осиповичу и Анѣ, которые оглядывались на него.

Расторопный малый, настоящій столичный, замѣтилъ Василій Осиповичъ, сперва было струхнувшій за цѣлость своихъ сакъ-вояжей въ рукахъ бойкаго и юркаго комиссіонера.

— Да, папа, безъ него-бы мы не знали, что и дѣлать! сказала Аня. Милый и добрый господинъ! съ чувствомъ добавила она.

— Вотъ сколько-то онъ сдеретъ съ насъ за это? озабоченно проговорилъ экононый Василій Осиповичъ.

— Какъ сдеретъ?... Развѣ это онъ за деньги?

— А ты думала — даромъ? Ищъ, простота деревенская!

— Ну, что-же, папа, ему не жалко дать денегъ: онъ такъ мило о насъ заботится.

— Это-то вѣрно... Да, вотъ нонче дворяне-то всеѣмъ занимаются, и комиссіонерами служатъ.

— Развѣ онъ дворянинъ, папа?

— Какъ-же, на карточкѣ дворянская корона...

— Это можетъ быть, папочка, такъ, для красоты...

— Что ты, дурочка, развѣ можно, закономъ при-

своеенное однимъ дворянамъ потомственнымъ украшеніе кому ни попало ставить!... Родовой дворянинъ, только должно быть изъ поляковъ, потому и фамилія, и имя не русскія, а господинъ ловкій, умѣлый...

Но Аня уже не слушала отца: она съ любопытствомъ разсматривала городъ и на каждомъ шагу приходила то въ восторгъ, то въ наивный ужасъ.

Извозчики катили неторопливой рысцой и наконецъ остановились на Бронной, у большаго дома, на которомъ красовалась громадная вывѣска съ подписью: „меблированныя комнаты госпожи Цукерффрау“.

Коммиссіонеръ соскочилъ съ передней пролетки и подбѣжалъ къ пріѣзжимъ.

— Вотъ мы и у цѣли нашего путешествія! любезно сообщилъ онъ и помогъ Анѣ сойти съ пролетки.

— Пожалуйста за мной...

Швейцаръ широко распахнулъ двери и поклонился, поздравивъ съ пріѣздомъ.

— Пятый номеръ свободенъ? спросилъ господинъ Валеричъ.

— Свободенъ, Юлій Карловичъ, вчера только полковникъ Шиповъ выѣхали изъ него...

— Отлично!... Превосходный номеръ, удобный, свѣтлый! обратился Валеричъ къ Пичугину.

— Не дорогъ-ли очень? Намъ-бы подешевле... И то Москва-то не дешево стоитъ, застѣнчиво какъ-то улыбнулся старикъ.

— О, не беспокойтесь, номеръ вполне экономическій!... Пожалуйста на верхъ... Сидоровъ, вноси съ извозчиками вещи!

Номеръ былъ довольно грязноватъ, съ какимъ-то зат-

хлымъ запахомъ, но деревенскимъ жителямъ онъ очень понравился, и когда вошедшая хозяйка объявила цѣну, Пичугинъ остался очень доволенъ и пожалъ руку господина Валерича.

— Весьма, весьма вамъ благодаренъ, господинъ Валеричъ! съ чувствомъ проговорилъ онъ и пригласилъ комиссіонера пить съ ними чай.

Тотъ съ охотой согласился.

За чаемъ Валеричъ предложилъ свои услуги на счетъ отысканія квартиры, прислуги, покупки мебели, рекомендаціи учителя музыки для „mademoiselle Annette“ и прочее и любезно отказался отъ вознагражденія за сегодняшнія хлопоты, отложивъ это до окончанія всѣхъ порученій.

Не нужно-ли вамъ продать или заложить имѣнье?— Я это могу устроить очень выгодно, предложилъ на прощанье Валеричъ.

— Нѣтъ-съ, этого-то пока не нужно, улыбнулся Пичугинъ, а вотъ деньжонки мои я попрошу васъ по-выгоднѣе пристроить: выкупныя я получилъ, да лѣсокъ продалъ...

— О, съ восторгомъ!... До пріятнаго свиданья-съ...
Au revoir, mademoiselle!

Валеричъ ловко раскланялся и ушелъ, произведя на пріѣзжихъ пріятное впечатлѣніе.

IV.

Василій Осиповичъ прожилъ въ меблированныхъ комнатахъ недѣли двѣ и затѣмъ переѣхалъ на квартиру, нанятую и обставленную Валеричемъ.

Этотъ юркій господинъ сдѣлался положительно необходимымъ для новыхъ москвичей: онъ и покупки имъ сдѣлалъ, и прислугу отыскалъ отличную, и модистку отрекомендовалъ, которая одѣла хорошенькую Аню по послѣднимъ журналамъ и ввела ее въ курсъ столичной моды. Затѣмъ онъ доставилъ билеты въ театры и концерты, при чемъ былъ кавалеромъ Ани, появляясь съ нею и въ ложѣ, и въ концертѣ, всегда изящно одѣтый.

Василій Осиповичъ былъ очень доволенъ услужливымъ и почтительнымъ „Юльчикомъ“, какъ онъ его прозвалъ, довольно щедро платилъ ему за хлопоты и даже далъ на какое-то предпріятіе пятьсотъ рублей подъ вексель, но послѣ одного случая кавалеромъ для своей дочери избирать его пересталъ.

Одинъ разъ въ антрактѣ, Василій Осиповичъ пошелъ въ буфетъ выпить рюмку водки, а Аня съ Валеричемъ была въ фойѣ. Рядомъ съ Васильемъ Осиповичемъ какіе-то франты пили коньякъ.

— Послушай, князь, не знаешь ты, кто это съ Юлькой Валеричъ? спросилъ одинъ изъ нихъ. Прехорошенькая дѣвочка, препикантная и совсѣмъ еще юная...

— Да, да, видѣлъ, дѣйствительно красавица! сказалъ другой. И такъ мила, скромна, что на одну изъ „этихъ дамъ“ не похожа...

— Какое!... Изящно и со вкусомъ, хотя и скромно одѣта и держитъ себя совершенной институткой... Откуда этотъ лакей подхватилъ такую, это-бы интересно знать!..

— Спросимъ его...

— Ну его къ черту! Еще увидить кто-нибудь, что разговаривали съ Юлькой Валеричемъ—срамъ!

— А что это за штука Валеричъ? спросилъ третій франтъ.

— Маклеръ, жидъ, маленькій шуллеръ и что угодно въ этомъ родѣ... Человѣкъ, впрочемъ, иногда полезный: можетъ найти денегъ, сыскать подругу жизни и тому подобное... Отецъ его торговалъ ваксой и спичками, а онъ крестился и зоветъ себя полякомъ...

Василій Осиповичъ поспѣшилъ изъ буфета и, отыскавъ Аню въ толпѣ, прогуливающейся по фойэ, подалъ ей руку и уже не отходилъ весь вечеръ, а на другой день въ ложу къ себѣ Валерица не пригласилъ.

Бесѣдуя съ нимъ потомъ какъ-то за завтракомъ, простодушный старикъ откровенно высказалъ ему, что онъ для его дочери не кавалеръ, при чемъ посѣтовалъ на то, что у Ани нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ дамъ.

— Угодно я познакомлю съ вами полковницу Тесову? Дивная дама! предложилъ Валеричъ, нисколько не обидясь на старика.

— А она не маклерша? Отецъ ея ваксой не торговалъ?

— Ахъ, что вы, помилуйте?... Аристократка дама-съ; живетъ на Поварской и имѣетъ своихъ лошадей... Строгая и весьма важная дама-съ.

— Какъ, ты говоришь, фамилія-то ея? спросилъ Василій Осиповичъ, перейдя съ Валеричемъ на „ты“, послѣ подслушаннаго въ театрѣ разговора.

— Тесова-съ.

— Тесова, Тесова... Кажется, Аня, у покойной мамы были родственники Тесовы?

— Да, были, папа, отозвалась изъ за книги Аня.

— Она какой губерніи? обратился Василій Осиповичъ къ Валеричъ.

— Она всѣхъ губерній-съ...

— Что-о? Какъ всѣхъ губерній?

— Такъ-съ. Въ весьма многихъ губерніяхъ у ней были помѣстья, но она обратила ихъ въ деньги... Она съ покойнымъ супругомъ объѣхала всю Россію съ полкомъ-съ. Дама лучшаго тона, и у ней бываютъ графы, князья и всѣ богачи...

— Гмъ!

Василій Осиповичъ закурилъ трубку и прошелся по комнатѣ.

— Ты, тово, узнай, не тульская-ли она; не было-ли у ней въ Тульской губерніи родственниковъ Овидиныхъ; скажи, что одна-де изъ Овидиныхъ, дочь ротмистра Сергѣя Степановича Овидина, была замужемъ за Пичугинымъ, Василиемъ Осиповичемъ... Если это изъ тѣхъ Тесовыхъ, то она намъ родня...

— Слушаю-съ, я узнаю сегодня-же и вечеромъ къ вамъ прійду... Анна Васильевна, не угодно-ли вамъ почитать новую, весьма интересную книжку? обратился Валеричъ къ Анѣ, надѣвая перчатки.

— Какую, Юлій Карловичъ? спросила дѣвушка, читавшая послѣднее время очень много по немудрящему выбору того-же услужливаго Валерича.

— Романъ французскаго писателя Золя-съ, очень одобряють книгу...

— Привезите, пожалуйста.

— Слушаю-съ.

Валеричъ простился и полетѣлъ по своимъ многочисленнымъ дѣламъ.

Вечеромъ онъ пріѣхалъ опять и сообщилъ, что полковница Тесова дѣйствительно родственница тульскимъ Овидинымъ, и весьма-бы хотѣла видѣть Василю Осиповича съ дочкой, которыхъ и ждетъ къ себѣ за-просто.

— Онѣ-бы пріѣхали сами, добавилъ Валеричъ, но не совсѣмъ здоровы и весьма ждутъ васъ, даже прослезилась, когда узнали, что вы имъ родня...

— Поѣдемъ, Аничка? обратился Василій Осиповичъ къ дочери.

— Поѣдемте, папа; я ужъ даже скучать стала здѣсь: ни знакомыхъ, ни подругъ, все только за книгами!

— Да, да, конечно... Привези-ка намъ завтра карету, Юльчикъ.

На другое утро Василій Осиповичъ одѣлся во фракъ, „временъ Очакова и покоренія Крыма“ и поѣхалъ съ Аней съ визитомъ къ случайно найденной родственницѣ, въ сопровожденіи неизмѣннаго Валерича, одѣтаго тоже во фракъ, съ бѣлымъ галстукомъ и сильно надушеннаго.

V.

Полковница Фелицата Егоровна Тесова жила на Поварской и занимала большой барскій домъ съ подъѣздомъ на улицу и со львами на воротахъ. Нашихъ провинціаловъ встрѣтилъ осанистый швейцаръ и, снисходительно снявъ верхнее платье, дернулъ за сонетку.

— Господинъ Пичугинъ съ дочерью и господинъ Валеричъ! крикнулъ онъ лакею, показавшемуся на площадкѣ уставленной цвѣтами лѣстницы.

Лакей вернулся чрезъ двѣ минуты и повелъ гостей чрезъ залу и гостинную въ кабинетъ полковницы.

Василью Осиповичу обстановка госпожи Тесовой показалась верхомъ роскоши и вкуса чисто аристократическаго, на самомъ-же дѣлѣ все въ домѣ полковницы носило на себѣ печать буржуазности и дурнаго тона. Мебель, позолоченная и посеребренная, пахла базаромъ; обои довольно неудачно подражали гобеленамъ; бронза очевидно принадлежала московскимъ мастерамъ; картины были или плохія копіи, или олеографіи, собранныя безъ вкуса и повѣшенныя неудачно; различныя бездѣлушки на этажеркахъ и альбомы на столахъ были разставлены и разложены очевидно на показъ и рукой, не обладающей артистическимъ вкусомъ.

При всемъ этомъ и сюжеты картинъ, и фарфоровыя статуэткі были вульгарны, иногда даже неприличны, а лакей скорѣе походилъ на развязнаго и пахальнаго слугителя трактира, чѣмъ на приличнаго, выдрессированнаго слугу барскаго дома.

Въ дверяхъ кабинета гостей встрѣтила полковница. Это была женщина лѣтъ сорока съ небольшимъ, очень высокаго роста и полная до обрюзглости. Глазки у ней были очень малы, заплыли жиромъ, но глядѣли твердо, нѣсколько холодно и блестѣли тѣмъ стальнымъ блескомъ, который обличаетъ непреклонную волю и несокрушимую энергію.

Платье на полковницѣ было персидской матеріи съ крупными узорами, сшитое капотомъ и отдѣланное бахромой съ тяжелыми массивными кистями.

— Какъ я рада, какъ я рада! хриплымъ басомъ заговорила полковница и разставила руки съ толстыми,

унизанными кольцами, пальцами. Позвольте обнять васъ по родственному...

Полковница обняла оробѣвшаго Василя Осиповича и поцѣловала его въ лобъ, а Аню обняла и покрыла поцѣлуями.

— Вѣдь мы родня, близкая родня!.. Юлій сказалъ мнѣ, что вы были женаты на Катѣ Овидиной, а вѣдь Катя мнѣ сестра двоюродная!.. Ахъ какъ я рада, какъ рада!.. Анюточка, Аня, племянница моя милая, да какая-же ты красавица-то, да какого-же я жениха-то тебѣ здѣсь найду!.. Пойдемте, пойдемте, я васъ съ гостями моими познакомлю... Юлій, пойдемъ и ты... Или нѣтъ, погоди: прежде съѣзди ты къ Абрикосову — конффектъ привези мнѣ, хорошихъ конффектъ, племянницу угощать буду...

Валеричъ шаркнулъ ножкой и побѣжалъ, поцѣловавъ на ходу руку полковницы, которая сунула ему бумажку. Въ кабинетѣ полковницы сидѣли два господина и молодая дѣвушка, жгучая брюнетка, роскошно одѣтая. Одинъ изъ гостей, красивый брюнетъ съ длинными усами, полулежалъ на кушеткѣ и курилъ сигару, играя съ громадной ньюфаундлендской собакой, а другой, выложенный блондинъ съ свѣтло-русыми баками и почти-тельнымъ лицомъ, сидѣлъ на креслѣ и держалъ мотокъ шерсти на широко разставленныхъ рукахъ.

При входѣ Пичугиныхъ брюнетъ вставилъ въ глазъ стеклышко и нѣсколько измѣнилъ позу.

— Вотъ позвольте васъ познакомить, господа, заговорила полковница. — Это моя родня — Василій Осиповичъ Пичугинъ съ дочерью, а это мои друзья... Ба-

ронъ Гельзгольдъ, оставной корнетъ Вурстъ и моя воспитанница Юзя, будущая твоя подруга, Анюточка...

Баронъ, красивый брюнетъ съ усами, довольно небрежно поклонился; Вурстъ почтительно всталъ и раскланялся, не выпуская мотка шерсти; брюнетка улыбнулась какой-то дѣланной улыбкой и поцѣловалась съ Аней.

— Садитесь, дорогіе мои, садитесь, будьте какъ дома, а я прикажу подавать кофе и завтракъ, басила покловница. Брось шерсть-то, родной, ужъ теперь нѣкогда разматывать, обратилась она къ Вурсту, займи гостей, поговори...

Полковница вышла изъ кабинета, а Вурстъ бережно положилъ мотокъ шерсти на рабочій столикъ и подошелъ къ Василию Осиповичу.

— Недавно изволили прибыть въ Москву? спросилъ онъ, сядясь рядомъ съ Пичугинымъ.

— Да-съ, недавно... Дочь вотъ просвѣщать пріѣхалъ въ столицу, въ деревнѣ соскучилась...

— Конечно... Весело проводите время?

— Скучаю-съ, потому привыкъ дома къ дѣятельности, а здѣсь ничего не дѣлаю, да и знакомыхъ нѣтъ.

— Въ клубахъ не бываете?

— Нѣтъ-съ еще... Въ какія игры здѣсь играютъ больше?

— Въ разныя... А вы играете?

— Да, по маленькой въ префѣрансъ; въ пикетъ тоже люблю-съ...

— Вурстъ, отозвался баронъ съ кушетки, предложите господину Пичугину къ Коленковому съѣздить, тамъ есть отличные игроки въ пикетъ...

— Да, туда слѣдуетъ съѣздить... Это здѣсь есть одинъ баринъ. Коленкоровъ нѣкто, человѣкъ богатый и большой любитель...

— Чего? засмѣялся баронъ.

— Картежной игры, сдержанно улыбнулся Вурстъ. Если вамъ будетъ угодно, я васъ познакомлю съ нимъ...

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе! поклонился Пичугинъ.

Въ это время приѣхали новыя гости: какой-то толстякъ въ венгеркѣ, гвардейскій офицеръ, и молодая дама въ бархатномъ платьѣ съ трехъаршиннымъ шлейфомъ и съ собачкой на голубой лентѣ.

Подали завтракъ, за которымъ баронъ попросилъ послать за шампанскимъ, при чемъ подалъ полковницѣ десяти рублевую бумажку.

Полковница, замѣтивъ удивленный взглядъ Пичугина, погрозила барону пальцемъ, но деньги взяла.

— У насъ тутъ попросту, обратилась она къ Пичугину, да Москва и деньги любитъ, не брезгуетъ ими, а ихъ, богачей, баловать не слѣдуетъ, хочешь роскошничать, такъ на свои роскошничай!.. Четыре рубля сдачи будетъ, баронъ, такъ конфектъ, что-ли, барышнямъ купить?

— Хорошо, ma tante, засмѣялся баронъ.

Завтракъ сдѣлался оживленнѣе; даже Василій Осиповичъ, выпившій нѣсколько рюмокъ какой-то очень крѣпкой водки и бокалъ шампанскаго, развеселился, началъ шутить, острить, ухаживать за дамой въ бархатномъ платьѣ и кончилъ тѣмъ, что попросилъ тоже послать за двумя бутылками шампанскаго.

Не прошло и недѣли, какъ жолковница сдѣлалась незамѣнимымъ человѣкомъ для Пичугиныхъ. Она выѣзжала съ Аней въ театры, въ концерты, познакомила ее съ двумя, тремя семейными домами, такими-же веселыми, какъ и ея собственный, и съ цѣлой фалангой молодыхъ и не молодыхъ франтовъ, которые на перебой начали ухаживать за Анютой, похорошѣвшей въ послѣднее время и приобрѣтшей подъ руководствомъ тетушки особый шикъ въ манерахъ и обращеніи.

Воспитанница полковницы, Юзя, оказалась дѣвушкой очень веселой и предоброй, но состоящей у воспитательницы въ страшномъ повиновеніи, а потому при ней робкой и забитой.

Каждый день у полковницы были гости, засиживающіеся иногда до разсвѣта за картами. Гости эти любили полковницу, возили ей подарки, платили за карты и свѣчи красненькими и даже бѣленькими бумажками и ежедневно возили ей билеты въ театры, цирки и концерты.

Анюта точно закружилась отъ новой жизни.

Удовольствія смѣнялись одно другимъ, одного поклонника замѣнялъ другой, впечатлѣнія мѣнялись каждый день, и молодая дѣвушка не замѣчала, какъ летѣло время.

Она переселилась къ теткѣ и отца не видала иногда по недѣлямъ, при рѣдкихъ-же свиданіяхъ Василій Осиповичъ нѣжно цѣловалъ дочь и освѣдомлялся, хорошо ли ей, весело-ли?

— О, хорошо, папа!.. Я даже и не подозрѣвала

въ Сосновкѣ, что есть такая масса удовольствій! говорила дѣвушка.

— Ну, отлично, Аня, отлично, только надо вотъ попросить тетю, чтобъ она подыскала тебѣ гувернантку, что-ли, какую, науки-то надо повторить да музыкой заняться... А я, Нюточка, гадко живу: кучу часто, въ картишки играю... Вчера, милая, тысячу проигралъ!.. Да... Но ничего, сегодня отыграюсь—Богъ дастъ... У Коленкорова, у одного барина, играемъ, Вурстъ меня познакомилъ... Народъ молодой, богатый, рискуютъ страшно, а играютъ замѣчательно счастливо!

Такія сообщенія о проигрышѣ то тысячи, то пяти-сотъ рублей старикъ приносилъ все чаще и чаще; чаще сталъ онъ являться къ дочери и подъ хмѣлькомъ, какимъ-то разбитнымъ, вульгарно веселымъ и въ костюмѣ не по лѣтамъ франтоватомъ.

— Жуирую, Аня, жуирую! говорилъ Василій Осиповичъ.—На дняхъ за городъ ѣздили, кутили, дамочки съ нами были... Денегъ идетъ страхъ сколько, но это ничего, потому что я свои деньги, которые за лѣсъ получилъ, выгодно пристроилъ: пайщикомъ компаніи одной сдѣлался, Коленкоровъ Саша директоромъ тамъ и пристроилъ меня, спасибо ему... Дивидентъ громадный, компанія солидная...

Аня радовалась, что и отцу ея живется весело, кутежамъ-же его и проигрышамъ она не придавала никакого значенія, достаточно привыкнувъ въ домѣ полковницы и къ тому, и къ другому и видя каждый день, какъ молодые люди выпивали цѣлыя моря шампанскаго и проигрывали кучи денегъ.

Такъ и катилась жизнь дѣвушки при звонѣ золота, при веселомъ говорѣ, при громѣ музыки.

Она подрастала и хорошѣла. Въ какіе нибудь восемь, девять мѣсяцевъ она развилась физически настолько, что ей никто-бы не далъ шестнадцати лѣтъ, а принялъ бы за дѣвицу лѣтъ двадцати. Полковница любовалась на нее и, показывая гостямъ, говорила: какова племянница-то у меня! Какой нибудь принцъ скалочный полцарства за нее отдастъ, да я и то подумаю еще взять!

— А вы развѣ думаете продать *mademoiselle Annette*? спросилъ какъ-то баронъ, любуясь дѣвушкой.

Полковница шаловливо ударила его вѣеромъ и сказала по польски, что за золото все продается и покупается.

— Но только не я! сказала Аня, которая выучилась немного понимать польскій языкъ отъ Юзи, сказано это было довольно рѣзко, и полковница наморщила брови.

— Откуда ты научилась понимать польскій языкъ? строго спросила она.

— Юзя меня научила.

— Не она-ли тебя научила и говорить такимъ тономъ?.. Я вотъ ужъ покажу тебѣ, какъ я учу за непростенные уроки, а ты кой-что сообрази послѣ этого...

Вечеромъ этого дня Аня сидѣла съ Юзей въ комнатѣ наверху, гдѣ спали обѣ дѣвушки, какъ вдругъ появилась полковница.

Лицо ея было строго, глаза холодно блестѣли изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Въ рукахъ она держала

хлысть, которымъ иногда наказывала своего ньюфаундленца, Пегаса.

— Кто просиль васъ учить польскому языку Анюту? спросила она Юзю.

Та страшно поблѣднѣла.

— Я... я... такъ... случайно... Простите, меня, прошептала она.

— Ты дрянная дѣвченка и портишь у меня Анну!.. Я не позволю этого, не позволю! крикнула полковница и — Анюта глазамъ своимъ не повѣрила — хлысть свистнулъ и на обнаженномъ, плечѣ Юзи, уже раздѣтой ко сну, зардѣлся рубецъ.

— Я учу и наказываю такихъ гадкихъ, дерзкихъ дѣвченокъ!.. Наказываю!..

Хлысть опять свистнулъ.

Юзя закрыла лицо руками и зарыдала, а полковница, какъ то скрививъ губы и сверкая глазами, ударила ее еще разъ десять.

— Вотъ наука за дурное поведеніе въ моемъ домѣ! сказала она, обращаясь къ поблѣдневшѣй Анѣ.

— Я тебѣ не позволю больше спать съ ней, кивнула полковница на Юзю, и взявъ Аню за руку, вывела изъ комнаты.

— Ты почуеть сегодня со мной, а завтра я отведу тебѣ комнату рядомъ съ моей спальней...

Аня не знала, что и подумать, и всю ночь не спала, думая о дикой сценѣ расплаты со взрослой дѣвушкой и вдобавокъ еще чужой полковницѣ.

Анѣ было очевидно, что полковница побила Юзю для примѣра, желая показать Анѣ, какъ опасно разсердить ее.

— Что если она и меня такъ? съ ужасомъ думала дѣвушка. О, нѣтъ, нѣтъ, я не позволю, я къ папѣ уйду!.. Ну, что же, ну, уйду и опять начнется скука, опять, пожалуй, въ Сосновку уѣдемъ... Нѣтъ, я буду любить тетю, буду угождать ей, право, она стоитъ этого за тѣ удовольствія, которыя она мнѣ доставляетъ... Но зачѣмъ она сказала барону, что за деньги все можно продать?.. Боже мой, она пошутила это, а я, дура, обидѣлась!.. Но какъ она ужасно побила бѣдную Юзю!.. Завтра я спрошу у Юзи, какое право имѣетъ тетя такъ поступать съ нею...

Дѣвушка уснула уже на разсвѣтѣ, и ей снилось, что страшная полковница била ее хлыстомъ, а баронъ давалъ ей деньги и просилъ продать.

Подъ вліяніемъ вчерашней сцены и сна, Аня съ утра была задумчива и пасмурна, но вечеромъ тетя представила ей „перваго московскаго красавца“, какъ она выразилась, Конрада Конрадовича Баронекъ, о которомъ Аня слыхала уже давно.

Баронекъ сообщилъ, что онъ пріѣхалъ, чтобъ сдержать данное полковницѣ слово и поѣхать съ „mademoiselle Annette“ верхами, для чего и привелъ двухъ лошадей.

Аня, не ѣздившая верхомъ съ прошлаго лѣта, съ восторгомъ поѣхала и расцѣловала ручки у тети, которая сюрпризомъ подарила ей амазонку и хорошенькій хлыстикъ.

VII.

Въ Таганкѣ, въ одномъ изъ переулковъ занималъ бэль-этажъ довольно большаго каменнаго дома господинъ Коленкоровъ, Александръ Петровичъ.

По документу Коленкоровъ числился ученымъ механикомъ, но своей спеціальностью не занимался и вообще нигдѣ не служилъ, но, хотя по тому-же документу за нимъ ни родоваго, ни благопріобрѣтеннаго имѣнія не числилось, — жилъ въ свое удовольствіе; держалъ повара, ѣздилъ на своихъ лошадяхъ и ежедневно, или вѣрнѣе еженочно, принималъ гостей всѣхъ состояній, возрастовъ и сословій. Женатъ господинъ Коленкоровъ не былъ, но въ качествѣ подружки жизни съ нимъ жила рижская мѣщанка, дѣвица Амалия Эдуардовна Кистеръ, особа весьма бойкая, златокудрая, голубоокая и пикантная отъ корня волосъ до кончика розовыхъ ногтей.

Гости къ Александру Петровичу ѣздили играть въ карты.

Часовъ съ девяти утра раскладывались карточные столы и въ кабинетѣ, и въ залѣ, и въ гостиной, и до разсвѣта рѣзались тутъ въ банкъ, въ штоссъ, въ макао, въ стуколку, въ безикъ и просто въ дурачки.

Хозяинъ обыкновенно держалъ банкъ и игралъ очень счастливо.

Кромѣ него, счастливо играли два брата Курбатовы, нѣкій полякъ Дземговскій и отчасти „Юльчикъ“ Валеричъ, который, впрочемъ, игралъ по маленькой и не всегда, такъ какъ на немъ лежала обязанность соби-

рать деньги за карты, что постоянно практиковалось у Коленкова, и, кромѣ того, угощать гостей и быть кравчимъ, что Юльчикъ и исполнялъ неукоснительно.

Обладалъ-ли господинъ Коленковъ проворствомъ рукъ, имѣлъ-ли крапленныя карты, или дѣйствительно ему везло,—въ это гости его не входили, и хоть проигрывали, и проигрывали иногда много, но ѣздили къ нему охотно, пили, балагурили, ухаживали за Амаліей и проводили время нескучно.

Особенно весело тутъ было Василью Осиповичу Пичугину.

Познакомившись съ Коленковымъ онъ съ перваго же раза полюбилъ ловкаго, разбитнаго и привѣтливаго Александра Петровича.

Скромный, крайне неувѣренный въ себѣ, Василій Осиповичъ думалъ, что на него и вниманія не обратитъ такой блестящій столичный баринъ, какимъ показался ему Коленковъ; но вышло совершенно на-противъ: Александръ Петровичъ обласкалъ его, общелся съ нимъ утонченно вѣжливо, наговорилъ ему массу пріятныхъ вещей и просилъ бывать какъ можно чаще.

Не прошло и недѣли, какъ Василій Осиповичъ сдѣлался своимъ человѣкомъ у Коленкова, обѣдалъ у него, ночевалъ, ѣздилъ на его лошадахъ и боготворилъ своего новаго знакомаго, боготворилъ не столько за гостепріимство и радушіе, сколько за умѣнье жить.

Сперва Василій Осиповичъ думалъ было, что у Коленкова есть солидное имѣнье или капиталъ, доходами съ котораго онъ живетъ, но Коленковъ какъ-то объяснилъ ему, что у него нѣтъ ни того, ни другаго.

— Я, уважаемый Василій Осиповичъ, пріѣхалъ въ Москву лѣтъ пять тому назадъ безъ гроша и вотъ, какъ видите.

Коленкоровъ указалъ на свою обстановку.

— Чѣмъ же вы, извините за нескромный вопросъ, все это нажили, высокоуважаемый Александръ Петровичъ? спросилъ Пичугинъ.

Коленкоровъ нарисовалъ передъ изумленнымъ помѣщикомъ цѣлую картину наживы.

Тутъ была и выгодная покупка дома въ кредитъ, и во-время купленные акціи какой-то компаніи, и поставка лошадей для конной желѣзной дороги, давшая барыша чуть-ли не десятки тысячъ.

Василій Осиповичъ только слушалъ и скорбѣлъ о томъ, что вотъ у него лежатъ деньги въ банкѣ, давая гроши, между тѣмъ какъ въ рукахъ предприимчиваго человѣка онѣ дали-бы рубль на рубль.

— Больше, Василій Осиповичъ, больше! увѣрялъ Коленкоровъ. Теперь деньги дороги, очень дороги, но ими нужно рисковать.

Коленкоровъ прошелся по своему роскошному кабинету.

— Знаете, Василій Осиповичъ, заговорилъ онъ, останавливаясь передъ Пичугинымъ, я могу вамъ сослужить службу...

— Какую, батюшка?

— Дать вамъ возможность на первый разъ нажить въ мѣсяцъ полтину на рубль...

— Это какимъ-же образомъ?... Если какой нибудь операціей, то я боюсь, не рискну: не опытенъ вѣдь я...

— Нѣтъ, не операціей; для операціи вы, конечно, неопытны, надо навѣкъ... Вотъ какимъ образомъ: вы дадите мнѣ ваши деньги подъ векселя, я устрою на нихъ дѣльце одно, навѣрняка наживу рубль на рубль, ну, и раздѣлю пополамъ... Дѣло-то золотое просто, да взяться мнѣ за него теперь нельзя: только что вложилъ всѣ деньги въ компанейское дѣло одно... Конечно, я могу взять деньги у кого угодно, но для дисконтера я работать не желаю, да и правило у меня такое: займовъ безъ крайней нужды не дѣлать, — процентовъ жаль...

Пичугинъ задумался.

— Бойтесь? засмѣялся Коленкоровъ. Вы, родной мой, не подумайте, что я тутъ хлопочу для себя, мнѣ, право, не очень ужъ такъ соблазнительно нажить, а я только вамъ хочу показать, какъ въ Москвѣ можно выгодно работать съ деньгами; сами потомъ соблазнитесь и во вкусъ войдете... Ну, а довѣрить мнѣ я думаю можно: лошаденки, мебелишко, вещишки чегонибудь стоять, и если описать все это—кой-что выручишь... Ха, ха, ха!... Вы одни ни на что не рѣшайтесь, а посовѣтуйтесь съ полковницей, барыня она практичная, васъ любить, а меня знаетъ, и худаго не посовѣтуетъ...

Василій Осиповичъ такъ и сдѣлалъ. Онъ пріѣхалъ къ полковницѣ и объяснилъ ей, что Коленкоровъ предлагаетъ ему весьма выгодное дѣло, но что онъ его знаетъ мало и, хотъ увѣренъ въ его несомнѣнной честности, но все дать деньги страшновато.

Полковница расхохоталась и сказала Пичугину, что только такіе наивные провинціалы могутъ такъ не понимать своихъ выгодъ.

— Коленкорову, милый мой, я сама по двадцати тысячъ давала подъ простую росписку, и дать ему почитаютъ за счастье, потому что въ его рукахъ деньги растутъ и плодятся, словно мыши въ амбарѣ... Я отъ него въ два, три года капиталъ нажила!

Это рѣшило судьбу денегъ Василія Осиповича, и на другой-же день его десять тысячъ были у Коленкорова, а взаменъ ихъ въ бумажникѣ лежалъ вексель.

VIII.

Мѣсяцъ, по истеченіи котораго Василій Осиповичъ долженъ былъ получить свои десять тысячъ и половину нажитаго на нихъ барыша, подходилъ къ концу.

Все это время Василій Осиповичъ игралъ, и игралъ весьма несчастливо. Онъ, съ внезапно открывшейся страстью, увлекся картами и жилъ всѣмъ существомъ своимъ у зеленого стола.

Слѣдить за слѣпымъ счастьемъ, глядѣть, какъ груды денегъ переходили отъ одного къ другому, ждать этихъ денегъ на свою карту, — сдѣлалось такимъ наслажденіемъ для старика, что удержаться отъ игры онъ уже не могъ, не смотря на сильные проигрыши, и все больше и больше отдавался роковой страсти.

Въ одну памятную для него ночь Василій Осиповичъ проигралъ болѣе трехъ тысячъ, все что у него было послѣ безпрестанныхъ проигрышей.

Коленкоровъ держалъ банкъ и страшно выигрывалъ.

— Александръ Петровичъ, обратился къ нему Пичугинъ дрожащимъ голосомъ, дай мнѣ рублей пятьсотъ, я хочу отыгаться...

— Я, голубчикъ, въ заемъ никому не даю, тѣмъ болѣе при игрѣ, это худая примѣта, небрежно отвѣтилъ тотъ.

— Ну, дай мнѣ въ счетъ тѣхъ, моихъ денегъ...

— Какихъ это, „твоихъ денегъ“?

— Которыя ты мнѣ долженъ...

— По векселю-то?.. Полно, милый, кто-же нынѣ платитъ по векселямъ!

— Я не шучу, Александръ Петровичъ... Мнѣ не обходимо нужно отыгратъся, не бросать же мнѣ три тысячи!..

— Да я и не шучу... По моему векселю я уплачу тебѣ, конечно, но не скоро, и то если ты будешь согласенъ получить копѣекъ по двадцати за рубль...

Коленкоровъ былъ пьянъ и нагло глядѣлъ на Пичугина своими налитыми кровью глазами.

— Чудакъ какой, господа! обратился онъ къ окружающимъ.—Далъ мнѣ подъ вексель денегъ и проситъ ихъ за карточнымъ столомъ, когда нынче и послѣ суда-то не каждому удастся получать по векселямъ!..

— Я, повторяю вамъ, не шучу, блѣднѣя заговорилъ Пичугинъ.—Я прошу васъ выдать мнѣ пятьсотъ рублей, а я сейчасъ же сдѣлаю надпись на векселѣ...

— Я тоже повторяю вамъ, что не дамъ и пятисотъ грошей... Идите-ка спать, милѣйшій, а я вамъ скажу на сонъ грядущій вотъ что: деньги, которыя вы мнѣ дали на оборотъ, я убилъ и потерпѣлъ убытокъ, а потому уплатить вамъ ихъ скоро не могу... Дѣйствую я, голубчикъ, на чистоту и водить васъ за носъ не желаю...

— Что?... Что? задыхаясь крикнулъ Пичугинъ и бросился на Коленкорова со стуломъ въ рукѣ.

Тотъ вскочилъ съ мѣста, но поскользнулся и упалъ.

Пичугинъ оттолкнулъ подбѣжавшаго было лакея и изо всей силы ударилъ Коленкорова по головѣ стуломъ.

Изъ пробитой головы широкой волной хлынула кровь.

— Убили, убійство, полицію сюда! закричалъ кто-то и все смѣшалось въ какой-то дикій хаосъ.

Гости изъ другихъ комнатъ прибѣжали въ кабинетъ, пошли распросы, поднялись крики, кого-то поймали за похищеніемъ со стола денегъ и начали бить.

Друзьямъ Александра Петровича удалось кое-какъ успокоить взволнованныхъ гостей, и тогда уже подняли съ пола окровавленнаго хозяина и уложили на постель.

Голова у него была поранена довольно сильно, но нисколько не опасно, и онъ сейчасъ же пришелъ въ себя.

— Гдѣ Пичугинъ? спросилъ онъ, морщась отъ боли.

— Сидитъ въ залѣ и плачетъ, волосы на себѣ рветъ...

— Задержите его и пошлите за полиціей, хочу чтобъ составили протоколъ...

— Оставьте, Александръ Петровичъ, оставьте? Что заводить скандалъ? начали уговаривать его пріятели.

— Никакого скандала тутъ нѣтъ; я не хочу оставлять безнаказаннымъ этого дурака...

— Саша, вѣдь ты скомпрометтируешь себя, опомнись! шепнулъ ему одинъ изъ братьевъ Курбетовыхъ.

— Я, мой милый, на этой недѣлѣ ѣду за границу, мнѣ это положительно все равно, а полиція нужна для того, чтобъ не было какихъ нибудь толковъ, которые могутъ дойти до него помимо насъ, и только,

ухудшить дѣло, и пожалуй, задержать меня... Пошли пожалуйста...

И явившаяся полиція составила актъ о буйствѣ дворянина Василья Пичугина и о нанесеніи имъ, Пичугинымъ, раны ученому механику Александру Петровичу Коленкову.

IX.

А Аня въ это время жила полной жизнью.

Она любила.

Новый знакомый ея, Конрадъ Конрадовичъ Баронекъ, заинтересовалъ ее еще до знакомства съ нимъ, по рассказамъ Юзи.

Пылкая полька рисовала его самыми яркими краскамъ; по ея словамъ, не было въ мірѣ чловѣка, столь красиваго, умнаго, привлекательнаго, какъ Баронекъ.

— Онъ одно время любилъ меня, Аня, говорила Юзя, — и я была такъ счастлива его любовью, такъ счастлива, что если живу еще послѣ того, какъ онъ меня разлюбилъ, то потому только, что надѣюсь возвратить его любовь... О, еслибъ не это, я-бы давно бросила этотъ домъ!.. Я должна, много должна тетѣ, но я-бы не поглядѣла на это, пусть-бы она посадила меня куда-нибудь, пусть-бы меня стали судить, но я-бы ушла, въ горничныя-бы ушла, но теперь я не могу... Онъ бываетъ здѣсь, я выдаю его и живу этимъ!... О, какъ онъ хорошъ, Аня!..

Когда Баронекъ пріѣхалъ, Аня нашла его достойнымъ похвалъ Юзи и уже съ перваго раза почувствовала къ нему что-то въ родѣ любви.

Боже, какъ неизмѣримо выше стоялъ онъ той молодежи, которую до сихъ поръ видала Аня! Изящный, красавецъ собой, то грустно-задумчивый, то насмѣшливо-веселый, онъ могъ очаровать и не такую простушку, какой была Аня, а ей, деревенской дѣвушкѣ, онъ показался чѣмъ-то особеннымъ, достойнымъ не только любви, а обожанія. И она именно начала съ обожанія.

Его пылкія рѣчи о любви, о женщинѣ,—Баронекъ говорилъ хорошо,—его красота, его рыцарскія наклонности, все это вызывало въ дѣвушкѣ какое-то благоговѣніе; она и мечтать не рѣшалась о любви такого человѣка,—она хотѣла только поклоняться ему.

Онъ первый заговорилъ о любви.

Какъ-то они сидѣли вдвоемъ. Дѣло было въ великолѣпный лѣтній вечеръ, на дачѣ полковницы.

Баронекъ сидѣлъ на ступенькахъ террасы и задумчиво глядѣлъ въ даль; Аня по близости читала книгу.

— Бросьте книгу, Анна Васильевна! что за охота читать въ такой чудный вечеръ, сказалъ Баронекъ и предложилъ дѣвушкѣ пройтись по саду.

Гуляя по темнымъ уже аллеямъ, Баронекъ заговорилъ о любви.

— Какъ хорошо на свѣтѣ, и какъ все же дурно живется! мечтательно проговорилъ онъ.

— Чѣмъ-же? спросила Аня.

— Одиночествомъ, Анна Васильевна... Жить хорошо тогда, когда любишь и любимъ, а я увѣ, потерялъ надежду на это счастье!

— Вы? удивилась Аня. Это странно... Мнѣ кажется, что вы слишкомъ много имѣете для того, чтобъ имѣть это счастье...

— О, нѣтъ!.. Я-бы хотѣлъ полюбить чистую женскую душу, младенчески чистую, такую, какъ ваша, Анна Васильевна...

Аня затрепетала.

— Да, такую... Но могу-ли я надѣяться на это?.. У насъ есть грозный судъ—судъ людей, и опъ не позволить дѣвушкамъ отдаться любимому человѣку безъ того, чтобы она не связала себя бракомъ... А я женатъ, Анна Васильевна...

— Какъ, вы женаты? спросила Аня.

— Да... Я не живу съ женой и скоро буду имѣть возможность снова жениться, но это „скоро“ будетъ черезъ три года... Что-же, мнѣ ждать? О, нѣтъ, нѣтъ, это тяжело!.. Анна Васильевна, рѣшите мою участь, скажите мнѣ...

Баронекъ запнулся.

— Я не знаю, смѣю-ли я говорить про это... Но... но я люблю васъ!.. Я люблю васъ такъ, какъ никогда еще не любилъ, и я не могу больше выносить этой пытки, и выскажусь вамъ... Я опытенъ, я знаю женщинъ и вижу, что вы готовы отвѣчать мнѣ любовью, но... но полюбите-ли вы меня настолько, чтобъ отдаться мнѣ?.. Знайте только заранѣе, что женой моей быть нельзя!..

Аня вся пылала, грудь ея высоко вздымалась.

— О, оставьте, оставьте меня! прошептала она и, высвободивъ свою руку, убѣжала.

Баронекъ постоялъ на своемъ мѣстѣ.

— Она будетъ моя! прошепталъ онъ и пошелъ тихонько къ дому. Да, она будетъ моя, но полковница дешево ее не отдастъ!..

Позднѣе собрались къ полковницѣ гости. Пить чай рѣшили на терассѣ, куда и вынесли массивный серебряный самоваръ.

— Гдѣ Юзя? спросила полковница. Отчего она нейдетъ разливать чай?

— Она сейчасъ будетъ, сказалъ Баронекъ. Саша Беринъ отлично играетъ на гитарѣ и я попросилъ ее надѣть сарафанъ и проплясать намъ русскую...

— Шалунъ! игриво проговорила полковница, и сама сѣла за самоваръ.

Черезъ нѣсколько минутъ Юзя дѣйствительно явилась въ сарафанѣ и плясала подъ гитару пріятеля Баронека.

— Вотъ какъ балуютъ и любятъ меня женщины, Анна Васильевна, а вы убѣждали отъ меня! шепнулъ Баронекъ Аннѣ, показывая на Юзю.

— И я, и я готова на все! такимъ же шепотомъ отвѣтила ему Аня и ушла съ террасы.

Х.

На другое утро Баронекъ пріѣхалъ на дачу полковницы довольно рано и былъ принятъ хозяйкой въ будуарѣ.

Полковница закурила папиросу и поудобнѣе усѣлась на кушеткѣ.

— Вы, конечно, ко мнѣ по дѣлу, Конрадъ Конрадовичъ? спросила она Баронека.

— Почему это „конечно“ по дѣлу? Развѣ вы не допускаете, многоуважаемая Фелицата Егоровна, что я могу пріѣхать къ вамъ не въ урочные часы и не по

дѣлу?... Такъ, провести нѣсколько пріятныхъ часовъ наединѣ...

— Полно вамъ! Какіе тамъ со мной пріятные часы!... Денегъ, что-ли нужно?

— Вообразите—вы ошиблись! улыбался Баронекъ.— Напротивъ, я хочу вамъ предложить денегъ....

— Это то-есть какъ?

— Какъ вознагражденіе за услугу.... Вѣдь вы дама практичная и даромъ услугъ не дѣлаете?

— Конечно!

— И отлично.

— Какую-же это я должна оказать вамъ услугу? Баронекъ закурилъ папиросу.

— Способствовать моему сближенію съ вашей племянницей, Анной Васильевной, сказалъ онъ, медленно затушивъ спичку и видимо подыскивая выраженія.

Полковница значительно подняла брови.

— Вы не имѣете въ виду жениться на ней? спросила она.

— Избави Богъ!.. Во первыхъ, мнѣ нельзя, а во вторыхъ, я не желаю... Нѣтъ, полковница, дѣло идетъ не о томъ....

Баронекъ бросилъ папиросу и пересѣлъ поближе къ полковницѣ.

— Да что тутъ намъ церемониться съ вами, tante? Будемъ откровенны!.. Я хочу, чтобъ вы не противились моему сближенію съ Аней, а за это я вознаграждаю васъ, вотъ и все... Помните вы „сближали“ меня съ вашей воспитанницей Машей? Тогда вы хлопотали, употребляли дипломатическіе и даже военные способы для того, чтобъ Маша полюбила меня, теперь

дѣло проще: Аня любить меня, и съ вашей стороны нужно только согласіе... согласіе на нашъ гражданскій бракъ.

— Да-а! протянула полковница и стала задумчиво пускать колечки.

— Баронекъ, заговорила она, я, знаете, сама врагъ брака, потому что на себѣ испытала много горя отъ брачной жизни.

— Я знаю, вставилъ Баронекъ.

— Вы это въ насмѣшку говорите: „она-де изъ корысти хлопочетъ,“ а я, ей-Богу, не изъ корысти! Я такъ люблю соединять два любящія сердца!

Полковница чувствительно вздохнула.

— Такъ вотъ и соедините.

— Да, но у меня къ Анѣ почти материнская привязанность...

— И вамъ жаль ее? съ ироніей спросилъ Баронекъ.

— Жаль! опять вздохнула полковница.

— Сколько нужно денегъ, чтобы умертвить эту жалость? нагло спросилъ Баронекъ, презрительно прищурившись.

Ему, видимо, надоѣдала комедія.

— Это оскорбленіе, Конрадъ Конрадовичъ, но я вамъ прощаю: вы влюбленный.

— Чувствительно благодаренъ. Такъ сколько-же?

— Не умертвить жалость я хочу деньгами,—ее не умертвишь и милліонами!... Я хочу только, чтобъ вы обезпечили Аню, если вы ее бросите...

— Да? Это очень мило... И вы это обезпеченіе отдадите ей?

— Не теперь, а послѣ.

— О, вы великодушны!... Сколько-же нужно на это обезпеченіе?

— Десять тысячъ, Конрадъ Конрадовичъ...

Баронекъ всталъ.

— Ну, мы не сторгуемся на этотъ разъ! проговорилъ онъ. Вы, вѣроятно, вообразили, что я влюбленъ въ Аню, какъ мальчикъ? Ошибаетесь, высокоуважаемая Фелицата Егоровна! Она мнѣ нравится, какъ новинка, но не настолько, чтобъ дать вамъ за нее десять тысячъ!...

— Я такъ люблю Аню, что меньше не возьму ни однимъ грошемъ, это мое послѣднее слово.

Баронекъ надѣлъ перчатки.

— Вы прогадаете, многоуважаемая madame Tesoff! замѣтилъ онъ. Вы прогадаете! Аня меня любить и — быть можетъ, десяткомъ дней позднѣе, — будетъ моей *бесплатно!*.. Положимъ, я ее обезпечу, но увы! это обезпеченіе въ ваши руки не попадетъ!

Полковница покачала головой, самоувѣренно улыбувшись.

— О, нѣтъ!.. Я еще не очень стара, но опытна: я знаю, какъ и чѣмъ сберечь дѣвушку отъ возможности пасть, и меня обмануть невозможно... Вы истратите много денегъ для достиженія вашей цѣли, но не добьетесь ея!.. Господинъ Баронекъ, я очень рада васъ видѣть у себя какъ можно чаще, но простите, если вамъ будетъ скучно: Аню я больше не только не оставляю съ вами наединѣ, но даже запрещаю ей выходить при васъ, и ужь больше вы ее не увидите... Я замѣнила ей мать и должна оберегать ее отъ всего...

— Увидимъ, кто выиграетъ!... До свиданья, чадо-любивая мать.

Баронекъ пошелъ къ двери, не подавъ руки полковницѣ.

— Двѣ тысячи угодно вамъ получить? спросилъ онъ въ дверяхъ.

— Десять тысячъ, мой милый, десять тысячъ!... Я могу на половину взять векселями...

— Спасибо! Мои векселя еще идутъ пока рубль за рубль... — До свиданья!

Баронекъ надѣлъ шляпу и вышелъ, насвистывая какую-то шансонетку.

— Здравствуйте, Анна Васильевна! крикнулъ онъ, проходя мимо террасы, на которой Аня поливала цвѣты. Я приведу вечеромъ лошадей, — поѣдемъ верхомъ?

— Мерсі. Конечно поѣдемъ! отвѣтила Аня.

— Но только навѣрное, а то скучно напрасно приѣхать... Я приведу, а васъ тетя не пуститъ...

— Что за вздоръ!.. Я не ребенокъ! засмѣялась Аня.

Полковница, сидя у окна рядомъ съ террасой, только улыбнулась.

XI.

Только что проводила полковница Баронека, какъ ей доложили о новомъ гостѣ: съ ближайшей станціи желѣзной дороги пришелъ Василій Осиповичъ и, украдкой отъ дочери, пробрался въ кабинетъ полковницы.

Василій Осиповичъ похудѣлъ, постарѣлъ на десять лѣтъ, его давно небритыя щеки ввалились, костюмъ былъ болѣе, чѣмъ скромный.

Послѣ исторіи съ Коленкоровымъ, который прѣблагополучно уѣхалъ за границу, Василій Осиповичъ окончательно разорился. Кромѣ того, что онъ проигралъ всѣ наличныя деньги и даже вещи, онъ надавалъ векселей, а буйство его и нанесеніе Коленкорову раны стоило ему дорого: сперва изъ него сосалъ деньги нанятой имъ адвокатъ, потомъ повѣренный Коленкорова явился и тоже усердно приложилъ руки къ отоцавшему кошельку разореннаго старика, грозя въ случаѣ неуплаты денегъ за веденіе дѣла то мировымъ, то тюрьмой, такъ какъ рана была признана за серьезную, при чемъ вексель Коленкорова не былъ принятъ въ учетъ.

Старикъ потерялся и запилъ. Къ дочери онъ въ это время почти не ѣздилъ, извѣщая ее письмами о своихъ дѣлахъ, истины, впрочемъ, не говоритъ, отдѣливаясь намеками и полусловами. Аня спрашивала полковницу объ отцѣ, и та тоже довольно неопредѣленно объясняла ей „что папа-де проигрываетъ въ карты, потерпѣлъ фiasco въ какой-то аферѣ но, впрочемъ, живъ, здоровъ и, Богъ дастъ, вернетъ и проигрышъ, и потеряныя деньги.

Аня вѣрила „тетѣ“ и хоть скучала иногда, не видя отца, но подъ вліяніемъ охватившей ее любви, которой она отдалась всѣмъ существомъ, подъ вліяніемъ шумной и веселой жизни образъ отца какъ то отдалялся.

Онъ здоровъ, хлопочетъ тамъ о дѣлахъ, что-же такое? Не няньчиться-же ему съ ней!

Сегодня Василій Осиповичъ пришелъ особенно грустный; отъ него пахло виномъ.

Усѣвшись на стулъ и опустивъ голову, онъ сталъ жаловаться на свои дѣла, объяснилъ, что онъ разоренъ

окончательно, и наконецъ заплакалъ и чуть не на ко-
лѣняхъ сталъ просить полковницу не оставить его до-
рогую Аню, если онъ умретъ отъ всѣхъ этихъ бѣдъ.

Полковница успокоила его.

— Не бойтесь, бѣдный Василій Осиповичъ! сказала она, нѣжно усаживая старика на диванъ рядомъ съ собою. Аню я люблю, какъ дочь и, конечно, не оставлю, лишь-бы она слушалась меня и уважала, а вы за себя тоже не беспокойтесь; ваши векселя почти всѣ у меня, значить, вамъ нечего бояться за нихъ, а съ Коленкова мы получимъ, это ужъ я возьму на себя, такъ какъ я посовѣтовала вамъ дать денегъ... Не падайте духомъ... Вотъ вамъ пока триста рублей — отдайте тамъ мелочные долгишки, да купите себѣ платье, понадобится—и еще вамъ дамъ...

Старикъ, обливаясь слезами, цѣловалъ руки полковницы и не находилъ, чѣмъ благодарить ее.

Успокоивъ Василья Осиповича, полковница велѣла ему подождать въ кабинетѣ, чтобы приготовить Аню къ свиданію съ нимъ.

— Матушка, Фелицата Егоровна, я лучше завтра приѣду, сказалъ Василій Осиповичъ. — Побрѣюсь, пообщусь, а то вѣдь я испугаю этакій-то Аню!

— Нѣтъ, ничего. Она могла видѣть васъ, или прислуга скажетъ, что вы были, это хуже... Ничего, я приготовлю ее.

Полковница пошла на терассу, гдѣ Аня читала съ Юзей.

— Юзя, иди къ себѣ, мнѣ нужно поговорить съ Аней, обратилась Фелицата Егоровна къ Юзѣ и, когда дѣвушка вышла, сѣла на оставленный ею стулъ.

Аня положила книгу и вопросительно подняла глаза на „тетю“.

— Ты дала слово Баронеку ѣхать съ нимъ верхомъ? спросила полковница.

— Да, тетя.

— Гмъ!.. Мнѣ кажется, что не мѣшало-бы спросить моего позволенія прежде, чѣмъ давать слово. Ты какъ объ этомъ думаешь?

Аня пожала плечомъ.

— Вѣдь тутъ не позволительнаго ничего нѣтъ, тетя, сказала она.—Наконецъ я...

— Ты дѣвченка, вотъ что ты! перебила полковница, возвышая голосъ. Я тебѣ объявляю, какъ твоя тетка и воспитательница, что я не только не позволю тебѣ кататься съ Баронекъ, но даже запрещаю и видать его... Слышишь?.. Что такое Баронекъ? Ловелась, готовый вскружить голову каждой подвернувшейся дѣвченкѣ и потомъ бросить ее... Онъ вѣдь женатъ, твой Баронекъ, дура ты этакая!..

Аня вспыхнула.

— Тетя, я очень вамъ благодарна за заботы обо мнѣ, но я должна вамъ замѣтить, что я не привыкла къ рѣзкостямъ, и ужъ если вамъ нельзя обойтись безъ нихъ, то я попрошу васъ... попрошу васъ — не хлопотать обо мнѣ. У меня есть отецъ.

Полковница трагически захохотала.

— Ха, ха, ха!.. У нея есть отецъ!.. Ха, ха, ха!.. Поди сюда, поди сюда, негодная, дерзкая дѣвченка!

Полковница взяла недоумѣвающую Аню за руку и привела ее въ кабинетъ.

— Вотъ твой отецъ, полюбуйся на него! театраль-

нымъ тономъ сказала полковница и показала на застѣнчиво поднявшагося на встрѣчу вошедшимъ Василія Осиповича.

— Папа! изумленно воскликнула Аня и бросилась къ отцу. — Папа, милый, что съ вами?! спрашивала она его, цѣлуя нѣсколько разъ. — Какой вы худой, блѣдный!.. Какой вы жалкій, папа!..

— Да, да, попустился, Нюточка, попустился!.. Прости, голубка, прости... Пьяница твой папа, игрокъ... Все проигралъ...

Старикъ заплакалъ.

— Вся надежда на благодѣтельница, на тетю... Слушай ее, люби, уважай, она тебѣ единственная опора, а я... я погибшій человѣкъ!... Помнишь, я смѣялся надъ тобой, когда мы пріѣхали въ Москву, говорилъ, что тебя съѣдятъ, пугаль?... Меня съѣли, меня!.. А тебя тетя не дастъ, защититъ...

Аня рыдая усадила отца на диванъ, сѣла съ нимъ рядомъ и стала спрашивать о его дѣлахъ.

Полковница сѣла въ отдаленіи и, скрестивъ на груди руки, величественно молчала, пока Василій Осиповичъ рассказывалъ, словно на исповѣди, свою грустную повѣсть шагъ за шагомъ.

Аня дослушала до конца, и когда Василій Осиповичъ кончилъ и опять заплакалъ, она нѣжно поцѣловала его въ лобъ и подошла къ полковницѣ.

— Простите меня, тетя, сказала она, цѣлуя руку тетки, я оскорбила васъ... Да, вы одна у меня опора, одна защита, не оставьте меня, а главное, главное, тетя, — спасите папу, помогите ему встать на ноги!..

Я ваша, ваша дочь, ваша служанка, раба, но только спасите моего папу!..

Полковница великодушно раскрыла свои объятія.

XIII.

Полковница приняла опеку надъ Аней и разыграла съ дѣвушкой роль нѣжно любящей матери на столько трогательно, что добрая, нѣжная отъ природы дѣвушка, глубоко раскаялась въ своей рѣзкости съ „милой тетей“ и дала себѣ слово, никогда больше не огорчать ее и быть послушной, предупредительной и любящей.

Побудительной причиной къ этому было и положеніе Василя Осиповича. Полковница объяснила Анѣ, что отецъ ея много задолжалъ и что ей пришлось выкупать его векселя, чтобы избавить его отъ полного разоренія; Аня видѣла, какъ полковница принимала кредиторовъ ея отца, какъ просила ихъ быть снисходительными и терпѣливыми, какъ уговаривала старика бросить игру и не пить и понимала, что не будь полковницы—старикъ бы зачутался въ своихъ долгахъ и пропалъ. Ее въ холодъ бросало при мысли, что было съ нею безъ тетки при такомъ положеніи дѣлъ. Но побороть любовь къ Баронку Аня не могла.

Она послушалась тетки и не выходила къ Баронку, когда онъ пріѣзжалъ, но...

Но Баронекъ одержалъ побѣду надъ бдительностью полковницы....

Отправляясь гулять въ сосѣдную рощу, Аня приходила къ Баронку на дачу его родственницы, дамы, очень похожей на полковницу, гуляла съ нимъ, ката-

лась на лодкѣ; а полковницѣ и въ голову это не приходило, тѣмъ болѣе, что Баронекъ пріѣхалъ какъ-то къ ней и объявилъ, что ѣдетъ за границу.

Такъ шло все лѣто.

Вмѣстѣ съ послѣдними осенними цвѣтами, выражаясь поэтически, отцвѣла и любовь Баронка.

Онъ сталъ холоденъ, сталъ манкировать свиданіями съ Аней, а когда полковница переѣхала въ городъ—и совершенно прекратилъ эти свиданія, хотя Аня писала ему и умоляла пріѣхать.

Въ первый-же маскарадъ, какъ знаетъ читатель, дѣвушка поѣхала туда, поѣхала тайкомъ отъ тетки, отпресившись къ подругѣ.

Баронку обошелся маскарадъ не дешево.

Что вызвало дуэль, мы объяснимъ въ послѣдствіи, теперь-же расскажемъ, чѣмъ поплатилась Аня за свою самовольную поѣздку. Лишь только дѣвушка сбросила шубу на руки караулившей ея союзницѣ—горничной и вошла къ себѣ, какъ передъ ней предстала полковница...

Аня дрогнула, смѣшалась и остановилась, понутивъ голову.

Полковница скрестила руки и окинула ее грознымъ взглядомъ.

Минуты двѣ длилось молчаніе.

— Вотъ какъ, вотъ какъ! заговорила наконецъ полковница. Смиреница наивная-то; дѣвочка... въ маскарады тайкомъ ѣздитъ въ откровенномъ костюмѣ!.. Да ты кто? Ты гдѣ, у кого живешь, дрянъ ты этакая?.. Какъ ты смѣла меня срамить? Какъ ты смѣла уѣхать въ маскарадъ?

Аня молчала. Грудь ея высоко вздымалась.

— Я тебя спрашиваю, дрянная дѣвченка! крикнула полковница такъ, что стекла зазвенѣли.

— Тетя, милая тетя, простите меня! вдругъ бросилась къ ней Аня, хватая ее за руки. Я все, все расскажу вамъ, моя милая, моя родная, мама моя!.. Мнѣ не передъ кѣмъ больше вылить свое горе, вы одна у меня...

— Ну, ну, что такое? стгорая любопытствомъ, спросила полковница и сѣла въ кресло.

Аня склонилась предъ ней на колѣни.

— Тетя, дорогая моя, спасите меня, научите, что мнѣ дѣлать!.. Баронекъ разлюбилъ меня... Онъ хотѣлъ жениться на мнѣ, но бросилъ, бросилъ, разлюбилъ меня!..

Словно ужаленная вскочила полковница, оттолкнувъ отъ себя Аню.

— Какъ?.. Какъ? хрипло заговорила она, схвативъ дѣвушку за руку. Такъ ты обманывала меня, проводила меня съ нимъ?.. Такъ я одурачена?.. Проклятые вы, негодные вы!.. Да я тебя... я тебя... Эй, кто тамъ?.. Розогъ сюда, веревокъ!

Въ разныя двери вбѣжали лакей и поблѣднѣвшая горничная.

— Возьмите ее, свяжите ее! неистовствовала полковница, метаясь по комнатѣ, какъ раненый звѣрь.

Аня поднялась съ полу.

— Тетя, твердо сказала она, подходя къ двери, которая вела въ ея комнату, вы можете прогнать меня, но бить себя я не позволю даже отцу; я не ребенокъ, тетя, и сама могу быть своимъ судьей... Я пойду къ себѣ, а завтра приглашу папу, и мы увидимъ, что намъ

дѣлать... Тетя, я запрусь у себя, и если кто-нибудь задумаетъ войти ко мнѣ—я всажу себѣ въ горло ножъ!.. Пусть я лучше умру, но бить... О, нѣтъ, нѣтъ, я этого не позволю!..

Аня быстро вышла и слышно было, какъ она вбѣжала по лѣстницѣ въ свою комнату.

— Догнать ее, воротить! закричала полковница!

Лакей было бросился впередъ, но полковница остановила его.

— Не нужно... иди къ себѣ...

Лакей вышелъ.

— Это ты, ты все спроворила! зашипѣла полковница, подходя къ горничной, и схватила ее за волосы.— Такъ вотъ же тебѣ, вотъ же тебѣ!..

И оттрепавъ дѣвушку, которая только всхлипывала въ могучихъ рукахъ, полковница толкнула ее и, упавъ въ кресло, истерически зарыдала.

XIII.

Прошло два дня.

Аня въ теченіи ихъ не сходила сверху и не видала полковницы. Дѣвушка послала отцу письмо и телеграмму, просила немедленно пріѣхать, но отвѣта не получила, и самъ Василій Осиповичъ не ѣхалъ.

Анѣ было не легко.

Сотни думъ тѣснились въ воспаленной головѣ, и не веселы были тѣ думы.

Она не видѣла никакого исхода изъ своего положенія и ждала чего-то неизъяснимо страшнаго, ужаснаго.

Идти къ отцу, жить съ нимъ? Но что ожидало ее

въ этой жизни? Бѣдный, раззорившійся отецъ въ долгахъ, она не приготовлена ни къ какой работѣ, а тутъ еще долги, кредиторы!..

Примириться съ теткой!

Но это было тяжело.

Не сочувствіемъ, не материнскимъ горемъ встрѣтила эта тетка ея исповѣдь, а дикимъ проявленіемъ гнѣва, готоваго разразиться унижительными побоями, столь-же унижительными, сколь жестокими.

Не даромъ, видно, тетя все толковала о женихахъ-милліонерахъ и, быть можетъ, сама ждала поживы отъ этихъ милліоновъ, что такъ страшно, звѣрски разозлилась, когда узнала о невозможности уже дать жениха племянницѣ.

Дѣвушка не знала, что предпринять и, не осушая глазъ, плакала эти два дня.

Аня вспомнила о Лавиновѣ. Прошлой зимой онъ былъ приглашенъ полковницей давать Анѣ уроки музыки.

Симпатичный, красивый собой, задушевно ласковый, онъ понравился дѣвушкѣ и, когда однажды послѣ урока онъ робко и застѣнчиво сказалъ ей, что любить ее—она довѣрчиво протянула ему руку и, вся зардѣвшись, отвѣчала ему тоже признаніемъ.

Въ тотъ же день молодой человѣкъ сдѣлалъ предложеніе Анѣ, попросилъ у полковницы ея руки и, разумѣется, получилъ отказъ.

На другой день Аня получила отъ него письмо, въ которомъ онъ предлагалъ ей бѣжать съ нимъ.

Письмо было горячо, увлекательно, дышало страстью и глубокимъ убѣжденіемъ.

Аня ужь готовилась отвѣчать согласіемъ, но Юзя утащила у ней письмо и показала полковницѣ.

Какъ хохотали надъ этимъ письмомъ гости полковницы, какъ комично представлялъ баронъ Гольдгельдъ Лавинова, какъ краснорѣчиво описала полковница будущность Ани, если бъ она вышла за него, за бѣднаго музыканта, за какого-то „оберъ-офицерскаго сына!“

Аня возразила было, что Лавиновъ получилъ университетское образованіе, что ему предсказываютъ извѣстность, но на это возраженіе посыпалось столько отзывовъ, гости такъ ловко разбили защиту дѣвушки, что ей и въ самомъ дѣлѣ представилась крайне неприглядною картина сожителства съ „музыкантомъ“, съ „непризнаннымъ гениемъ“, съ „гордымъ оберъ-офицерскимъ сыномъ“, а тутъ „чредой блестящей“ потянулись вечера, пикники, концерты, и Аня забыла своего учителя.

Она иногда видала его въ концертахъ, до нея доходили иногда слухи о „новомъ талантѣ молодаго музыканта Лавинова“, она прочла какъ-то въ газетахъ отзывы о немъ, какъ о скрипачѣ, но въ то-же время она встрѣтила его раза два на улицѣ, идущаго пѣшкомъ, въ ватномъ пальто, слѣдовательно, правда, что онъ очень небогатъ.

„Да, онъ мнѣ не пара, рѣшила дѣвушка. Онъ славный, умный, но идти за него замужъ... Вѣдь тогда, какъ говоритъ тетя, придется дѣйствительно ходить на рынокъ и самой стирать бѣлье, а это и скучно, и тяжело!..“

До маскарада она не встрѣчалась съ нимъ.

Теперь невольно мысль дѣвушки остановилась на этомъ влюбленномъ въ нее человѣкѣ. Она видѣла, что онъ все еще влюбленъ въ нее.

„Идти къ нему, просить его помощи“, думала Аня. Но вѣдь я не люблю его, я за него никогда не пойду, не потому что онъ бѣденъ,—теперь мнѣ это все равно, а потому что я принадлежала другому,—легко-ли ему будетъ видѣть меня?.. Не безчестно-ли будетъ, что я, пользуясь его любовью, буду просить его помощи?..“

Аня то рѣшала, то нерѣшала.

— А я пойду къ нему! наконецъ окончательно рѣшила она. Я пойду къ нему, какъ къ другу, какъ къ товарищу, онъ научить меня, что дѣлать...

Это рѣшеніе успокоило Аню; она почти первый разъ послѣ исторіи съ теткой, поѣла принесеннаго дѣвушкой холоднаго обѣда и крѣпко заснула, проведя безъ сна двѣ ночи.

XIV.

Лавиновъ сильно и страстно любилъ Аню.

Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые, разъ встрѣтивъ и привязавшись къ чему-нибудь, будь то дѣло или человѣкъ, отдаются полюбившемуся всецѣло, прочно и кладутъ тутъ всю жизнь свою.

Сынъ бѣднаго провинціального чиновника, Петръ Ивановичъ Лавиновъ съ трудами и лишеніями прошелъ курсъ гимназіи, и отецъ уже готовилъ было его въ губернское правленіе, гдѣ прослужилъ и самъ всю жизнь, но юноша объявилъ, что онъ пойдетъ въ университетъ. На доводы стариковъ, отца и матери, что имъ трудно,

что онъ долженъ замѣнить уставшаго отца и кормить его и мать, онъ отвѣчалъ, что четыре года университетскаго курса пройдутъ скоро, и онъ постарается чѣмъ-нибудь помогать имъ въ это время, а послѣ уже будетъ въ состояніи обезпечить ихъ вполне, — и пошелъ въ университетъ.

Слово „пошелъ“ употреблено буквально: юноша пѣшкомъ отправился въ Москву съ береговъ Волги.

Доѣхать было-бы, конечно, не дороже, но юноша избралъ пѣшій путь съ другою цѣлію: онъ былъ музыкантъ въ душѣ, пѣвецъ и хотѣлъ по дорогѣ изучить мотивы народныхъ пѣсенъ. Еще въ своемъ губернскомъ городѣ занимался онъ съ любовью музыкой и обратилъ на себя вниманіе одного знатока-диллетанта, прибывъ-же въ Москву, онъ отдался любимому дѣлу серьезно.

Не оставляя университета, онъ посѣщалъ консерваторію, бралъ уроки, работалъ неутомимо, и учась самъ, давалъ уроки, писалъ музыкальныя рецензіи въ газетахъ и содержалъ себя, отсылая денегъ и отцу.

Кончивъ курсъ въ университетѣ по юридическому факультету и положивъ въ карманъ дипломъ, какъ резервъ на случай неудачи, Лавиновъ сталъ исключительно заниматься музыкой и уже чрезъ годъ обратилъ на себя вниманіе въ концертѣ любителей, какъ недюжинный скрипачъ.

Молодой человѣкъ не увлекся успѣхомъ, онъ не вскружилъ ему голову и не заставилъ бросить работу. Онъ, получивъ мѣсто въ оркестрѣ Императорскаго театра, сталъ давать уроки единственно для того, чтобъ скопить денегъ и ѣхать за границу, а въ это время работалъ надъ большимъ музыкальнымъ трудомъ.

Давая уроки въ аристократическихъ домахъ, Лавиновъ встрѣчалъ много дѣвушекъ и талантливыхъ, и красавицъ, но не останавливалъ своего вниманія ни на одной; не нравились ему эти холодныя какъ ледъ красавицы, даже въ минуты увлеченія не забывающія своего кодекса свѣтскаго этикета, безстрастныя, выдрессированныя до совершенства, словечка не говорящія безъ разсчета.

Наконецъ онъ встрѣтилъ Аню. Деревенская простота дѣвушки, искренность, задушевность, отзывчивая душа молодой красавицы произвели впечатлѣнїе на пылкаго музыканта.

Онъ полюбилъ ее.

Въ тиши ночи мечталъ онъ объ ней и писалъ ей пѣсни изъ излюбленныхъ народныхъ мотивовъ; посвящалъ задумчивыя, полныя тихой грусти и мечты романсы и, наконецъ, сдѣлалъ признаніе.

День этотъ навсегда врѣзался ему въ память.

Онъ давалъ Анѣ урокъ музыки.

Дѣвушка была что-то разсѣянна и играла плохо.

— Вы сегодня не въ духѣ, Анна Васильевна? спросилъ Лавиновъ, влюбленными глазами глядя на Аню.

— Мнѣ что-то грустно сегодня, Петръ Ивановичъ... Такъ, безъ всякой причины взгрустнулось мнѣ... Знаете, бываетъ иногда такъ, точно облачко налетитъ... Вотъ какъ въ хорошій лѣтній день въ полѣ; весело такъ, блеститъ все, птицы поютъ, цвѣты кругомъ, вдругъ потемнѣетъ все, взглянешь на небо, а солнце облачкомъ задернуло и все потемнѣло... Такъ и на душѣ иногда дѣлается... Не то грустно, не то жаль чего-то, и хочется поплакать; поплачешь — легче... Вотъ хорошо,

если въ такія минуты поетъ кто, или играетъ... Такое задумчивое что-нибудь, тихое, съ говоркомъ эталкимъ...

Лавиновъ наклонился надъ клавишами.

— Да, такъ бываетъ и со мной, проговорилъ онъ. У меня есть такая піеса, я съиграю ее...

Лавиновъ заигралъ каватину своего сочиненія.

Онъ кончилъ и поднялъ глаза на Аню.

Дѣвушка тихо, тихо плакала.

— Какъ хорошо! сказала она, улыбнувшись сквозь слезы. Повторите еще, Петръ Ивановичъ...

— Какая въ васъ славная добрая душа! съ чувствомъ проговорилъ молодой музыкантъ и взялъ Аню за руку. О, если-бъ такая дѣвушка...

Лавиновъ запнулся.

— Что? спросила Аня.

— Полюбила... Развѣ вы не видите, что я люблю васъ?.. Я не богатъ, но для счастья и не нужно богатства... Поищите, Анна Васильевна, въ вашемъ сердцѣ хоть немного любви ко мнѣ и... и будьте подругой моей жизни, будьте моей обожаемой женой.

Аня вспыхнула, рука ея задрожала въ рукѣ Лавинова.

— Я не немного, а много, много люблю васъ! шепнула она и вышла изъ комнаты.

Лавиновъ обезумѣлъ отъ радости... Результатъ его сватовства былъ печалень, но онъ не упалъ духомъ. Съ удвоенной энергіей принялся онъ за работу, чтобы быть достойнымъ любимой дѣвушки.

Онъ не выпускалъ ее изъ виду, слѣдилъ за ней.

Въ роковое для Ани лѣто, на дачѣ, Лавиновъ узналъ, что она полюбила Баронека.

Онъ рѣшилъ, что теперь все кончено; и уѣхалъ къ отцу, чтобъ проститься съ нимъ и ѣхать съ наступленіемъ зимы за границу.

Приѣхавъ съ родины, онъ узналъ, что Аня не вышла за Баронека, а въ кружкахъ молодежи, съ которой приходилось встрѣчаться Лавинову, онъ узналъ и болѣе. Тамъ говорили объ интригѣ Баронека „съ одной изъ воспитанницъ полковницы“ и готовились ухаживать за Аней въ наступившій сезонъ.

Лавиновъ снова сталъ слѣдить за ней. Любовь проснулась съ новой силой.

Съ ужасомъ узналъ онъ Аню въ маскарадѣ въ пикантномъ костюмѣ маскарадныхъ фей и сталъ, незамѣтно для нея, слѣдить.

Подслушанный разговоръ несчастной дѣвушки съ Баронекомъ открылъ ему все.

Вызывая Баронека на дуэль, Лавиновъ хотѣлъ этой дуэлью показать, что есть люди, которымъ Аня дороже жизни, и тѣмъ оградить ее отъ ловеласовъ, подобныхъ Баронеку, поднять во мнѣніи людей, кровью смыть ее позоръ, и въ то же время ему страстно, до мучительной боли страстно хотѣлось разmozжить красивую голову Баронека.

Встрѣтивъ затѣмъ Аню и проведя съ нею нѣсколько часовъ, онъ понялъ, что любить ее еще больше, чѣмъ когда-то, и въ сердцѣ молодаго человѣка воскресли надежды.

„О, если я останусь живъ, думалъ онъ всю ночь передъ дуэлью, я могу, могу еще быть счастливъ!...“

Къ этому-то человѣку отправилась Аня изъ дома тетki искать пріюта и помощи.

Вечеромъ, захвативъ кое-что изъ вещей, вышла Аня на улицу, когда полковницы не было дома, и крикнула извозчика.

— Куда прикажете, барышня? подѣхалъ къ ней изванный извозчикъ.

Аня стала въ тупикъ: она не знала адреса Лавинова.

XV.

Рана Баронека была не опасна, но заставила его пролежать въ постели нѣсколько дней.

Въ теченіи всего этого времени докторъ, то и дѣло уговаривалъ его не волноваться и быть покойнѣе, такъ какъ Баронекъ по десяти разъ на день выходилъ изъ себя и съ пѣной у рта проклиналъ Лавинова, ругался, бѣсился и грозилъ и ему, и Аннѣ различными ужасами.

— Проклятый! хрипѣлъ онъ, бѣшено сжимая кулаки. Точно зайца какого подстрѣлили!.. И за что?.. За что я долженъ былъ подставлять голову подъ пулю этого глупца, этой пустельги?.. За дѣвченку, которую я могъ купить во всякое время!.. А откажись я отъ дуэли — онъ бы оскорбилъ меня, осрамилъ.... О, проклятый!.. И боль страшная, нестерпимая въ плечѣ, и самое лучшее время охоты долженъ лежать!.. Только что собирались было за лосями, а тутъ... Ну, да ужъ я же имъ отомщу!.. Недѣлю продумаю, а ужъ выдумаю что-нибудь....

— Избить его, баринишку этого, Конрадъ Конрадовичъ, самое лучшее-съ, посовѣтовалъ какъ-то Баронеку его приближенный слуга — цыганъ-наѣздникъ, ли-

хой парень и преданный ему, какъ собака. У меня есть на примѣтѣ парень одинъ, по конокрадской части онъ занимался, да теперь бросилъ,—кого угодно изувѣчить за деньги...

Баронекъ ухватился за эту мысль.

— Отлично, Васька! весело сказалъ онъ. — Ему бока намнемъ, музыканту этому, а надъ дѣвченкой послѣ какую нибудь штуку сыграемъ... Ты знаешь, гдѣ живетъ парень этотъ?

— Да нигдѣ онъ не живетъ, а пристаётъ за Крестовской заставой въ харчевнѣ въ одной-съ... Парень потерянный, потому въ услуженіе его никто не беретъ; паспортъ-то у него волчій, а прежнимъ рукомерломъ, тысь конокрадствомъ-то, заниматься не можетъ, потому ноги у него перешиблены были...

— Такъ какъ-же онъ безногій-то сладить съ Лавиновымъ? Ты знаешь, что Лавиновъ этотъ подковы разгибаетъ! сказалъ Баронекъ.

— Товарищей подберетъ-съ, это ничего... Ужъ вы только, баринъ, разрѣшите, а уладить они все уладятъ и заманку для голубчика придумаютъ!

Баронекъ задумчиво сталъ покусывать усы.

Рыцарскія понятія о чести, воспитанныя въ немъ и дома, и въ школѣ, мѣшали рѣшиться на такую мечь, но зло на Лавинова было велико, а средствъ для болѣе благородной мести не было.

— А чертъ съ нимъ! махнулъ Баронекъ рукой, словно отгоняя мысли о чести и думая вслухъ. Есть тутъ съ кѣмъ церемониться! Будь человѣкъ этотъ нашего общества—такъ, а то музыкантъ тамъ какой-то!.. Васька,

приведи мнѣ твоего бандита, парня этого! рѣшительно сказалъ онъ цыгану.

„Въ Италіи самые важные синьоры нанимають для мести бандитовъ этихъ, не брезгаютъ! подумалъ онъ, вспомнивъ какой-то переводный романъ съ бандитами, герцогами, масками, кинжалами и подъемными мостами.

И доморощенный бандитъ, въ лицѣ московскаго мѣщанина Якова Сиводралова, прозваннаго Бугаемъ, стоялъ передъ Баронекомъ, отрекомендованный цыганомъ.

Баронекъ приподнялся на локтѣ и оглядѣлъ московскаго бандита.

Это былъ мужчина громаднаго роста, черный, кудрявый, съ опухлымъ лицомъ и звѣрскими глазами.

Наружность какъ нельзя болѣе подходила къ профессіи бандита, а прошлое Яшки Бугая не уступило бы обиліемъ преступленій и походовъ никакому, самому классическому, разбойнику.

Лѣтъ десять тому назадъ, Бугай этотъ, — мѣщанинъ Николай Аѳанасьевъ Яковлевъ, — жилъ въ Москвѣ и торговалъ мелочнымъ товаромъ у одной изъ заставъ, продавая въ тоже время безъ надлежащаго патента вино.

Ловкій, разбитной, то вкрадчивый, то энергично-суровый Яковлевъ приобрѣлъ и любовь, и уваженіе сосѣдей и покупателей, и дѣла его шли хорошо, такъ что за него отдалъ свою единственную дочь довольно зажиточный огородникъ, а по смерти своей обѣщалъ ему домъ и огородъ.

Яковлевъ зажилъ купцомъ настоящимъ.

Жена у него была красавица писанная и бойкая горожанка, рѣчистая, привѣтливая и отчасти разгульная.

Николай Аѳанасьевъ держалъ ее въ ежовыхъ рука-

вицахъ и обращался съ нею жестоко, такъ что молодая женщина искала радости „на сторонѣ“ и слюбилась съ однимъ прикащикомъ сосѣдняго купца.

Яковлевъ поймалъ ее на мѣстѣ преступленія и страшно, варварски отплатилъ ей за измѣну.

Въ темномъ чуланѣ связалъ онъ жену по рукамъ и по ногамъ, забилъ ей въ ротъ кожаную рукавицу и раздѣтую привязалъ за косы къ потолочной балкѣ на вѣсу, на ноги повѣсилъ двѣ гири...

Три дня держалъ онъ въ такомъ положеніи свою жертву, и въ ночь на четвертый день добилъ ее, умирающую, полѣномъ...

Его судили и сослали на каторгу.

Не прошло и года, какъ Яковлевъ бѣжалъ, и въ одинъ осенній вечеръ пришелъ въ свой домъ, гдѣ была открыта харчевня тѣмъ самымъ прикащикомъ, который отбилъ у него жену.

Яковлевъ подкараулилъ врага въ сѣняхъ и раскроилъ ему черепъ топоромъ, а потомъ вошелъ въ харчевню и подошелъ къ столу, за которымъ пила пиво компанія рабочихъ съ солодянаго завода, все бывшіе знакомые покупатели Яковлева.

— Здорово, братцы! поздоровался Яковлевъ съ компаніей.—Кой за кѣмъ изъ васъ долгишко есть, такъ угостите меня за него пивомъ,—смерть послѣ „работы“ пить хочется!...

Пирующие такъ и замерли.

— Яковлевъ!... Миколай Аѳанасьичъ!... Съ каторги! раздались изумленные голоса.

— Да, братцы, оттуда... На родину въ побывку пришелъ, счета сводить нужно было, хладнокровно про-

говорилъ Яковлевъ и залпомъ выпилъ первый попавшійся стаканъ съ пивомъ.

Рабочіе повыскакали изъ-за стола и давай Богъ ноги. Пошелъ шумъ, суматоха; кто-то наткнулся на убитаго хозяина харчевни, и чрезъ четверть часа чуть-ли не цѣлый отрядъ полиціи явился братъ бѣглаго каторжника.

— Экъ васъ привалило! усмѣхнулся Яковлевъ, допивая бутылку пива.—За мной, что-ли?... Иду, только остаточки допью; вы не хлопчите, я-бы самъ пришелъ, потому только для одного дѣльца убѣгъ и, слава Тебѣ, Господи, кончилъ его... Идемъ, господа полицейскіе... Эй, кто тамъ замѣсто „выбывшаго-то“ хозяина?... За пиво за мной запишите, денегъ ни гроша нѣтъ!

Его опять послали на каторгу, и нѣсколько лѣтъ объ Николаѣ Аѳанасьевѣ, не было ни слуху, ни духу, только память о его двойномъ убійствѣ ходила въ народѣ, да харчевню мѣстные рабочіе прозвали „Яковлевской“.

Вдругъ прошелъ слухъ, что въ числѣ пятерыхъ конкравовъ, пойманныхъ уѣздной полиціей и отданныхъ подъ судъ, узналъ какой-то арестантъ Николая Яковлева подъ именемъ Якова Сиводралова, съ прозвищемъ „Бугай“.

Бугай этотъ не призналъ себя за названнаго, а по справкамъ оказалось, что гдѣ-то около Нерчинска убитъ конвойными ссыльно-каторжный Николай Аѳанасьевъ Яковлевъ, московская мѣщанская управа дала знать, что дѣйствительно въ спискахъ его числится мѣщанинъ Яковъ Сиводраловъ, выбывшій неизвѣстно куда очень давно, но съ мѣсяцъ тому назадъ явившійся и, по уплатѣ числящихся за нимъ недоимокъ, принять опять

въ мѣщанское общество, такъ какъ просроченный паспортъ имъ доставленъ съ помѣткой пермской городской полиціи, которая удостовѣряетъ, что означенный Сиводраловъ жилъ въ Перми на заводѣ безъ приписки, но какихъ либо иныхъ проступковъ за нимъ не значится.

Заявленіе арестанта признано оговоромъ и „дѣло о ссыльно-каторжномъ Николаѣ Аѳанасьевѣ Яковлевѣ за смертію онаго—прекращено“.

Мѣщанинъ Яковъ Сиводраловъ по обвиненію въ конокрадствѣ, за недостаткомъ уликъ, былъ оправданъ и остался жить въ Москвѣ Сиводраловымъ, только два-три человѣка знали, что около Нерчинска былъ убитъ не Яковлевъ, а другой; мѣщанинъ-же Сиводраловъ лежалъ съ камнемъ на шеѣ на днѣ глубокой Камы.

Но знавшіе это, были пріятели Бугая и глубоко хранили тайну до поры до времени.

Вотъ этотъ-то „Бугай“ былъ позванъ цыганомъ къ Баронеку и, послѣ часоваго совѣщанія, выходилъ отъ него съ сотенной бумажкой въ карманѣ и съ планами въ головѣ.

XVI.

Лавиновъ на другой день дуэли рѣшилъ ѣхать къ полковницѣ, или послать Анѣ письмо съ просьбой назначить ему свиданіе, чтобъ опять предложить ей руку и умолять быть его женой, но какъ ни была незначительна его рана въ колѣно—она помѣшала ему исполнить это намѣреніе: въ ногѣ сдѣлалось легкое воспаленіе, колѣно распухло, открылась лихорадка и, день за днемъ, Лавиновъ пролежалъ въ постели болѣе недѣли.

На десятый уже день только онъ могъ ходить по комнатѣ и то съ трудомъ.

Молодой человѣкъ сгоралъ все это время нетерпѣніемъ видѣть Аню и говорить съ нею, мучаясь неизвѣстностью, и лишь только могъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ сейчасъ-же и рѣшилъ попытать счастья быть принятымъ полковницей, а въ случаѣ неудачи написать Анѣ письмо. Утромъ того-же дня, ему подали письмо, присланное по городской почтѣ, написанное мужской незнакомой ему рукой:

„Лавиновъ!“ стояло въ этомъ письмѣ, „въ вашихъ совѣтахъ и помощи нуждается близкая вамъ особа, которая ни быть у васъ, ни писать вамъ — не можетъ, но просить васъ, нѣтъ, не просить, а умоляетъ быть сегодня около девяти или десяти часовъ вечера на дачѣ ея друга, гдѣ она васъ будетъ ждать. Не смущайтесь зимнимъ путешествіемъ на дачу, это не далеко; въ городѣ-же свиданіе невозможно. Умоляютъ и еще разъ умоляютъ васъ не отказать. Въ назначенные часы васъ у подъѣзда будетъ ждать лошадь“.

Лавиновъ изумился.

„Это она, Аня, больше некому, думалъ онъ, прочитывая сотый разъ письмо. Но почему она сама не пишетъ? Неужели она не увѣрена въ моей скромности? Неужели она думаетъ, что ея письмо въ моихъ рукахъ опасно для ея репутаціи? Бѣдная, она такъ много страдала, она такъ наконецъ напугана всѣмъ и всѣми, что поневолѣ боится!... Но вѣдь она-же была въ маскарадѣ? Она вѣдь рѣшилась ѣхать со мной въ ресторанъ? Не понимаю! Если это мистификація, то ужъ это черезчуръ по ребячьи и глупо... А, какъ-бы тамъ не было,

я поѣду!... Пусть я рискую быть одураченнымъ, пусть я рискую чертъ знаетъ чѣмъ, но я ѣду, потому, что можетъ-же быть, что это и она!... Скорѣй-бы только вечеръ приходилъ....“

Въ девять часовъ Лавиновъ не безъ труда надѣлъ на больную ногу просторный ботикъ, одѣлся и, сунувъ въ карманъ на всякій случай револьверъ, вышелъ изъ дому.

У подъѣзда стояли сани, запряженные рослымъ, статнымъ конемъ.

— Не вы-ли господинъ Лавиновъ? обратился къ Лавинову кучеръ, молодой парень.

— Да, это я.

— Пожалуйста-съ....

Кучеръ отстегнулъ полость и, когда Лавиновъ усѣлся, тронулъ возжами и конь понесся по московскимъ улицамъ.

— Кучеръ! окликнулъ Лавиновъ.

— Чего-съ? полуоборотился тотъ.

— Какъ называется мѣсто, куда мы ѣдемъ?

— Дорогомиловская застава-съ.

„Хитеръ или ничего не знаетъ“, подумалъ Лавиновъ.

— А потомъ? спросилъ онъ опять.

— Тысь это какъ-съ?... На дачу ѣдемъ, съ которой за вами послано...

Спрашивать далѣе было не резонно. Лавиновъ сталъ придумывать новый вопросъ.

— Я тебя не узналъ что-то; кучеръ, сказалъ онъ.— Ты чей?

Кучеръ молчалъ, показавъ видъ, что не разслыхалъ вопроса. Очевидно онъ не былъ подготовленъ къ нему.

— Я говорю, что не узналъ что-то тебя,—чей ты? повторилъ Лавиновъ.

— Я не кучеръ-съ, а извозчикъ... Лихачи мы, а на-нялъ меня баринъ какой-то... Да вы, сударь, не безпокойтесь—доставимъ хорошо-съ... Вотъ и застава...

Извозчикъ хлестнулъ лошадь возжами, и чрезъ нѣсколько минутъ сани прыгали по ухабамъ шоссе, миновали Дорогомиловское кладбище, еврейское кладбище, и Лавиновъ поднялъ воротникъ пальто отъ дувшаго съ поля довольно сильнаго вѣтра. Ночь была темная, безлунная; только чистый загородный снѣгъ бѣлѣлъ кругомъ равниной.

Лошадь шла ходкой рысью, закидывая сѣдоковъ снѣгомъ и ужъ начала уставать, фыркая и „мѣняя ноги“.

— Шшш! остановилъ се извозчикъ и пустилъ трускомъ.

Лавиновъ отогнулъ воротникъ.

— Далеко еще, извозчикъ? спросилъ онъ, чувствуя ознобъ и передергивая озябшими плечами.

— Близко.

Лавиновъ оглянулся назадъ.

На темномъ небѣ широкой и длинной полосой тянулось легкое зарево отъ московскихъ фонарей.

— А ужъ мы далекомъ отъ заставы-то уѣхали, извозчикъ? сказалъ Лавиновъ.

Извозчикъ молчалъ.

Вдругъ легкій свистъ раздался съ лѣвой стороны дороги. Точно птичка какая чиликнула. Лавиновъ въ первый моментъ и подумалъ, что это именно птичка, но сейчасъ же сообразилъ, что теперь зима, ночь. „Что-же это?“ мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ инстинктивно сунуль руку въ карманъ и нащупалъ револьверъ.

Въ тотъ же моментъ три человѣка точно изъ земли выросли на дорогѣ и встали передъ лошадыю; очевидно, они лежали ничкомъ, или спрятались за сугробъ около телеграфнаго столба.

Лошадь шарахнулась въ сторону, чуть не опрокинувъ сани.

— Стой! крикнуль одинъ и забѣжалъ впередъ. Двое подбѣжали къ санямъ.

Лавиновъ сильнымъ движеніемъ сорвалъ полость и поднялся въ саняхъ.

— Что вамъ нужно?... Что вамъ нужно? закричалъ онъ, выскакивая изъ саней и не чувствуя боли въ ногѣ.

— Тебя! хрипло крикнуль одинъ изъ людей и шагнулъ къ Лавинову.

Тотъ, крѣпко стискивая въ правой рукѣ револьверъ, размахнулся лѣвой и, не сжимая ее въ кулакъ, ударилъ подбѣжавшаго по лицу на-отмашъ.

Подбѣжавшій какъ-то крикнуль и сѣлъ на снѣгъ, схватившись за лицо.

— Прочь, прочь, я убью! напряженнымъ голосомъ крикнуль опять Лавиновъ и выдернулъ шомполъ, запирающій барабанъ револьвера...

Когда въ рукѣ Лавинова сверкнуль револьверъ, нападающіе отшатнулись.

— Дальше, ребята, у него пистолеть, убейте! крикнуль одинъ изъ нихъ, громаднаго роста мужчина въ дубленкѣ.

Лавиновъ попятился къ санямъ и взялся одной ру-

кой за ихъ задокъ, чтобы тверже стать на здоровой ногѣ.

— Да, да, убью! повторилъ онъ угрозу.—Если вы хотите меня грабить, то напрасно: у меня ничего нѣтъ, а что я имѣю—я отдамъ вамъ такъ... Не берите на душу лишняго грѣха, не убивайте насъ...

Онъ хотѣлъ было вынуть изъ кармана кошелекъ съ нѣсколькими рублями и часы, но въ это время извощикъ выхватилъ изъ-подъ сидѣнья небольшой ломъ и что было силы ударилъ имъ Лавинова сзади.

Молодой человѣкъ качнулся, схватился за голову, роняя револьверъ, и ничкомъ упалъ на снѣгъ съ глухимъ стономъ.

— Ловко, Сашка! крикнулъ высокій мужикъ.—Вотъ парень, такъ парень, прямой лихачъ!... Не бей, не бей больше! остановилъ онъ другаго мужика, который началъ наносить лежащему удары толстой палкой по чемъ попало.

— Дяча не бить? Уколошматить его—и вся недолга, и концы въ воду! отозвался тотъ.

— Говорятъ тебѣ, такъ слушай! гаркнулъ великанъ и отбросилъ товарища.—Привыкъ, варнакъ, къ убивству-то, словно таракана человѣка-то ему ухлопать!..

Мужикъ наклонился къ Лавинову.

— Живъ, дышетъ, сказалъ онъ.—Сашкинъ ломъ, вишь ты, по шеѣ ему пришелся, а голову поранилъ вотъ варнакъ этотъ... Што у него есть-то тутъ—поглядимъ, на похмѣлье, небось, годится, ну, и возьмемъ, а убивать не пошто; минку только отъ господина Баронека ему приказано дать...

— А чертъ съ нимъ, съ Баронекомъ твоимъ! воз-

разилъ пытавшійся убить Лавинова. Ежели онъ живъ будетъ—и на слѣдъ могутъ напасть, тотъ-же Сашка-лихачъ встрѣнется гдѣ нибудь съ нимъ, ну, опознаетъ...

— Какъ-бы не такъ; засмѣялся извозчикъ. Я тоже не дуракъ, зря-то не поведу дѣла: бороду подвязалъ!...

— Ха, ха, ха! захохотали товарищи.

— И то вѣдь съ бородой онъ, а я и не примѣтилъ сперва! засмѣялся высокій мужикъ и растегнулъ пальто Лавинова.—Ишь ты, храпитъ только, а то словно мертвый, ажъ холодѣть сталъ...

Онъ сталъ вынимать изъ кармана Лавинова все, что тамъ было.

— Кошелекъ... Сашка, погляди-ка, сколько у него денегъ-то... Процыгаръ серебряный... И папирсы, ребята, есть, покуримъ!.. А вотъ часы... Ишь ты, серебряные, да и старые, видно, и впрямь шупера какая нибудь, а не настоящій господинъ... Ну, платокъ я себѣ возьму, Катѣ ужо подарю, а вотъ книжку да бумаги...

— Дай мнѣ, дядя Бугай, на цыгарки! обратился одинъ изъ товарищей.

— Нельзя, Кожановъ: баринъ приказалъ всѣ бумаги и записки къ нему предоставить...

— И боишься-же ты этого барина своего!

— Вотъ дуракъ, такъ дуракъ! покачалъ головой Бугай, стаскивая съ безчувственнаго Лавинова пальто. Я, окромя грома небснаго, ничего не боюсь, а выгоду свою соблюдаю: баринъ энтотъ, Баронекъ-то, сказалъ, што-бъ безпримѣнно бумаги доставить, „письма-де нѣтъ ли, которое они послали вотъ этому, крестнику-то нашему; письмо-де найдешь—двадцать цалко-

выхъ награды получишь, потому“, говоритъ, „хоть и не я его писалъ, а все по емъ на слѣдъ попасть можно“... Понялъ теиерь?

— Какъ не понять!..

— То-то же... Ну, ребята, наслѣдство въ харчевнѣ раздѣлимъ, а пока поѣдемъ... Извозчикъ, къ Крестовской заставѣ!

— Пожалуйте, сударь, изъ уваженія довеземъ! за-смѣлся извозчикъ и повернулъ лошадь.

— И пыталъ-же онъ, сердешный, узнать дорогой, куда мы ѣдемъ! добавилъ онъ, усаживаясь на козла.

— Пыталъ?

— Пыталъ!

— Утречкомъ узнаеть, коли живъ останется...

— А что ему сдѣлается? Вишь, широкій да кисти-стый какой — оживеть!.. Трогай, Саша, погрѣться охота...

Три товарища уѣзли въ сани и легкой рысцой поѣхали къ Москвѣ.

Лавиновъ лежалъ на снѣгу, и вѣтеръ игралъ его длинными волнистыми волосами, а изъ разсѣченной головы струилась теплая кровь, протавивая въ снѣгу ямку.

XVII.

Теперь мы вернемся къ Анѣ.

Вспомнивъ, что она не знаетъ адреса Лавинова, дѣвушка растерялась. Куда ѣхать? Что дѣлать? встало передъ ней роковыми вопросами.

— Куда прикажете, барышня? повторилъ извозчикъ свой вопросъ.

Аня вспомнила, что ужинала съ Лавиновымъ въ

„Эрмитажъ“. „Не знаютъ-ли тамъ его адреса?“ подумала она.

— Въ „Эрмитажъ“, сказала она извознику.

— Это на Трубу?

— Въ гостинницу „Эрмитажъ“ въ ресторанъ...

— Полтинничекъ, барышня, дорога очинно чижала!..

— Хорошо, хорошо, только скорѣй, Бога ради! не-терпѣливо сказала Аня и сѣла въ сани.

Извозникъ задергалъ возжами, зачмокалъ. и лошадка побѣжала доброй рысцой.

„Что я буду дѣлать, если тамъ не знаютъ его адреса? думала Аня. Денегъ у меня не много, рублей двадцать, съ ними ничего не подѣлаешь... Не знаю, хватить-ли ихъ, если-бъ я задумала уѣхать въ Со-сновку... Да если и хватить, такъ я не знаю, когда идетъ поѣздъ; можетъ, завтра, гдѣ-же тогда я проведу ночь?.. Если ѣхать въ номеръ... О, какъ это страшно!

Одна, въ номерѣ, ночью, брр... Да и потомъ спро-сятъ, кто я такая, откуда—что я скажу?.. Помню, когда мы пріѣхали сюда, папа свои бумаги показывалъ въ гостинницѣ, ихъ носили куда-то... Боже мой, какъ страшно!

Миновавъ нѣсколько улицъ и переулковъ, извозникъ подѣхалъ къ ярко освѣщенному „Эрмитажу“.

— Ну, вотъ, барышня, и „Эрмитажъ“, сказалъ онъ.—Къ подъѣзду, что-ль?

— Да, къ подъѣзду.

— Назадъ не поѣдете? спросилъ извозникъ, припи-мая деньги.

— Нѣтъ... Впрочемъ, не знаю... Подожди меня, я скажу тебѣ, отвѣтила дѣвушка.

У ней вдругъ явилась мысль спросить у извозника совѣта на счетъ ночлега и отысканія адреса Лавинова.

Аня не безъ робости вошла въ ярко освѣщенную швейцарскую „Эрмитажа“.

— Вы не знаете-ли, гдѣ живетъ господинъ Лавиновъ? робко спросила она швейцара.

— Кто-съ? переспросилъ тотъ, окинувъ дѣвушку взглядомъ.

— Лавиновъ, Петръ Ивановичъ... Онъ артистъ, музыкантъ...

Швейцаръ покачалъ головой.

— Не знаю такого-съ, намъ не извѣстенъ...

— Иванъ! крикнулъ онъ другому швейцару. Вотъ госпожа спрашиваетъ адресъ господина Лавинова, не слыхалъ ты такого?

Иванъ подошелъ и тоже оглянулъ дѣвушку.

— Нѣтъ-съ, такого не знаемъ, довольно вѣжливо сказалъ онъ, оцѣнивая однимъ взглядомъ цѣнность Аниной ретонды на соболяхъ.

— Мы тутъ были съ нимъ, ужинали... Блондинъ, длинные волосы...

— У насъ, сударыня, по сотнямъ посѣтителей считаютъ, гдѣ-же всѣхъ упомянуть? А только этотъ господинъ бываютъ у насъ не часто, постоянныхъ посѣтителей мы всѣхъ знаемъ...

— Боже мой, что-же мнѣ дѣлать? невольно вырвалось у дѣвушки.

— А вы завтра въ адресномъ столѣ справтесь, тамъ вотъ скажутъ.

„Завтра!“ подумала Аня и вышла изъ „Эрмитажа“.

Извозникъ подалъ лошадь.

— Куда прикажете? обратилъ онъ къ дѣвушкамъ свое хитрое, усѣянное рябинами, лицо.

— Поѣзжай прямо... Вотъ что, извозчикъ, заговорила Аня, отѣхавъ саженей десять, — мнѣ-бы нужно гдѣ нибудь ночевать, что-бъ завтра найти адресъ одного моего родственника, такъ не знаешь-ли ты, гдѣ-бы это поудобнѣе? Я тебѣ на чай дамъ, голубчикъ...

— Мало-ли, барышня, гостинницъ хорошихъ! Извольте, я отвезу васъ, сказалъ извозчикъ.

— Мнѣ-бы въ гостинницу не хотѣлось: я боюсь, да и бумаги тамъ спрашиваютъ, а у меня ихъ нѣтъ...

— Это, тысь, пашпорта-то? спросилъ извозчикъ и оглянулся на Аню.

— Да...

— Ишь ты!

Извозчикъ поѣхалъ потише и снова оглянулъ дѣвушку.

— Вы изъ какихъ-же?.. Приѣзжіе, што-ли, аль, можетъ, отъ мужа скрываетесь? Я лѣтось одну барыню возилъ, такъ та, слышь ты, отъ мужа бѣгала...

— Да, я отъ мужа скрываюсь, отвѣтила Аня.

— Такъ, такъ...

Извозчикъ подумалъ минуты двѣ.

— Ладно, я свезу васъ къ одной женщинѣ, она васъ приютить, коли вы вознагражденіе ей сдѣлаете, ну, а мнѣ на чаекъ, сказалъ онъ.

— Хорошо, я ей заплачу... Денегъ у меня не очень много, но есть вещи золотыя, я ихъ могу продать...

— Это воля ваша.

Извозчикъ повернулъ лошадь.

— На „Балканѣ“ женщина эта живетъ, по торговой части она, сказалъ онъ и нахлесталъ лошадь.

Черезъ четверть часа, извозчикъ остановилъ своего усталого коня у воротъ высокаго деревяннаго дома, близь Балканскаго пруда, и слѣзъ съ козелъ.

— Вотъ тутъ она живетъ, обратился онъ къ Аннѣ. — Вы посидите тутъ. — лошадь смирная, не уйдетъ, — а я пойду упрежу ее, женщину эту, тогда и пойдете...

Отворивъ калитку, извозчикъ вошелъ на дворъ и, отогнавъ кнутомъ яростно бросившихся на него двухъ собакъ, поднялся по грязной лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ и постучался у обитой обдерганной клеенкой двери.

Ему отперла баба въ пестрядинномъ сарафанѣ.

— Арина Ивановна дома? спросилъ извозчикъ.

— Дома. Пошто тебѣ ее?

— Поди, скажи, что спрашиваетъ ее извозчикъ Калистратъ, нужно, молъ.

— А ты тутъ изъ кухни-то ничего не сбандишь?.. Самоваръ у меня тутъ, посуда...

— Поди, безпята, поди, полно городить-то! Нужно мнѣ больно самоваръ твой, не видалъ я самовара твоего!..

— То-то...

— Иди, иди, знай, мельница!

Баба пошла во внутреннія комнаты, изъ которыхъ доносились звуки развеселой пѣсни и звонъ гитары.

Тамъ, повидимому, были гости.

Въ небольшой квадратной комнатѣ, оклеенной голубыми обоями, сидѣло пять человѣкъ. Невысокаго роста женщина, съ краснымъ лицомъ и хоть пьяненькими, но хитро глядящими изъ-подъ тонкихъ бровей глазами, глазами злыми и холодными, размахивала рукой и дирижировала хоромъ, состоящимъ изъ трехъ дѣвицъ въ дешевенькихъ, но по послѣдней модѣ сшитыхъ плать-

яхъ, и черноволосаго господина съ усами, одѣтаго въ военный сюртукъ безъ погоновъ. Господинъ пѣлъ густымъ басомъ и игралъ на гитарѣ, отчаянно встряхивая головой и ударяя по доскѣ гитары пальцами.

У одной стѣны стоялъ столъ, покрытый грязной салфеткой и уставленный бутылками, тарелками съ закуской и чайными стаканами.

— Арина Ивановна, тебя тамоди извощикъ какой-то спрашиваетъ, Калистратомъ звать его, слышь ты, доложила кухарка, входя въ комнату.

— Къ черту его! крикнулъ господинъ съ усами.

— Ладно, не чертыхайся, не въ кабацѣ! осадила его женщина съ краснымъ лицомъ.

Усы положили гитару и смолкли.

Дѣвицы тоже замолчали.

— Позови его сюда, Матрена, сказала краснолицая Ирина Ивановна.

Извощикъ вошелъ.

— Добраго здоровья, Арина Ивановна! поклонился онъ, покрестившись на образа.— Барыню я къ тебѣ привезъ, хорошая барыня, въ бархатѣ и собой мило-видная... Фатеры она у меня спрашивала, отъ мужа, вишь ты, сбѣжала, а я, знавши, стало быть, што ты займешься эфтимъ и привезъ ее къ тебѣ... Оболванить ее очинно можно, потому—первое дѣло, молодая вовсе, а второе дѣло—разума, такъ надо полагать, ребячьяго: ничего не знаетъ и хитрости въ ей ни на эстолько!..

— Гдѣ же она? спросила Ирина Ивановна, накидывая на плечи ковровый платокъ.

— А въ саняхъ сидить.

— Веди ее, Калистратушка, сюда...

Извозникъ вышелъ.

— Барышни, идите въ угловую комнату, да захватите бутылки-то... И ты, Носоваловъ, иди...

Господинъ съ усами всталъ.

— Я бы остался, Ирина Ивановна, потому я могу все же занять ее, проговорилъ онъ.

— Иди, Иди!.. Занять!.. Твое дѣло только денегъ занять, опять же и виномъ отъ тебя разить...

— И отъ васъ отшибаетъ, почтенная Ирина Ивановна, обиженно проговорили усы и, захвативъ гитару, удалились въ сосѣдную комнату.

— Матрена! позвала Ирина Ивановна кухарку. Та явилась.

— Бодуваръ топила ты нонѣ?

— Топила.

— Ну, такъ поди, прибери тамъ немного, да выйди въ сѣни посвѣтить сперва: гостья идетъ...

XVIII.

Черезъ десять минутъ Аня, сильно прозябшая, сидѣла въ довольно чистенькой и съ претензіями на шикъ обставленной комнатѣ за самоваромъ.

Ирина Ивановна, которой Аня объяснила, что она поссорилась съ мужемъ и ушла отъ него, но не знаетъ адреса своего родственника, къ которому намѣрена уѣхать, — ухаживала за гостьей со всевозможной предупредительностью. Она сняла съ нея ротонду, стряхнула ее и повѣсила въ гардеробъ; сама разула дѣвушку и вытерла виномъ ея сильно озябшія ноги, а ле-

гонькія ботинки, въ которыхъ ушла Аня, замѣнила теплыми и очень нарядными туфлями, разшнуровала ее и предложила накинуть на плечи изящный сорти-дебаль на горностаѣ.

— У меня все есть, миленькая барыня, тораторила Ирина Ивановна, приготовляя чай.—Я торгую у Сухаревой дамскими вещами, и у меня по случаю можно все купить, рѣшительно все!... А ужъ покой какой у меня—чудо! Ни стукнетъ, ни брякнетъ!.. Въ этой комнатѣ самой у меня генеральская дочь одна два года жила, весьма одобряла, а то вдова одна, барыня молодая тоже, жила... Что вы вздрагиваете-то, красавица моя? Озябли?

— Да, я сильно прозябла... Ноги очень озябли, отвѣтила Аня, ласково улыбаясь понравившейся ей хозяйкѣ.

— А мы согрѣемъ васъ!.. Сію секунду я ворочусь.

Ирина Ивановна вышла и вернулась съ небольшимъ графинчикомъ въ рукахъ.

— Вотъ вы выкушайте чашечки двѣ съ бальзанчикомъ этимъ, мигомъ все и пройдетъ и уснете великолепно...

— Это что-же такое? указала Аня на графинчикъ.

— Бальзанъ для согрѣванія; первое средство и питье дамское: вкусное и не хмѣльное.

Ирина Ивановна налила Анѣ чаю и влила въ чашку ложечъ пять своего бальзаму. Аня попробовала и стала пить съ большимъ аппетитомъ.

„Бальзанчикъ“ пахнулъ немного и ромомъ, и ванилью и еще чѣмъ-то душистымъ и пріятнымъ на

вкусъ; крѣпокъ онъ былъ весьма достаточно, такъ что Аня раза два закашлялась.

Послѣ второй чашки, съ усиленной порціей „бальзанчика“, Аня почувствовала пріятную истому во всемъ тѣлѣ: по жиламъ точно огонекъ прошелъ, глаза слегка затуманились.

— Хорошо, барынька милая? спросила Ирина Ивановна. Я вамъ еще чашечку налью..

— Не будетъ-ли?.. Онъ, бальзамъ этотъ, крѣпокъ очень, я, кажется, опьянѣю, слабо сказала Аня.

— Ничего, ничего, это здорово...

Аня выпила и третью чашку.

Щеки ея запылали, въ вискахъ застучало, голова закружилась, и дѣвушка чувствовала, что она не въ силахъ была-бы подняться съ мѣста; но ей было пріятно, какая-то сладкая нѣга томила ее.

Какъ сквозь сонъ видѣла она сидѣвшую передъ ней Ирину Ивановну, которая что-то говорила, смѣялась, но Аня не понимала ее, и красное смѣющееся лицо хозяйка точно застилалось туманомъ, удалялось куда-то.

Вотъ оно уходило все дальше и дальше, пропало за какимъ-то розоватымъ облачкомъ, и на мѣсто его выступало другое лицо... Вотъ сверкали любовной лаской черные глаза, вотъ красивыя, ярко-красныя губы улыбались изъ-подъ черныхъ душистыхъ усовъ...

— Баронекъ! прошептала Аня, и впилась глазами въ знакомыя черты.

А ихъ ужъ и нѣтъ, пропали, и опять выступило красное лицо хозяйки, чтобы уступить мѣсто новому призраку.

Аня закрыла глаза.

Передъ Аней встала картина лѣтней ночи на дачѣ. Живо все такъ, точно вотъ она тутъ опять гуляетъ, какъ въ прошлое лѣто.

Пахнетъ черемухой, отъ молодой листвы березы такъ и струится сильный ароматъ, словно опьяняя. А изъ сосѣдней рощи несутся трели соловья, звонкія, чудныя трели... Тихо. Такъ тихо, что слышно, какъ шуршитъ по травѣ какой-то червячекъ, взбираясь на стебель ко-локольчика.

Но вотъ тишина нарушена какимъ-то стукомъ.

Ближе, ближе слышенъ стукъ. Это конскій топотъ. Это скачетъ онъ, Конрадъ, въ условный часъ свиданія.

Вотъ онъ тутъ, вотъ соскочилъ съ коня. О, какъ сладки, какъ горячи его поцѣлуи, какъ жарки объятія!...

А голосъ Ирины Ивановны такъ и трещитъ надъ самымъ ухомъ.

Про что-то спрашиваетъ она, чего-то предлагаетъ, кольцо зачѣмъ-то сняла съ пальца.

— Дайте мнѣ пить... Еще, еще бальзаму! говоритъ Аня съ улыбкой.—О, какой чудный бальзамъ!..

Кухарка вошла въ комнату. Видитъ ее Аня.

— Арина Ивановна, купецъ Золотоуховъ пріѣхалъ, васъ зоветъ, говоритъ она.

— Пусть подождетъ...

— Не хочетъ; хмѣленъ онъ, того гляди—прибѣетъ, я ужъ яво пытала уговаривать...

— Ну, поуговаривай еще, скажи, что мнѣ некогда...

— Я-те дамъ некогда, сафьянная рожа! раздается басистый голосъ, и въ комнату входитъ мужчина. Рос-лый такой, толстый, цѣпь золотая болтается, на паль-цахъ брилліанты.

— Я-те дамъ некогда!..

Купецъ отталкиваетъ кухарку и садится на стулъ. Видитъ Аня, какъ его глаза устремились на нее.

— Ишь, какая краля писаная! говоритъ онъ. Аринка, гдѣ подцѣпила такую?.. Ай на Сухаревой купила?.. Барышня, хошь, я тебѣ милльенъ подарю?.. Не хошь?.. Аринка, пошли за шинпанскимъ, я барышню угощу... Барышня, милая, краля, подцѣлуй купца Золотоухова!..

Купецъ всталъ и подошелъ къ Анѣ.

Руки его коснулись ея плечъ, мокрые усы щекотали щеку.

— Прочь!.. Я убью, убью васъ! закричала дѣвушка и сунула руку въ карманъ, гдѣ былъ спрятанъ подаренный Баронекомъ маленькій изящный револьверъ.

— Убью! повторила она, подымая револьверъ; но вдругъ голова у ней закружилась, въ глазахъ потемнѣло, и она какъ снопъ упала на полъ...

Проснулась Аня съ сильной головной болью и оглянулась кругомъ.

Было, должно быть, за полдень, потому что зимнее солнце бросало лучи прямо въ окна.

Аня лежала на широкой кровати съ великолѣпнымъ бѣльемъ и большими пуховыми подушками въ батистовыхъ наволокахъ. Сквозь кисейный пологъ было видно комнату, небольшую, но чисто убранную, съ порядочной мебелью, съ драпри, съ цвѣтами въ вазахъ.

Вчерашнее какъ сквозь сонъ представилось Анѣ: какъ и кто положилъ ее на постель—она не помнила.

„Гдѣ я? У кого я?“ подумала дѣвушка и быстро встала съ постели.

Она увидала свое платье на стулѣ, но безъ бархатнаго лифа, въ которомъ она была вчера; вмѣсто его лежалъ какой-то другой изъ темной шерстяной матеріи и старенькій.

Дѣвушка хотѣла было позвать кого-нибудь, но въ эту минуту вошла вчерашняя кухарка.

— Барыня, одѣвайтесь скорѣйча: къ вамъ пришелъ околоточный, сказала она.

— Зачѣмъ? съ испугомъ спросила Аня.

— Не знаю, милая, не знаю... Слышь ты, идетъ онъ!...

Едва успѣла Аня одѣтъ кое-какъ черный лифъ и немного пригладить волосы, какъ въ комнату вошла какая-то дѣвица въ сопровожденіи околоточнаго надзирателя.

— Вотъ, господинъ околоточный, эта госпожа, заговорила она, указывая на Аню, пріѣхала вчера къ намъ на квартиру купить у хозяйки кое-чего изъ платья, такъ какъ на ней была только старенькая люстриновая шубенка и холодныя ботинки, но, явившись сюда выпившей, въ теплой комнатѣ совершенно захмѣлѣла и упала... Мы уложили ее спать, а сегодня утромъ оказалось, что она не имѣетъ никакого вида, а отъ насъ требуетъ какой-то бархатной ротонды, денегъ и прочихъ вещей!.. Положеніе ужасно неприятное!..

Аня слушала и ушамъ своимъ не вѣрила.

— Что вы говорите? съ изумленіемъ обратилась она къ дѣвицѣ. Я ничего не понимаю!.. Про какую шубку вы говорите?.. Я была въ бархатной ротондѣ... Я не была выпивши...

Аня оглянулась кругомъ.

— Со мной былъ еще сакъ-вояжъ съ золотыми вещами... Я его не вижу...

— Вотъ видите, господинъ околоточный, видите? затораторила дѣвица.—Ха ха, ха! Бархатная ротонда, золотыя вещи!.. Ха, ха, ха!.. Ахъ, вы безстыдница, безстыдница!.. Такая еще молоденькая, а на какія штуки подымается!.. Мы, милая...

— Позвольте! остановилъ дѣвицу околоточный и обратился къ Анѣ. Ваше имя и фамилію позвольте узнать?

Аня нотупилась.

— Я... Я не хотѣла-бы говорить... Это непременно нужно? спросила она.

— Непременно-съ.

— Анна Васильевна Пичугина, дочь тульского помѣщика...

Околоточный высоко поднялъ брови и оглядѣлъ Аню особенно пристальнымъ взглядомъ.

— Ага! произнесъ онъ и вынулъ изъ портфеля какую-то бумагу. Да, такъ! весело сказалъ онъ. Сударыня, къ намъ въ участокъ дана телеграмма о похищеніи у полковницы Тесовой золотыхъ вещей и бархатной ротонды дѣвицей изъ дворянъ Анной Пичугиной... Я васъ арестую.

Аня слабо вскрикнула и, упавъ на близь стоявшій стулъ, зарыдала.

Дѣвица хотѣла было шмыгнуть изъ комнаты, но околоточный удержалъ ее.

— Нѣтъ ужъ вы, голубушка, останьтесь здѣсь до прибытія господина пристава! сказалъ онъ и отворилъ дверь въ сосѣдную комнату.

— Пушкаренко! крикнулъ онъ.

Въ комнату вошелъ городской.

— Останься, Пушкаренко, здѣсь и не выпускай отсюда вотъ этихъ господъ, а также не впускай и сюда никого... Слышишь?

— Слушаю, вашъ бродіе!

— Помни, что ты теперь какъ-бы на караульномъ посту, торжественно добавилъ околоточный и поспѣшно вышелъ.

Дѣвица заметалась по комнатѣ какъ ошпаренная.

— Ай, да что же это такое?.. Ай, мои милые, что же это такое?.. Батюшки, напасть какая! вопила она и яростно подскочила къ Анѣ.

— Ты... Ты пришла къ намъ съ краденными вещами и подъ бѣду насъ подвела!.. Варварка ты, дрянъ ты этакая!.. Вотъ же тебѣ, вотъ же тебѣ!..

Дѣвица схватила Аню и начала наносить ей удары по чемъ попало.

XVIII.

Между Полянкой и Ордынкой расположены очень уютные и весьма тихіе переулки, похожіе на безлюдныя улицы нашихъ провинцій и населенные преимущественно среднимъ купечествомъ, которое имѣетъ тамъ свои дома, переходящіе изъ рода въ родъ и большею частію похожіе одинъ на другой, если не наружнымъ видомъ, то расположеніемъ комнатъ, дворомъ и характеромъ обстановки.

Чистый дворъ съ сарайчиками и амбарами, съ рѣзной рѣшеткой, отдѣляющей дворъ отъ сада, съ кону-

рой цѣпнаго пса, всегда сытаго и всегда сердитаго, съ колодцемъ подѣ узорнымъ навѣсомъ, съ путешествующими по двору курами подѣ предводительствомъ важнаго пѣтуха.

Комнаты въ домѣ уютны, съ запахомъ деревяннаго масла и вѣчно цвѣтущаго жасмина, съ портретами въ гостинной „самого“ и „самой“ въ золоченыхъ рамахъ, съ мезониномъ или антресолями, гдѣ обыкновенно живутъ „барышни“, тѣ бѣленькія, румяненькія барышни, которыхъ всегда встрѣтишь въ замоскворѣцкихъ церквахъ, нарядно одѣтыхъ и бросающихъ боязливые взоры на молодыхъ людей не прекраснаго пола вообще, а на носящихъ военный мундиръ въ особенности.

Тихо и однообразно течетъ жизнь въ этихъ домикахъ и изрѣдко только нарушается какимъ-нибудь изъ ряда выходящимъ событіемъ, въ видѣ свадьбы, похоронъ, пожара.

Мужская половина этихъ мирныхъ мѣстъ живетъ въ „городѣ“. Тамъ она торгуетъ, тамъ кутитъ, тамъ дебоширитъ, тамъ даже просватываетъ своихъ дочерей. Дома эта привилегированная половина только спитъ, да изрѣдко „водворяетъ порядокъ“.

Женская половина живетъ почти такъ-же, какъ жили наши боярыни и боярышни лѣтъ триста тому назадъ, и патріархальный порядокъ жизни неизмѣненъ, проченъ; только всемогущая мода ежегодно измѣняетъ наружный видъ обитательницъ этихъ домовъ, то обтягивая узкимъ платьемъ полные станы, то уродуя ихъ невозможнымъ турнюромъ, то оскорбляя скромность нескромнымъ вырѣзомъ лифа, а то бы онѣ походили,

какъ двѣ капли воды, на своихъ бабушекъ и пробабушекъ.

Послѣднее время за стѣны этихъ домовъ начали проникать „эмансипаторы“.

Студенты, въ качествѣ преподавателей представителей молодаго поколѣнія мирныхъ уголковъ, заносятъ свѣтлый лучъ просвѣщенія въ затхлую атмосферу этихъ домовъ и волнуютъ молодыя головки сестеръ своихъ питомцевъ чуждыми мечтами.

Братья розовенькихъ барышенъ наносятъ изъ театровъ свѣжаго воздуха и тоже волнуютъ своихъ сестеръ словами „взаимная любовь“, „равноправность“, „свобода женщины“ и т. п.

Но всего больше будоражатъ этихъ розовенькихъ барышенъ эмансипаторы по профессіи, развиватели по прозванію.

Въ числѣ такихъ развивателей есть дѣйствительно истинно честные и глубоко искренніе люди, вѣрующіе въ силу слова и являющіеся къ розовенькимъ барышнямъ съ единственнымъ желаніемъ „просвѣтить“ ихъ, но есть и проходимцы, сдѣлавшіе изъ профессій развивателей доходную статью и, начиная развивательство съ отрицанія родительской власти, обирающіе довѣрчивыхъ ученицъ до чиста, губя ихъ и бросая на произволъ судьбы.

Такой именно развиватель попалъ на долю дочери купеческой вдовы Агафьи Петровны Костяковой, Вѣрочки.

Вѣрочка лишилась отца года три тому назадъ и, хоть мать ея и была женщина строгая и не глупая, поизбаловалась, сошлась съ нѣкими сестрами Усиковыми,

глупыми и некрасивыми барышнями „изъ передовыхъ“, какъ онѣ сами называли себя, и у нихъ-то познакоми-лась съ Полемъ Плюнчиковымъ.

Этотъ Поля Плюнчиковъ былъ когда-то въ универ-ситетѣ, но по требованію товарищей принужденъ былъ оставить его; занимался потомъ адвокатурой, но, не обладая ни краснорѣчіемъ, ни знаніемъ, чуть не умеръ съ голода и попалъ на содержаніе богатой старухи. Потомъ онъ попалъ какимъ-то образомъ „въ полити-ческую исторію“, которая кончилась тѣмъ, въпрочемъ, что его жандармскій полковникъ назвалъ „сосулькой“ и посоветовалъ идти въ маркеры, но политикой не за-ниматься. Поля въ маркеры не пошелъ, а сдѣлался развивателемъ. Онъ началъ трепаться изъ дома въ домъ, вралъ, какъ Хлестаковъ, болталъ какъ Репетиловъ и всюду занималъ деньги. Глупъ онъ былъ невообразимо, говорилъ отвратительно, при чемъ еще присюсюкивалъ и брызгался, но у него было бѣло-розовое лицо, длин-ные волнистые волосы, эспаньолка и большіе голубые глаза съ телячьимъ выраженіемъ, барышнямъ прихо-дился по вкусу, и Поля благоденствовалъ. Его прини-мали, слушали, вѣрили ему, кормили, а часто даже снабжали и деньгами.

Товарищи звали его „мокрицей“, а одинъ прозвалъ еще „незаконнымъ сыномъ Хлестакова и воспитанни-комъ Евдокіи Пухтиной“, но выносили и хотъ иногда поколачивали, а кормить—кормили.

Вотъ этотъ-то Плюнчиковъ и попалъ въ развиватели купеческой дочки Вѣрочки Костяковой, которой суж-дено играть въ нашемъ разсказѣ нѣкоторую роль.

Сперва онъ звонилъ ей о любви, о счастіи, потомъ

доказаль, что жить подъ опекой отжившей матери— глупо и скучно, что жизнь весела и богата и ею надо пользоваться, и кончилъ тѣмъ, что глупенькая дѣвушка увѣровала въ него и, когда въ одинъ прекрасный день Поль уговариваль ее поѣхать съ нимъ въ маскарадъ, дала ему согласіе.

Поганенькій „сынъ Хлестакова“ возликоваль. Дѣвушка была очень мила собой, а кромѣ того, у матери ея ломились сундуки отъ нажитаго покойнымъ мужемъ добра, а въ банкѣ лежало пятьдесятъ тысячъ на имя Вѣрочки.

„Изъ маскарада я ее увезу къ себѣ, думаль онъ, весело потирая руки; она согласится, потому что я подпою ее, а тамъ пошлю за маменькой — и дѣло въ шляпѣ. Маменька принуждена будетъ выдать ее за меня или, по крайней мѣрѣ, дать кушакъ *за молчаніе*... Мило, молодецъ Поль!“

Онъ досталь Вѣрочкѣ костюмъ у Гейнца, гдѣ объяснили ему, что костюмъ этотъ сшить по заказу одной барышни-аристократки и взяли за прокатъ довольно дорого, что милаго Поля не смутило, ибо онъ платиль деньгами Вѣрочки.

Черезъ барышень Усиковыхъ костюмъ этотъ былъ переданъ Вѣрочкѣ, и подкупленный дворникъ отперъ калитку вдовьяго дома, когда вдова уже спала.

Вѣрочка робко выглянула въ калитку и, удостовѣрившись, что на улицѣ никого не было, вышла, добѣжала съ Полемъ до угла, гдѣ его ждалъ извозчикъ, и поѣхала въ маскарадъ въ пикантномъ костюмѣ изъ чернаго бархата, сшитаго по заказу Ани Пичугиной.

XIX.

Баронекъ, въ одинъ изъ обычныхъ маскарадовъ въ театрѣ Лентовскаго, сидѣлъ за столомъ съ пріятелемъ и пилъ вино, бесѣдуя о какомъ-то интересномъ предметѣ, какъ вдругъ, перервавъ разговоръ на полусловѣ, вскочилъ со стула, чуть не выронивъ изъ руки стаканъ.

— Это она! воскликнулъ онъ, глядя на пеструю толпу прибывающихъ посѣтителей. Она, непременно она! Ея костюмъ, ея фигура...

— Кто это „она“? спросилъ его пріятель, надѣвая пенсне.

— Тутъ, одна... Ну, просто моя интрижка... Pardon, голубчикъ, я сію минуту...

Баронекъ быстро смѣшался съ толпой и догналъ маску въ черномъ бархатномъ костюмѣ, которая подъ руку съ своимъ кавалеромъ шла въ залу, оглядывая чрезъ маску гостей.

Онъ, будто нечаянно, толкнулъ эту маску локтемъ и извинился оглянувшись на нее.

Маска кивнула слегка головой и пошла дальше.

— Твоя таинственная маска не помѣшала мнѣ узнать тебя, обратился къ ней Баронекъ.

Маска прижалась къ своему кавалеру и что-то шепнула ему.

— Вы ошиблись, моя дама васъ не знаетъ, не знаете и вы ее, сказалъ тотъ, недружелюбно глядя на Баронекъ.

— Можетъ быть, *не хочетъ знать?* подчеркнул Баронекъ.

— Ну да, не хочется знать! уже рѣзко отвѣтилъ кавалеръ и вернулся назадъ.

Баронекъ поглядѣлъ имъ вслѣдъ.

— Какъ я ненавижу и какъ, въ то-же время, люблю ее! прошепталъ онъ и медленно прошелъ всѣ комнаты, выпилъ у буфета залпомъ нѣсколько рюмокъ коньяку и вернулся къ оставленному пріятелю.

Баронекъ сталъ выѣзжать только нѣсколько дней и всѣ эти дни кутилъ и пилъ напропалую.

— Вознаграждаешь себя за долгій постъ! смѣялись его пріатели.

Но это было не то.

Этотъ безсердечный человѣкъ, этотъ фатъ, какимъ считали его всѣ, этотъ Донъ-Жуанъ полюбилъ.

Онъ самъ не хотѣлъ себѣ сознаться въ этомъ, но чувство брало свое и съ нимъ приходилось бороться; бороться заставляло и самолюбіе, и невозможность обладать любимымъ предметомъ.

Полюбилъ онъ Аню Пичугину.

Какъ-то невольно, во время болѣзни его, граціозный образъ дѣвушки являлся въ его воображеніи; приходили на память сцены любовныхъ свиданій съ нею на дачѣ, воскрешая прожитые дни, если не счастья, — тогда онъ счастья не чувствовалъ, — то веселья и наслажденій и хотѣлось опять вернуть ихъ, хотѣлось снова обладать этой полной огня и нѣги дѣвушкой, умѣющей любить такъ, какъ никто и никогда не любилъ его.

Явилось затѣмъ раскаяніе въ жестокомъ поступкѣ при послѣднемъ свиданіи, и все это, развиваясь и назрѣвая, выросло въ любовь, а когда пришлось убѣдиться, что уже, увы, прошлаго воротить нельзя, что брошен-

ная и снова полюбившаяся дѣвушка принадлежить другому—любовь обратилась въ страсть, въ дикую, не знающую предѣловъ страсть. Случилось это такъ; еще въ послѣдніе дни болѣзни Баронекъ узналъ объ уходѣ Ани отъ полковницы и о приключеніи съ нею на „Балканѣ“.

Обвиненіе дѣвушки въ кражѣ вещей у полковницы и ея арестъ, который послѣдовалъ послѣ извѣстной намъ ночи у Ирины Ивановой, глубоко возмутили Баронка, и онъ, по первому-же впечатлѣнію, написалъ полковницѣ письмо, въ которомъ рѣзко требовалъ немедленнаго освобожденія Ани отъ возводимой на нее клеветы и ареста, грозя большимъ скандаломъ и называя себя женихомъ Ани.

Результатомъ этого письма было то, что Аню изъ-подъ предварительнаго ареста, подъ которымъ она сидѣла около двухъ недѣль, освободили, а полковница заявила, что вещи, въ похищеніи которыхъ она подозрѣвала тайно скрывшуюся отъ нея племянницу Анну Пичугину, найдены въ ея комнатѣ, а деньги спрятанными въ бюро, куда были положены неизвѣстно кѣмъ.

Баронекъ, узнавъ это, сію-же минуту потребовалъ отъ своего доктора разрѣшенія выѣзжать и снять повязку и поѣхалъ узнать отъ полковницы мѣстожительство Ани.

— Она живетъ у Лавинова, съ которымъ обручена, и ждетъ только его выздоровленія отъ постигшей его болѣзни и розыска неизвѣстно куда скрывшагося отца, чтобы отпраздновать свадьбу, сообщили Баронку у полковницы.

Цѣлая буря поднялась въ его душѣ послѣ этого извѣстія.

Еще вчера онъ тайно упрекалъ себя въ недостойной порядочнаго человѣка мести Лавинову, теперь же злобно желалъ его смерти и проклиналъ своихъ „бандитовъ“ за то, что они не убили „отвратительнаго музыканта!“

Онъ сталъ пить, съ какой-то дикой отчаянностью кутилъ три дня и на четвертый не вытерпѣлъ — поѣхалъ къ Анѣ.

Позоръ, горе и стыдъ ожидали его тамъ.

Аня его приняла.

Она не подала ему руки и, вся блѣдная, съ сверкающими глазами, сказала ему:

— Я приняла васъ для того, что-бъ имѣть наслажденіе сказать вамъ въ глаза, что вы гнусный негодяй и подлецъ!.. Вы гадко, подло поступили съ дѣвушкой, которая отдала вамъ все! Вы наняли воровъ и разбойниковъ предательски убить человѣка, который заступился за эту дѣвушку, и у васъ-же хватило наглости придти сюда!.. Я васъ готова была ненавидѣть, но теперь я васъ презираю, и передо мною вѣчнымъ упрекомъ будетъ стоять то, что я была такъ слѣпа и могла увлечься вами... Идите вонъ!.. Вы, конечно, способны прибить и меня, но я приняла мѣры: рядомъ въ комнатѣ стоятъ друзья моего жениха и по моему зову сбросятъ васъ съ лѣстницы...

Баронекъ, шатаясь, вышелъ отъ Ани и тутъ-же рядомъ съ домомъ, въ которомъ она жила, зашелъ въ какой-то грязненькій трактирчикъ и напился водки до потери сознанія.

Онъ дико провелъ послѣ этого нѣсколько дней. Пилъ,

раза три заводилъ исторіи въ загородныхъ ресторанахъ, съ драками, протоколами и чуть, чуть не съ убійствами, задавилъ до полусмерти какого-то крестьянина, объѣзжая верхомъ бѣшеную лошадь, и если не всадилъ себѣ въ лобъ пулю, то единственно изъ за страстнаго желанія видѣть Аню еще разъ, хоть насильно, хоть мертвую обнять ее, и цѣлуя, безумно цѣлуя, насладиться и любовью и местию. Дикая, испорченная воспитаніемъ, испорченная ранней свободой и всеобщимъ баловствомъ натура его не знала удержу, не знала ни нормы, ни рамокъ, и сегодня рыцарски-благородный—завтра онъ готовъ былъ на какую угодно низость. Увидавъ въ маскарадѣ маску, въ хорошо знакомомъ костюмѣ, и принявъ ее за Аню—Баронекъ точно обезумѣлъ. Неудержимая жажда мести и любви охватила его, и онъ былъ готовъ на все.

Облокотившись о косякъ двери, ведущей въ танцевальную залу, стоялъ онъ, и сотни плановъ проносились въ его головѣ. Онъ видѣлъ граціозную фигуру въ черномъ бархатѣ то танцующей, то безпечно шаловливой въ антрактѣ между вальсомъ и кадрилию, и сгоралъ страстью къ ней, сгоралъ желаніемъ обладать ею хоть одну минуту и раздавить, растоптать всѣхъ, кто подходилъ къ ней, кто говорилъ съ нею.

Вдругъ глаза его сверкнули радостью, онъ словно вспомнилъ что-то, ударилъ себя по лбу и быстро пошелъ къ выходу, отталкивая попадавшихъ ему друзей и знакомыхъ, которые всегда такъ льнули къ нему.

— Мою тройку, живо мою тройку! крикнулъ онъ, сбѣжавши въ швейцарскую и поспѣшно надѣвая шубу. Здѣсь-ли она? не уѣхала-ли она?

— Тутъ-съ, Конрадъ Конрадовичъ, отвѣтилъ швейцарь, распахивая передъ Баронекомъ двери.— Сейчасъ вашъ цыганъ курилъ здѣсь...

На улицѣ уже кричали въ три голоса: „тройку Баронека“! и, громыхая бубенцами, вороная тройка, съ кучеромъ и цыганомъ Васькой на козлахъ, подѣхала къ подѣзду.

Баронекъ вскочилъ въ сани.

— Васька, ко мнѣ, а ты, Сашка, во весь духъ къ Крестовской заставѣ! крикнулъ онъ. Гони, дави всѣхъ, но чтобъ въ мигъ!.. Озолочу!...

Цыганъ перепрыгнулъ въ сани, а кучерь подобралъ возжи и съ мѣста маршъ-маршемъ поскакалъ по Театральной площади.

Конные жандармы у Большаго театра поскакали было остановить бѣшеннаго ѣздока, но тройка, обогнувъ Малый театръ, вихремъ неслась уже по Неглинной.

— Слушай, Васька, что я тебѣ буду говорить, и не пророни ни одного слова! сказалъ Баронекъ, подвигая къ себѣ цыгана.— Возьми въ харчевнѣ, про которую ты мнѣ говорилъ, этого твоего Бугая и еще двухъ, трехъ человѣкъ, дай имъ, что они запросятъ, и скачи къ театру Лентовскаго... Тамъ ты въ магазинѣ возьмешь себѣ какой-нибудь костюмъ и войдешь въ маскарадъ, найдешь меня, я буду тебя ждать... Я покажу тебѣ одну маску, барышню... Она съ кавалеромъ поѣдетъ домой, и ты, гдѣ это будетъ возможно, опрокинешь его сани, схватишь ее и увезешь... Куда-бы ее увезти?... Да! Ты спросишь объ этомъ у того-же Бугая, онъ найдетъ мѣсто... Запереть ее до моего распоряженія, но чтобъ пальцемъ не тронуть!... Сдѣ-

лаешь это — я тебѣ не баринъ, а другъ, зови меня другомъ, братомъ, бери все, что захочешь, но сдѣлай!... Съ отказомъ, съ неудачей — не являйся... Понялъ ты меня? Все выслушалъ?

— Понялъ-съ... Полагаю, что устроимъ, отвѣтилъ цыганъ, сверкая глазами изъ-подъ шапки.

— Стой! крикнулъ Баронекъ кучеру и выскочилъ — Ну, скачите-же, а я на извозикѣ въ маскарадъ... Исполните — и кучеру, и тѣмъ, ребятамъ этимъ, по сту рублей, а тебѣ, Васька, все, что захочешь... Не исполните — на глаза ко мнѣ не являйтесь... Ну, пошелъ!...

Тройка понеслась опять, а Баронекъ взялъ извозчика и вернулся назадъ.

XX.

На шоссе, недалеко отъ заставы, расположена, такъ называемая, бѣлая харчевня, извѣстная въ околоткѣ подъ именемъ „Панфилкина кабачка“. Въ харчевнѣ этой, торгующей безъ патента и виномъ, можно получать чай, хлѣбъ, и тѣ отратительныя отброски отъ человѣческой пищи, которые въ такихъ харчевняхъ называются совершенно неосновательно „сѣстными припасами“ и въ вареномъ, соленомъ и печеномъ видѣ подаются за трудовые гроши бѣдному люду, не имѣющему ни жилища, ни какой либо болѣе удобосѣдаемой и перевариваемой пищи.

Днемъ въ ней бываютъ поденщики съ желѣзной дороги, лишившіеся заработка извозчики, мусорщики, обитающіе преимущественно около заставы, и прочій бѣдный людъ, получающій самый скудный заработокъ.

Вечерніе посѣтители другіе.

Лишь только смеркнется, и покончившій дневныя работы народъ упомянутыхъ категорій набьетъ свои желудки тухлыми „рубцами“, щами съ сгнившей капустой и колбасой изъ палой конины (самымъ употребительнымъ матеріаломъ въ такихъ харчевняхъ), послѣ чего пойдетъ спать въ свои логовища, какъ въ „Панфилкинъ кабачекъ“ собирается народъ „гулевой“.

Это тоже бѣдняки, не имѣющіе ни угла, ни сносной одежды, но бѣдняки „вольные“ не гнушіе свои спины надъ работой, а выбравшіе болѣе легкій способъ заработка.

Этотъ заработокъ не имѣетъ ни какой-либо нормы, ни какого-либо опредѣленнаго дохода. Сегодня грошъ, завтра рубль, а послѣ завтра десять, двадцать, сто. Расходъ только этого заработка опредѣленъ довольно точно: весь онъ остается въ „Панфилкиномъ кабачкѣ“.

Мелкіе ворышки, „поѣздошники“, рабочіе, укравшіе довѣренный имъ матеріалъ, извозчики, продавшіе конокраду лошадь и всю упряжь хозяина, прислуга, обокравшая господъ, мастеровой, забравшій у хозяина плату впередъ и не желающій ее зарабатывать, а потому безпаспортный—все это находитъ мѣсто въ гостеприимномъ „кабачкѣ“ и собирается туда пропивать добычу, чтобы завтра снова идти за ней и снова спустить все въ этомъ-же „кабачкѣ“.

Есть тутъ и женщины.

Онѣ отвратительны, онѣ грязны и вѣчно пьяны, но онѣ женщины, и потому ихъ не гонятъ, кормятъ, поятъ и даже ласкаютъ; быть можетъ, подъ вліяніемъ „безпатентнаго“ вина и подъ звуки гармоникъ, раз-

гульныхъ пѣсенъ, отуманенные и опьяненные принимаютъ ихъ за красавицъ, за гурій Магометова рая.

„Стонъ стономъ“ стоитъ въ харчевнѣ, и веселѣй въ ней живетъ, чѣмъ вамъ въ театрѣ, въ оперѣ, въ концертѣ, въ собраніи.

Льется вино, вино дурманящее, вино отвратительное, но цѣли достигающее отлично. Гремить бубенъ лихаго фабричнаго, укравшаго вчера съ фабрики товару на нѣсколько сотъ рублей и продавшаго его „за двѣ красныхъ“, заливается гармоника, грохочетъ пьяная пѣсня, полная разгула и дикой страсти, весело всѣмъ, и вкусна тухлая колбаса, и ароматиченъ спитой чай, и пріятны ласки пьяной бабы съ подбитыми глазами...

Но не все тутъ грязь, не все разбавленная водой сивуха и тухлая колбаса. Есть тутъ двѣ, три комнатки въ мезонинѣ, съ чистыми обоями, съ похжей на мебель мебелью; туда могутъ подать и „лянсинъ“, и портвейнъ, и портеръ, и сносный кусокъ ветчины, и, пожалуй, шампанскаго завода Ланина.

Это для „заканителенныхъ“ купеческихъ сынковъ низшаго разбора, для запустившаго въ хозяйскій ящикъ лапу прикащика, для вора аристократа, ведущаго родословную отъ дворецкаго богатаго барина, или отъ буфетчика большаго трактира.

Въ этихъ „покойникахъ“, какъ называютъ эти комнаты, иногда кутитъ цѣлую недѣлю какойнибудь „заканителенный“ агентами содержателя харчевни субъектъ и потомъ, пропившійся, спускается уже къ низу и пристаетъ къ завсегдатаямъ харчевни, или, избитый своими-же собутыльниками, вытаскивается куданибудь въ оврагъ, или подъ мостъ желѣзной дороги, а то такъ и

прямо на полотно ея, на встрѣчу идущему поѣзду, на который и сваливается вся вина въ преждевременной смерти какого нибудь „мѣщанина Осипа Отворотова“, или „купеческаго сына Ивана Дегтева“.

Къ этой-то харчевнѣ примчалась взмыленная тройка Баронека съ цыганомъ Васькой, а чрезъ полчаса опять неслась въ Москву, уже съ четырьмя сѣдоками, въ числѣ которыхъ былъ и знакомый намъ Бугай.

Вѣрочка Костякова съ „великолѣпнымъ“ Полемъ проводила время въ маскарадѣ очень весело.

Она много танцевала, за ней, стройненькой, граціозной, пикантной, многіе ухаживали, а за ужиномъ она выпила пять бокаловъ шампанскаго и совершенно развеселилась.

Образъ строгой мамыши, съ рукой, вооруженной „домашней“ плетью, совершенно исчезъ и замѣнился картиной скорой свадьбы съ Полемъ и цѣлой вереницей веселыхъ дней.

Поль окончательно уговорилъ ее ѣхать къ нему и завтра послать къ мамашѣ письмо съ требованіемъ согласія на бракъ, каковое согласіе скандализированная вдова дать конечно не замедлитъ, ибо больше дѣлать нечего и никакими „трехвостками и „банями“ стоустой молвы не остановишь и себя съ дочерью отъ великаго скандала не спасешь.

Вѣрочка безпечно смѣялась, шутила и кокетничала съ товарищами своего Поля, какимъ-то „любителемъ“ Гаррикомъ-Штрипкинымъ и землемѣромъ Мамашенькинымъ, отчаяннымъ танцоромъ и весьма лопоухимъ господиномъ въ рыжихъ брюкахъ.

— Она дразнить, дразнить меня! бѣшено шепталъ Баронекъ, уже совершенно пьяный, проходя мимо этой компаніи и нетерпѣливо ожидая ихъ ухода.

Но вотъ пробило четыре часа.

Залы Новаго театра опустѣли, и только кое-гдѣ за столиками сидѣли отдѣльными группами запоздалые ку-тилы.

Поль Плюнчиковъ, достаточно уже „клюнувшій“, вышелъ съ Вѣрочкой и крикнулъ извозчика.

— На Самотеку! распорядился онъ, усаживаясь въ сани и обнимая Вѣрочку за талію.

Извозникъ, нанятый безъ ряды, нахлесталъ прозябшаго коня и повезъ тароватыхъ сѣдоковъ довольно быстро.

Поль напещтывалъ своей дамѣ нѣжныя рѣчи и сулилъ ей неизъяснимое блаженство въ недалекомъ будущемъ, когда она будетъ имѣть честь носить фамилію мадамъ Плюнчиковой.

Онъ торжествовалъ и мысленно давалъ себѣ самыя лестныя названія за удалъ и молодечество.

Извозникъ миновалъ Малую Дмитровку и повернулъ на Садовую и потомъ поѣхалъ по пустынной Божедомкѣ.

Вдругъ сзади раздались крики.

— Держи правѣй! Держи правѣй! неистово орали два пьяные голоса, и оглянувшіеся сѣдоки увидали во весь опоръ несущуюся тройку, которая давно ѣхала за ними, то отставая, то нагоняя.

Извозникъ Поля задергалъ возжами и своротилъ почти къ самой панели, но троечные сани вихремъ налетѣли на него, что-то треснуло, лошадь упала на колѣни, а извозникъ и сѣдоки вылетѣли въ снѣгъ.

Поль, съ разбитымъ носомъ и весь въ снѣгу, вскочилъ и бросился поднимать свою даму, но изъ троечныхъ саней выскочили два молодца, и прежде чѣмъ эскъ-адвокатъ успѣлъ опомниться, ему влетѣла здоровенная оплеуха, а Вѣрочка очутилась въ ихъ рукахъ. Поль слышалъ, какъ дѣвушка крикнула, видѣлъ, какъ молодцы подняли ее на руки, вскочили въ свои сани, и тройка понеслась впередъ, при грохотѣ бубенцовъ и крикахъ лихаго кучера.

Чрезъ полчаса Вѣрочка Костякова, блѣдная и трясущаяся отъ ужаса, входила въ мезонинъ описанной нами харчевни, въ сопровожденіи цыгана и хозяйки харчевни, которая несла свѣчу и нѣкоторые изъ принадлежностей дамскаго туалета.

— Вотъ, барышня, тебѣ комната, обратилась хозяйка къ Вѣрочкѣ, ставя свѣчу на столикъ. — Тутъ тебѣ и кровать есть, и платье тебѣ съ бѣльемъ принесла я... Худаго тебѣ ничего не будетъ, коли будешь смирна, а коли кричать вздумаешь — не взыщи: поколотимъ и въ погребъ запремъ!

Вѣрочка опустилаcь на стулъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Но гдѣ я? Что со мной хотятъ дѣлать? спросила она сквозь слезы.

— У добрыхъ людей, милая, не бойся... Завтра все узнаешь, а пока ложись почивать и спи покойно, говорю тебѣ — худаго ничего не будетъ... Коли будетъ что нужно — постучи въ полъ стуломъ, я приду къ тебѣ... Ну, до свиданья, пока, спи себѣ съ Богомъ!

Хозяйка вышла, и оставшаяся одна Вѣрочка слышала, какъ она заперла за собой дверь ключемъ.

Аня поселилась у Лавинова и словно рай внесла въ его пустынное до тѣхъ поръ жилище.

Комнатки молодого человѣка преобразились; повсюду въ нихъ была замѣтна заботливая и искусная женская рука, тамъ убравшая ненужный хламъ, тутъ прошедшая со щеткой, здѣсь украсившая пустой уголь жардиньеркой съ цвѣтами, или недорогой, но хорошенькой вазочкой, статуэткой, этажеркой.

Больной Лавиновъ быстро поправлялся, согрѣтый любовью и перемолненный вдругъ настигнувшимъ его счастьемъ и, смотря на Аню, которая, сидя у его ногъ, читала ему газету или книгу, думалъ: „Не сонъ-ли это? Не грежу-ли я? А если не сонъ, если это дѣйствительность—то за что все это мнѣ? О, въ миллионы разъ больше готовъ-бы я страдать, чтобъ получить за страданіе такую награду!“

И молодой человѣкъ наклонился и нѣжно, нѣжно цѣловалъ головку дѣвушки, дѣвушки, которая была его дорогой невѣстой и готовилась быть женой.

Лавиновъ спасся почти чудомъ отъ явной смерти, брошенный на большой дорогѣ избитымъ и еле-еле прикрытымъ въ морозную, вѣтряную ночь.

Онъ потерялъ сознаніе послѣ перваго же удара по головѣ и очнулся на другой день, утромъ, въ деревнѣ Сѣтуни, на десятой верстѣ отъ Москвы, въ домѣ крестьянина Василья Харламова.

Этотъ крестьянинъ возвращался домой изъ Москвы на своей лошади и доѣхалъ до того мѣста, гдѣ былъ брошенъ Лавиновъ, часа два спустя послѣ ухода разбойниковъ.

Мужичекъ преспокойно лежалъ въ розвальняхъ, закрывшись тулупомъ, и доморощенная лошадка сама собой трусила по знакомой и прямой дорогѣ, какъ вдругъ шарахнулась въ сторону, и розвальни, раскатившись по откосу, засѣли въ сугробъ. Харламовъ приподнялся и поглядѣлъ на дорогу.

— Ну, ну, трогай! крикнулъ онъ на лошадь, не видя лежавшаго на дорогѣ человѣка. Чаво боишься лѣшій? Ну, ну, я те огрѣю!.. Лошадка, успокоенная окрикомъ хозяина и понявшая, что на дорогѣ испугавшій ее предметъ есть ничто иное, какъ человѣкъ, тронулась было съ мѣста, но увязла въ сугробъ и, рванувшись было раза два, остановилась.

— Увязла, шельма!.. Эхъ штобъ тебя! сердито проворчалъ мужичекъ и неохотно вылѣзъ изъ подъ теплаго тулупа. Вытащивъ задокъ розвальней изъ сугроба на болѣе твердое мѣсто дороги, крестьянинъ пошелъ было помочь лошади, но испуганно отшатнулся и инстинктивно схватился за воткнутый за кушакомъ топоръ.

— Человѣкъ лежитъ! прошепталъ онъ, и сейчасъ-же ободрился, услыхавъ его болѣзненный стонъ.

— Видно пьяный, сердяга! принялся онъ разсуждать, подходя поближе. Какъ разъ замерзнетъ: ишь какъ сивѣрко да морозно... Эй, землякъ, вставай!.. Не мѣсто, братъ, для ночлега выбралъ!..

Мужикъ нагнулся надъ лежащимъ.

— Батюшки, да вѣдь его ограбили и избили! невольно воскликнулъ онъ, увидавъ разстегнутый сюртукъ Лавинова и лужу крови около него.

Почесалъ затылокъ дядя Василій и задумался.

Бросить человѣка среди дороги въ морозную ночь

на волю судьбы—жаль, не по христіански; помочь ему слѣдуетъ, домой отвезти...

Ну, а какъ онъ дома-то или дорогой умереть?.. Засудятъ, пожалуй, затаскаютъ: „ты де убилъ и ограбилъ.“

Однако раздумывалъ мужикъ не долго. Перекрестился онъ и поднялъ Лавинова, положилъ его въ розвальни, накрылъ тулупомъ и, высвободивъ лошадь изъ сугроба, нахлесталъ ее и скорой рысью поѣхалъ домой, прислушиваясь къ слабымъ стонамъ найденнаго.

Привезя Лавинова домой, Василиій Харламовъ заявилъ обо всемъ старостѣ, по распоряженію котораго Лавиновъ былъ оставленъ у него, а о находкѣ мужика было дано знать становому.

Пришедшій на другое утро въ себя Лавиновъ на вопросы пріѣхавшаго становаго не сказалъ истины, а сказалъ, что онъ нанялъ въ Москвѣ извозчика, возвращаясь изъ клуба сильно пьяный, и былъ, вѣроятно, завезенъ и ограбленъ.

„Къ розыску виновныхъ были приняты мѣры“, а Лавиновъ, по его просьбѣ, былъ перевезенъ на квартиру, гдѣ и остался лѣчиться, наградивъ Василья Харламова по возможности и пригласивъ его бывать у него каждый пріѣздъ въ Москву.

Молодой человѣкъ, сильно простудившійся и пострадавшій отъ побоевъ, перенесъ, благодаря своей богатырской натурѣ, болѣзнь и былъ объявленъ докторомъ внѣ опасности, когда къ нему, неожиданно-негаданно, явилась Аня, о которой все это время думалъ онъ, сгорая нетерпѣніемъ видѣть ее и говорить съ нею.

Аня, благодаря энергичному вмѣшательству Бароне-

ка, была освобождена изъ-подъ предварительнаго ареста, при чемъ ей было представлено право начать искъ къ полковницѣ и подавать какія угодно жалобы на кого угодно, но въ выдачѣ вещей и денегъ, пропавшихъ у Ирины Ивановой, отказано „по бездоказательности заявленія о ихъ пропажѣ и принадлежности“, какъ ей оффиціально объявили въ полиціи.

Аня была недалеко отъ полнаго отчаянія.

Плохо одѣтая, безъ денегъ, очутилась она въ незнакомомъ городѣ одна одиначенька, и съ особой силой давящей тоски почувствовала она это одиночество и беспомощность, когда въ адресномъ столѣ ей дали справку, что въ Москвѣ дворянина Василья Осиповича Пичугина не числится.

„Что если и Лавинова я не найду?“ съ ужасомъ подумала она, и вся блѣдная, едва держась на ногахъ, подала въ окошечко чиновника новую справку о „музыкантѣ Лавиновѣ“.

Его адресъ дѣвушкѣ дали, и она бѣгомъ спустилась съ лѣстницы и безъ ряды взяла извозчика, забывъ, что у ней въ карманѣ не было ни гроша; за нее даже въ адресномъ столѣ узаконенныя шесть копѣекъ заплатила какая-то барыня-старушка, поручивъ подать эти деньги нищему на поминъ души „раба Ивана“.

Въ глазахъ затуманилось, въ ушахъ зазвенѣло у Лавинова, когда онъ услыхалъ въ передней голосъ Ани, которую нанятая сидѣлка не хотѣла было пускать.

— Пустите!.. Войдите! напряженнымъ голосомъ крикнулъ онъ и сѣлъ въ постели.

— Радость моя! Счастіе мое! восторженно протя-

нуль онъ руки вбѣжавшей Анѣ, и по блѣдному лицу его потекли слезы.

— Голубчикъ, Петръ Ивановичъ! проговорила дѣвушка, на секунду остановившись и вдругъ бросаясь въ объятія Лавинова, какъ стараго, испытаннаго друга, какъ брата.

Обильныя слезы дѣвушки смочили грудь переполненнаго счастьемъ Лавинова.

— Какъ вы здѣсь? Откуда вы? Какой добрый геній принесъ васъ ко мнѣ, радость вы моя? спрашивалъ Лавиновъ, цѣлуя Аню въ голову и руки.

— О, какъ много я перенесла за это время, Лавиновъ! сказала Аня и отерла слезы.—Дайте мнѣ чаю и чего-нибудь поѣсть, а потомъ я все расскажу... Погодите однако! Вы больны? Что съ вами? О, какой вы блѣдный, мой добрый Петръ Ивановичъ!..

— Э, пустяки!.. Я тоже вамъ поразкажу кое-что послѣ...

Лавиновъ позвалъ сидѣлку и попросилъ ее распорядиться на счетъ чаю и завтрака, потомъ усадилъ Аню на кресло около кровати и счастливыми, какъ-то особенно веселыми, глазами сталъ глядѣть на нее.

Аня молча улыбалась и тоже глядѣла на него.

— Вы все еще любите меня? спросила она.

— И вы спрашиваете! съ ласковымъ упрекомъ пожалъ Лавиновъ руку дѣвушки.

— Вы не любите меня такъ... Вы любите меня какъ сестру, какъ друга... Вѣдь ужъ я любила одинъ разъ, Лавиновъ, и не стою васъ, сказала Аня, опуская глаза.

Лавиновъ прилегъ на подушку.

— Не будемъ пока говорить объ этомъ, Аня... Анна Васильевна, сказалъ онъ. Я еще слабъ, а радость свиданія совсѣмъ отуманила меня... Послѣ, а теперь говорите о себѣ... Что вашъ папа, тетя?.. Что у васъ новаго?.. Я ничего, ничего не знаю о васъ съ этой проклятой болѣзнью!..

— Я выпью чаю и все расскажу вамъ... Я еще сегодня ничего не пила и не ѣла...

Лавиновъ оглядѣлъ Аню и теперь только замѣтилъ плохонькое платьѣ ея, измятый воротничекъ и сброшенную на стулъ старенькую шубку.

— Да вы у тети живете? спросилъ онъ.

— Нѣтъ...

— Да? радостно спросилъ Лавиновъ и опять поднялся на локтѣ.—Уже у папы?

— Нѣтъ...

— Нѣтъ? удивился Лавиновъ. Но у кого-же? Гдѣ-же?

— У васъ, если вы не прогоните меня... Но послѣ, послѣ, голубчикъ!.. Васъ это волнуетъ, вы любите меня... Скажу вамъ, что теперь все слава Богу, я свободна и, можетъ, буду еще счастлива... Вотъ несутъ самоваръ и завтракъ, я буду вашей хозяйкой...

— Тамъ извощикъ денегъ ждетъ... Эта барышня не заплатила ему, сказала сидѣлка, входя въ комнату и недружелюбно глядя на Аню своими строгими глазами.

— Ахъ, да! воскликнула Аня.—Петръ Иванычъ, я у васъ займу денегъ...

— У братьевъ не занимаютъ, улыбнулся Лавиновъ и протянулъ Анѣ вынутый изъ подъ подушки бумажникъ.—Мои деньги—ваши...

Аня послала извозчику рубль и усѣлась разливать чай, пригласивъ сидѣлку гостей.

Та чопорно сѣла и сперва было хотѣла поразить Аню холодною и даже нѣкоторымъ презрѣніемъ, но чрезъ полчаса уже весело улыбалась ей, называла „милой барышней“, а когда Аня рассказала Лавинову, не вѣрившему своимъ ушамъ, все съ ней случившееся, то прослезилась и почувствовала къ симпатичной дѣвушкѣ материнскую нѣжность.

— О, лишь-бы скорѣе встать мнѣ! воскликнулъ Лавиновъ по окончаніи разсказа. — Я имъ покажу!.. За все, за все заплатятъ они!.. А деньги вашего отца? А ваши платья, вещи — онѣ гдѣ? спрашивалъ онъ, сверкая глазами.

— У тети.

— Такъ она васъ ограбила еще?.. Гнусная, отвратительная женщина!.. А этотъ, мерзавецъ этотъ, Баронекъ, онъ что?

Аня потупилась.

— Про него я не знаю, я не видала его. Но не браните, не браните его, Бога ради! умоляющимъ голосомъ сказала она.

По лицу Лавинова скользнула тѣнь.

— Вы любите еще его? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, но онъ... Онъ все еще дорогъ мнѣ.

— Да?.. А знаете ли вы, моя добрая, моя золотая дѣвочка, что этотъ господинъ публично обвинилъ васъ въ гнусной интригѣ и подъ дуломъ моего пистолета готовъ былъ самымъ гнуснымъ образомъ оклеветать васъ?.. А знаете ли вы то, что этотъ высокородный баринъ подлымъ образомъ устроилъ мнѣ засаду и под-

купилъ воровъ и разбойниковъ убить меня, за то, что я назвалъ его подлецомъ и поставилъ на барьеръ за честь имъ поруганной дѣвушки, отдавшей ему все?... Вы не знаете этого? Быть можетъ, вы не повѣрите этому?... Но клянусь Богомъ, клянусь любовью къ вамъ, все это правда!.. Дайте мнѣ воды съ сахаромъ и сядьте вотъ тутъ, я все расскажу вамъ.

Голосъ Лавинова былъ суровъ, рѣзокъ, и Аня какъ-то робко подала ему воду и сѣла около кровати, взявъ его руку.

Лавиновъ закрылъ глаза и минутъ пять молчалъ, тяжело дыша, такъ что могучая грудь его высоко вздымала одѣяло, то опускаясь, то подымаясь.

— Добрый мой, вамъ тяжело, вредно волноваться, успокойтесь, усните, нѣжно сказала Аня.

— Ничего, проговорилъ Лавиновъ и открылъ глаза. Вы живы, здоровы, тутъ около меня, и это для меня лучшее лѣкарство, завтра я буду совсѣмъ здоровъ... Я расскажу вамъ про подвиги Баронека... Мнѣ хотѣлось убить его на дуэли, но это не удалось.

— Вы стрѣлялись съ нимъ? спросила Аня.

— Да, на другой день этого маскарада...

— За меня.

— За себя... Подлый поступокъ его съ вами „меня“ возмутилъ... За себя я стрѣлялся...

— О, мой добрый, благородный другъ! съ порывомъ нѣжности сказала Аня и крѣпко пожала руку молодого человѣка.

Лавиновъ послѣдовательно рассказалъ ей все и, утомленный, страшно взволнованный, глубоко заснулъ, почти въ бреду закончивъ рассказъ новымъ признаніемъ въ

любви къ Анѣ и прося ее подарить ему счастье, по-любить его.

Аня заботливо укрыла Лавинова, осторожно вытерла его вспотѣвшій лобъ и склонилась надъ нимъ.

— Добрый, милый, хорошій, какъ онъ любить меня! прошептала она и поцѣловала въ лобъ спящаго. Я не стою тебя, я дурная, нехорошая, но если ты хочешь—я буду твоя, мой милый.

Вечеромъ они опять пили вмѣстѣ чай, и Аня ушла въ приготовленную рядомъ комнату. Тамъ она нашла сидѣлку, которая опраивала ей постель и готовила бѣлье, очевидно только что привезенное изъ магазина.

— Милая барышня, обратилась она къ Анѣ—Петръ Ивановичъ приказали мнѣ купить вамъ все необходимое, а эти вотъ деньги отдать вамъ на туалетъ, какой вамъ понадобится... Они сказали, чтобъ вы непременно взяли: у брата-де съ сестрой что за счета, да вы и возвратите имъ, потому у вашей тетеньки много добра вашего, да пока-то у васъ нѣтъ... Завтра я вамъ дѣвушку найму, ходить будетъ за вами, а пока я похожу... Раздѣвайтесь-ка, да ложитесь съ Богомъ...

Аня оглянулась кругомъ и улыбнулась.

Комнатка выглядывала игрушечкой; все было свѣжо, чисто, видно было, что любящая, заботливая рука прошла по всему.

— Это все вы, моя милая, такъ прибрали, такъ приготовили? спросила она у сидѣлки. — Когда же вы успѣли это?

— А какъ вы пошли прогуляться, Петръ Ивановичъ и приказалъ мнѣ приготовить комнатку, и бѣлье я вамъ купила.

— Но, послушайте: я знаю, что Петръ Иванычъ не богатъ, для него все это тяжело...

— Для дорогаго человѣка ничего не тяжело, милая барышня; опять-же Петръ Иванычъ, слава Богу, жалованье получаютъ, уроки имѣютъ, а живутъ скромно, деньги у нихъ завсегда есть... Не безпокойтесь, барышня, ложитесь почивать... Покойной ночи вамъ...

Сидѣлка простилась съ Аней и ушла, а дѣвушка опустилась на колѣни передъ иконою Божіей Матери и съ жаромъ стала молиться.

XX.

Лавиновъ выздоровѣлъ.

Точно новая жизнь началась для него, точно онъ снова родился.

Въ послѣдніе дни его болѣзни онъ-же чувствовалъ, что Аня любитъ его, что она будетъ принадлежать ему, и это сознаніе дѣйствительно было лучшимъ для него тѣкарствомъ, сказочной живой водой, которая не только воскрешаетъ человѣка, но и дѣлаетъ его лучшимъ, перерождаетъ, наполняетъ счастіемъ.

Наконецъ онъ спросилъ Аню, любитъ-ли она его, согласна-ли она быть его женой? Дѣвушка стыдливо склонила головку къ нему на грудь и прошептала признаніе.

— Но вѣдь я любила другаго, я принадлежала ему! смущенно проговорила она.

— О, не говори этого! зажалъ ей ротъ Лавиновъ. Пршрое твое умерло, его не было и ты моя, моя!.. Я назову тебя женой и подругой предъ алтаремъ Бога

и этимъ разорву всякую связь съ тяжелымъ прошлымъ, такъ пусть-же оно не смущаетъ тебя, чистаго ангела, котораго не осквернило прикосновеніе дьявола!..

Поправившись, Лавиновъ сейчасъ-же принялся за дѣла, главными изъ которыхъ было отысканіе пропавшаго изъ виду Василья Осиповича и потребованіе отчета у полковницы.

Въ первый-же, разрѣшенный докторомъ для выхода, день, Лавиновъ поѣхалъ отыскивать Василья Осиповича.

— Я твой богатырь и поѣду по бѣлу свѣту искать злыхъ волшебниковъ, похитившихъ твоего отца и ожерелье! шутилъ Лавиновъ, собираясь на поиски.

— Вернись-же со щитомъ, а не на щитѣ! вторила ему Аня.

— И съ похищенными сокровищами, и съ головой бабы-яги, которая мучила мою царевну!..

Лавинову чрезъ адресный столъ удалось добыть послѣдній адресъ Василья Осиповича — въ гостинницѣ, близъ пресловутой Грачевки. Онъ поѣхалъ туда и узналъ отъ корридорнаго, что господинъ Пичугинъ, не заплативъ денегъ за недѣлю квартированія, скрылся неизвѣстно куда, о чемъ своевременно и было дано знать полиціи.

— Пили они и играли въ карты послѣднее время страхъ какъ; до нищеты дошли! сообщилъ корридорный. А недѣли двѣ тому назадъ, ушли куда-то и не возвращались... Вотъ-съ, въ конторѣ, вещи ихнія остались, пожалуйста взглянуть...

Корридорный привелъ Лавинова въ контору и показалъ на брошенные въ углу чемоданъ, узелокъ и картонъ, очевидно, изъ-подъ Аниной шляпы.

— Вотъ-съ все, что осталось, сказалъ корридорный. Полиція велѣла спрятать до нахожденія барина...

Задача найти несчастнаго Василья Осиповича усложнилась.

XXI.

Баронекъ, получивъ отъ своего вѣрнаго цыгана извѣстіе о похищеніи мнимой Ани и сдачѣ ея въ надежныя руки, щедро наградилъ исполнителей безумной затѣи и на другой день утромъ, прокутивъ всю ночь въ бѣшеной оргіи, поѣхалъ въ „Панфілкинъ кабачекъ“.

Въ охотничьей венгеркѣ, съ арапникомъ въ рукахъ, полуцыганы вошли онъ съ Васькой въ харчевню, встрѣченный почтительно кланявшейся ему хозяйкой.

— Здорово, старуха! сказалъ Баронекъ, съ любопытствомъ оглядывая типичную хозяйку знаменитой харчевни, рослую, худощавую бабу, съ энергичнымъ лицомъ.—Ну, что, гостя жива, здорова?

— Слава Богу, батюшка баринъ... На верху въ свѣтелкѣ онѣ; вотъ въ эту дверь пожалуйста, указала старуха на маленькую дверь, ведущую въ мезонинъ.

— Ночь провела покойно? Не плакала?

— Нѣтъ, почивали хорошо... Я, признаться сказать, припугнула ихъ: смирно-де, барышня, сидите, а то бѣду накличете; ну, и ничего... Сегодня утромъ чай имъ понесла, такъ онѣ карты у меня выпросили: „погадаю“, говорятъ, „отъ скуки“... Спрашивали: „зачѣмъ-де я здѣсь, кто это увезъ меня?“ ну, а я говорю:—узнаете, барышня, а только худаго вамъ ничего не будетъ...

Баронекъ присѣлъ за столикъ и велѣлъ подать цыгану изъ саней вина.

— У меня есть, баринъ, свое, отличное, прикажите подать? подобострастно предложила старуха.

— Нѣтъ, старуха, я привыкъ свое пить... Я вѣдь на охоту ѣду, такъ захватилъ; я тебѣ и такъ заплачу...

— А если меня оштрафуютъ за это, баринъ? полуплутливо спросила старуха.

Баронекъ засмѣялся.

— Краденыхъ дѣвицъ скрывать не боится, а штрафъ за распитое у ней вино пугаетъ ее! проговорилъ онъ. — Ничего, старуха, не бойся: я дамъ тебѣ денегъ на случай штрафа... Во сколько ты цѣнишь свой рискъ скрывать ту барышню и допускать привозить свое вино?

— На вашу милость, сударь, надѣюсь, не обидите меня... А сколько времени пробудеть здѣсь барышня-то?

— Ну, этого я не знаю... Быть можетъ я увезу ее сегодня, быть можетъ, она останется. Во всякомъ случаѣ я тебѣ заплачу довольно... Вотъ пока возьми...

Баронекъ подалъ старухѣ скомканную пачку кредитокъ и принялся за принесенное вино.

Старуха и цыганъ вышли въ сосѣднюю комнату, видя, что баринъ задумался и уже не обращалъ на нихъ вниманія.

Ему было не по себѣ.

Въ припадкѣ страсти, доведенной ревностью до грандіозныхъ размѣровъ, до уродливости, онъ рѣшился на отчаянный поступокъ, предосудительный, противузаконный, безчеловѣчно-жестокій и возмутительно-дерзкій, и

теперь его грызло раскаяніе, мучило ожиданіе желаннаго свиданія. Что ждало его? Глубокое отвращеніе до безумія любившей его дѣвушки и кара, ранняя или поздняя, закона, къ защитѣ котораго она прибѣгнетъ, лишь только получить для этого возможность.

— Вѣдь безъ этого насилія, прошепталъ онъ, я не могъ-бы видѣть ее, говорить съ нею. Вѣдь ужъ никакая любовь, никакая нѣжность не воротитъ мнѣ ея любовь, такъ пусть-же насиліе дастъ мнѣ возможность видѣть ее около себя, знать, что она моя, силой, разбоемъ взятая, да моя!.. А то вѣдь она будетъ этого Лавинова... О, нѣтъ, нѣтъ, до этого я не допущу!... Пусть я дѣлаю подлость, пусть судятъ меня, какъ хотятъ, но она будетъ моею, я не могу жить безъ нея!.. И не могу, и не хочу...

Баронекъ допилъ вино прямо изъ бутылки и кликнулъ хозяйку.

— Ея комната заперта? кивнулъ онъ на дверь.

— Заперта, сударь...

Старуха испуганно взглянула на лицо Баронка и замялась.

— Батюшка, робко заговорила она, вы барышню-то бить будете? Прогнѣвила она васъ?

— Съ ума ты сошла, глупая баба?... Я убью того, кто и подумаетъ-то тронуть ее, а она говоритъ—бить!... Съ чего ты взяла это? спросилъ Баронекъ.

— Такъ-съ... Гнѣвны вы, да и арапельникъ-то въ рукахъ держите...

Дура!... Это для лошадей...

Онъ бросилъ арапникъ и оправился.

— Поди, отопри дверь и скажи барышнѣ, что... Впрочемъ, нѣтъ!... Дай сюда ключъ, я пойду самъ...

Баронекъ взялъ поданный ключъ и быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ въ мезонинъ.

Вотъ запертая дверь, за которой сидитъ она, быть можетъ проклиная въ эту минуту человѣка, такъ безчеловѣчно поступившаго съ ней...

Баронекъ дрожащей рукой вложилъ ключъ въ замокъ и повернулъ его.

Онъ распахнулъ дверь и вошелъ въ комнату.

— Аня! какъ-то неестественно крикнулъ онъ и шагнулъ впередъ, но быстро отшатнулся и почти съ ужасомъ устремилъ глаза на Вѣрочку Костякову, которая безпечно раскладывала карты на столѣ и при входѣ Баронекъ съ любопытствомъ взглянула на него.

— Кто вы?... Откуда вы?... Зачѣмъ вы? спросилъ Баронекъ, не вѣря своимъ глазамъ и именно съ ужасомъ разглядывая тривиальныя черты смазливенькой дѣвушки.

Дѣвушка встала, стыдливо закрывая свою ночную кофточку.

— Я... я Вѣрочка Костякова, купеческая дочь, испуганно заговорила она. Меня взяли, увезли, заперли... Я не знаю, кто вы, но умоляю васъ, отпустите меня, не обижайте меня!... У меня мамаша, женихъ... Бога ради, отпустите меня!...

Баронекъ дико оглянулся и увидалъ положенный на стулѣ маскарадный костюмъ дѣвушки.

Онъ схватилъ его и подошелъ къ ней.

— Вы... Вы были въ маскарадѣ? Васъ увезли отсюда? задыхаясь спросилъ онъ.

— Да... Я ѣхала съ Полемъ, меня схватили...

— Въ этомъ костюмѣ? крикнулъ Баронекъ.

— Да...

Баронекъ бросилъ костюмъ, схватился за голову и захохоталъ тѣмъ истерическимъ визгливымъ хохотомъ, которымъ хохочетъ сильно потрясенный человѣкъ, недалекій отъ нервнаго припадка.

— Одураченъ!... Одураченъ какъ мальчишка, какъ идіотъ, на смѣхъ поднять! не помня себя закричалъ онъ.

Вѣрочка въ глубокомъ изумленіи глядѣла на него.

— Это заговоръ, это они нарочно подстроили! продолжалъ Баронекъ. Смѣются теперь, торжествуютъ, каррикатуру потомъ нарисуютъ, въ печать пустятъ!... О проклятые!...

Баронекъ пришелъ въ бѣшенство; лицо его исказилось до уродливости, глаза дико сверкали.

— Кто ты такая? Откуда они взяли тебя? обратился онъ къ Вѣрочкѣ.

— Я купеческая дочь Костякова... Изъ маскарада они взяли меня...

— Кто они?

— Какіе-то люди... Я поѣхала къ жениху, къ Плюнчикову, а на насъ напали и взяли меня...

Баронекъ началъ понимать, что заговора не было, что все произошло отъ его собственной ошибки.

— Вы знаете Анну Васильевну Пичугину и господина Лавинова? спросилъ онъ.

— Пичугину? Лавинова?.. Нѣтъ...

— Гдѣ вы взяли этотъ костюмъ? кивнулъ головой Баронекъ на брошенный костюмъ.

— Мнѣ Поль его привезъ... Поль — это женихъ мой...

Баронекъ прошелся по комнатѣ.

— Тутъ произошла ошибка, обратился онъ къ дѣвущкѣ,—намъ нужно было другую особу, а такъ какъ она должна была быть въ маскарадѣ въ этомъ вотъ костюмѣ, то мои люди васъ и приняли за нее. Извините, Бога ради... Васъ сейчасъ-же отпустятъ, ответутъ, куда вы прикажете... Я сейчасъ распоряжусь...

Баронекъ быстро вышелъ и сбѣжалъ по лѣстницѣ внизъ.

— Мерзавецъ, хамъ, животное глупое! набросился онъ на своего цыгана. Вѣдь ты зналъ на дачѣ Анну Васильевну Пичугину, такъ зачѣмъ-же ты вмѣсто ея взялъ другую?.. Я могъ ошибиться, она была въ маскѣ, а вѣдь ты-то бралъ ее безъ маски, чего-же ты глядѣлъ? Зачѣмъ я посылалъ тебя?.. Изобью мерзавца! Ребра переломаю!

Цыганъ поблѣднѣлъ и попятился.

— Да вѣдь я ничего не зналъ, Конрадъ Конрадовичъ, заговорилъ онъ. Указали вы мнѣ барышню и приказали увести ее, я и увезъ... Я не зналъ, кого вамъ нужно... Прикажете—я со дна моря достану для васъ...

Баронекъ промолчалъ. Доводы преданнаго исполнителя его дикихъ затѣй были вѣрны, да и самохвальное обѣщаніе пришлось по душѣ.

— Молчи ужъ! сказалъ Баронекъ и подошелъ къ хозяйкѣ.

— Эту дѣвченку нужно отпустить, только я не знаю, какъ-бы это сдѣлать... Вѣдь она можетъ жаловаться, скандалъ выйдетъ...

— Ничего, сударь, не беспокойтесь, сказала ста-

руха, только что пересчитавшая деньги, данныя Баронекъ, и вполнѣ удовлетворенная. Одѣнемъ мы ее опять въ ея одежду, посадимъ на тройку, а глаза завяжемъ, повозимъ, повозимъ по Москвѣ да высадимъ гдѣ-нибудь, иди-де съ Богомъ, куда знаешь!.. Бывали у насъ такія-то дѣла, не то што дѣвченокъ, а мужчинъ такимъ-то манеромъ спроваживали, тѣмъ, батюшка, кормимся!

— Ну, дѣлай какъ знаешь, сказалъ Баронекъ и вышелъ изъ харчевни.

Цыганъ послѣдовалъ за нимъ.

— Куда прикажете? обратился онъ къ барину, вскочивъ на козлы.

— Хоть къ черту, только не въ Москву! крикнулъ Баронекъ и ударилъ пристяжныхъ своей лихой тройки арапникомъ.

Лошади рванулись и во весь опоръ понеслись по ухабистой дорогѣ шоссе. Цыганъ зналъ, что въ такія минуты барина надо везти въ охотничій домикъ близъ Мытищъ, гдѣ обыкновенно Баронекъ предавался дикому кутежу.

XXII.

Проводивъ дорогаго гостя, хозяйка харчевни поднялась наверхъ.

— Вотъ какая исторія-то вышла, барышня! обратилась она къ Вѣрочкѣ... Хотѣли поймать синичку, а поймали другую птичку!.. Что же намъ дѣлать-то теперь, а?

— Я ничего не знаю, ничего не понимаю, отпустите меня, Бога ради! взмолилась дѣвушка.

— Отпустимъ, милая, держать теперь тебя не зачѣмъ... Вишь ты, какая штука вышла: баринъ-то обознался въ тебѣ, лица-то твоего за маской не видѣвши; другую ему надо было, а слуги его тебя, вишь ты, поймали, ну, а я и паче того не причастна, потому мое дѣло было только сберечь тебя.

Старуха сѣла.

— Ты, милая, изъ какихъ-же будешь?

— Я купеческая дочь... Я тихонько отъ мамашы уѣхала въ маскарадъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, да вотъ и попала въ бѣду!.. Теперь я ужъ не знаю, что и дѣлать!.. Адреса этого молодаго человѣка я не знаю, а къ мамашѣ идти боюсь...

— Такъ, такъ...

Старуха задумалась.

— А папеньки у тебя нѣтъ? спросила она.

Нѣтъ, но только у меня мамаша очень строга, къ ней идти мнѣ не подъ какимъ видомъ нельзя, она меня и живой не оставитъ...

— Такъ зачѣмъ-же ты просишься у меня, чтобъ я отпустила тебя?

— Боюсь я здѣсь, бабушка... Сижу въ заперти, не знаю гдѣ, не знаю у кого, ну и боюсь... Сижу да и думаю: вотъ придутъ, да убьютъ меня!

— Зачѣмъ убивать такую пригожую барышню!.. Если хочешь, я тебя сейчасъ-же отпущу, только куда-же ты пойдешь, коли говоришь, что къ мамашѣ охоты идти у тебя нѣтъ?

— Ужъ я не знаю, что мнѣ и дѣлать!.. Удавилась-бы, да страшно очень...

Старуха засмѣялась.

— Пошто давиться!.. А ты вотъ что, барышня: напиши ты своей мамашѣ записочку: „жива-де я, маменька, и здорова, опаски обо мнѣ не имѣйте, а только пошалимши, идти къ вамъ боюсь“; да написамши такое письмо, маменьку свою успокоимши, и поживи у меня; худого тебѣ ничего не будетъ, а ужъ повеселишься вволю!.. Ко мнѣ господа хорошіе наѣзжаютъ, баловать тебя будутъ сколько душенькѣ угодно, ну, а пожимши по времени и къ маменькѣ пойдешь, коли до тѣхъ поръ жениха мы тебѣ красавца не подцѣпимъ...

— Да вы кто-же такая, бабушка?

— Я старуха тароватая, веселая... Держу я трактиръ и дворъ постоянный, ну и сватаньемъ занимаюсь...

— Это вѣдь въ самой Москвѣ домъ вашъ?

— Почти что въ Москвѣ.

Вѣрочка задумалась.

— Вотъ вы бы мнѣ моего жениха-то отыскали, бабушка, я бы васъ наградила... Адвокатъ онъ, Плюнчиковъ по фамиліи... Влюблена я въ него очень, бабушка!

— Повремени, найдемъ и его, у меня знакомыхъ много, помогутъ.

— Ахъ, какъ бы найти, бабушка!.. Такъ достаньте мнѣ бумаги, я напишу мамашѣ и поживу у васъ.

— Вотъ и умница!.. Маменька-то потоскуетъ, такъ поласковѣ приметъ, а приди-ка къ ней теперь, такъ она такой тебѣ маскарадъ задастъ, что и безъ маски никто не узнаетъ!

— Вѣрно, бабушка, вѣрно... Моя мамаша деспотическаго воспитанія, и кромѣ плети никакихъ образовательныхъ мѣръ не признаетъ, это и мой Поль говорилъ...

— То-то же и есть.

Старуха сошла внизъ и принесла Вѣрочкѣ бумаги, конвертъ и городскую марку, и чрезъ полчаса на Полянку полетѣло письмо, долженствующее успокоить страшно напуганную пропажей дочери почтенную купчиху, „не признающую кромѣ плети никакихъ образовательныхъ мѣръ“.

Вѣрочка на другой-же день убѣдилась, что старуха не обманула ее: вечеромъ пріѣхали какія-то барышни, весьма развязныя и веселыя и хотъ не знавшія, подобно сестрамъ Усыковымъ, „теоріи женскаго вопроса“ и не декламирующія „передовыхъ стихотвореній“, но за то недурненькія собой, живыя и мило поющія пикантнаго свойства шансонетки, пришедшіяся Вѣрочкѣ болѣе по вкусу „передовыхъ стихотвореній“ и развивающихъ бесѣдъ сестеръ Усыковыхъ.

Вѣрочка познакомилась съ барышнями и объяснила имъ, наученная старухой, что она тайкомъ ушла отъ матери, желая выйти замужъ.

Барышни привезли съ собою конфетъ, бутылку какой-то наливки, и скоро маленькая комнатка мезонина огласилась веселымъ хохотомъ, пѣніемъ и звуками гитары, которой превосходно владѣла одна изъ барышень, прозванная подругами „ямщикомъ Васькой“, очень недурненькая брюнетка, со жгучими глазками и разбитными манерами, хористка какого-то загороднаго хора по профессіи и полька происхожденіемъ.

Позднѣе явился новый гость, отрекомендовавшійся Вѣрочкѣ „развитымъ представителемъ молодаго купечества“, на самомъ же дѣлѣ промотавшійся саврасъ изъ Ножевой линіи.

Господинъ этотъ имѣлъ недурные глаза, пылалъ страстью къ барышнямъ и мазалъ усы венгерской помадой, при чемъ пѣлъ баритономъ романсы и умѣлъ передразнивать нѣмцевъ, армянъ и жидовъ; его среди знакомыхъ звали „образованнымъ молодымъ человѣкомъ“.

Узнавъ, что Вѣрочка купчиха, этотъ сынъ Ножевой линіи, Егоръ Егоровичъ Закройкинъ по фамиліи, весьма обрадовался.

Мнѣ очень лестно и вполне очаровательно видѣть дѣвушку нашей дикой среды на пути къ эмансипаціи! сказалъ онъ. — Я еще покойному родителю, другими словами—своему отошедшему въ вѣчность папа, говорилъ, что давно пора внести лучъ свѣта въ купеческую среду и эмансипировать женщинъ этой некультурной и даже изолированной среды, но папа принадлежалъ къ воззрѣніямъ старыхъ традицій и индеферентный ко всякому прогрессивному движенію, отвѣчалъ мнѣ грубостью и аршинной наукой!.. Очень радъ, барышня, что вы стремитесь къ свѣту и разбиваете оковы дикости и косности!... Вы танцуете?

Вѣрочка отвѣчала утвердительно, и Егоръ Закройкинъ, или „Жоржъ де Закройкинъ“, какъ у него было написано на карточкѣ, устроилъ кадрили въ двѣ пары „подъ пѣсни“, а потомъ взялъ гитару и пропѣлъ съ помощію барышень „всѣ лучшія аріи современной музыки“.

„А вѣдь онъ красивѣе Поля! думала Вѣра, глядя на поющего купеческаго сына и любуясь его закрученными усами.

XXIII

Лавиновъ между тѣмъ нашелъ своего будущаго тестя.

Получивъ отъ корридорнаго гостинницы, въ которой квартировалъ послѣднее время Василій Осиповичъ, свѣдѣнiе о томъ, что старикъ пилъ и игралъ, а затѣмъ скрылся, оставивъ въ номерѣ чемоданъ и узелокъ, Лавиновъ спросилъ у корридорнаго, гдѣ бы теперь возможно отыскать пропавшаго.

— По вертепамъ по нашимъ надо поискать, сказалъ корридорный.

По всей Грачевкѣ есть такiе вертепы, гдѣ кого хоть и обыграють, и опоятъ: такъ заканителятъ, что и не выбратъся человѣку.

— Но на что же ему играть и пить, если у него нѣтъ ничего? спросилъ Лавиновъ.

— Найдутъ-съ!.. Все-же у нихъ одежда есть, неважная, а есть, а вѣдь тамъ, въ трущобахъ этихъ, за большимъ не гонятся... Опять-же у барина знакомство есть, ну и выпрашиваютъ понемногу деньжонокъ, а то такъ и по улицамъ вечеркомъ ходятъ да собираютъ: „бѣдному де дворянину на пропитанiе“, сѣрдобольные люди и подаютъ, потому видомъ—старичекъ, человѣкъ благородный, жалко его въ нищетѣ-то видѣтъ...

— Такъ гдѣ-же именно нужно его искать? опять спросилъ Лавиновъ.

— Въ каждый кабакъ заходите, въ трактиръ; а то тутъ, по Грачевкѣ-то, во дворахъ разный людъ по угламъ живетъ, тамъ поспрашивайте.

Лавиновъ далъ человѣку за совѣтъ на чай и отправился на поиски, давъ себѣ слово найти старика, во что бы то ни стало.

Изъ кабака въ трактиръ, изъ трактира въ харчевню бродилъ Петръ Ивановичъ, приглядываясь къ посѣтителямъ этихъ грязныхъ норъ знаменитой Грачевки, и съ любопытствомъ наблюдалъ жизнь оборваннаго, бездомнаго, безпаспортнаго, въ невылазное болото нищеты и грязи затоптаннаго люда и недоумѣвалъ, какъ это среди столицы возможно такое гнѣздо съ такими обитателями, одна половина котораго должна быть въ больницахъ и богадѣльняхъ, а другая въ Сибири и на каторгѣ.

Тутъ были совсѣмъ еще юныя дѣвушки, бѣжавшія отъ деспотизма различныхъ „мадамъ“ и погибшія въ омутѣ нищеты и разврата, лишенныя крова, одежды, лишенныя образа человѣческаго и изнывающія подъ гнетомъ невыносной нищеты, но вѣчно пьяныя, повидимому, веселыя и безпечныя, на самомъ же дѣлѣ сами себя обрекшія на гибель и потому отчаянныя.

Тутъ были отвратительныя мегеры, торгующія этими дѣвушками, торгующія собой, глубоко павшія, съ ненасытной жадью къ вину, ради котораго готовыя совершить какое угодно преступленіе, отъ кражи послѣдняго гроша и одѣянія ихъ же угощавшаго мастераваго до похищенія ребенка.

Тутъ были полныя силъ и здоровья молодые мужчины, но уже погибшіе окончательно для общества и живущіе единственно для того, чтобы пить, пить и пить.

Ни о брошенной семьѣ, ни о самомъ себѣ, ни о завтрашнемъ днѣ нѣтъ заботъ у этихъ несчастныхъ; проклятая Грачевка все убила и развила лишь неутолимую жадю къ вину. И каждый обитатель Грачевки

разкажетъ тяжелую, потрясающую драму своей жизни, которая завела его сюда и тутъ заживо похоронила.

Это по истинѣ кладбище живыхъ мертвецовъ.

Исторія гибели въ этомъ омутѣ обыкновенна:

Вывался на волю всю жизнь сидѣвшій дома подѣ ферулой жестокаго отца юноша-мѣщанинъ, или получилъ какія-нибудь сравнительно большія деньги голодающій чиновникъ-писецъ и размахнется во всю ширь русской натуры. Поѣдетъ на Грачевку въ притоны веселья и разгула и „зачертить“ тамъ. Попойка смѣняется попойкой, а тутъ подвернутся зоркіе коршуны, давно слѣдившіе за добычей, и обыграютъ въ карты, на билліардѣ, оберутъ, лишатъ послѣдняго гроша и вытолкаютъ на улицу.

Куда идти?

Не домой-же, гдѣ ждетъ горе, ждуть упреки... А голова болитъ, а на душѣ такъ нехорошо, тоска давить...

Въ кабакъ, въ кабакъ! Тамъ вино, тамъ разгулъ, тамъ подѣ звуки разудалой пѣсни забудется всякое горе.

И вотъ является услужливый жидъ, который „сдѣлаетъ смѣнку“, т. е. за платѣе, оставшееся на плечахъ у загулявшаго субъекта, даетъ другое, похуже, и придачу.

А тамъ опять „смѣнка“, и чрезъ нѣсколько дней на бѣднягѣ лохматыя, страшныя, отвратительныя лохмотья; въ нихъ уже нельзя показаться и на улицу, не только идти домой. Стыдно, больно, страшно!

А жажда сосетъ, и сосетъ. Организмъ привыкъ къ алкоголю, не можетъ обойтись безъ него.

Возврата нѣтъ. Грачевка загнала человѣка, и онъ

сдѣлался ея членомъ и будетъ изнывать тутъ, пока не уходить его какая-нибудь буйная компанія, или жестокий морозъ, и не свезутъ его въ бѣломъ досчатомъ гробу на кладбище.

„Сего числа на Грачевкѣ поднять въ безсознательномъ состояніи человѣкъ безъ всякаго письменнаго вида, который, по доставленіи въ пріемный покой части, умеръ“ — вотъ фіналъ cadaго обитателя Грачевки.

— Мы не простые люди: о насъ въ газетахъ пишутъ! шутятъ аборигены Грачевки, и, можетъ быть, это ихъ утѣшаетъ.

Лавиновъ ходилъ по вертепамъ Грачевки и наблюдалъ.

Уже подъ вечеръ зашелъ онъ, усталый и измученный, въ грязноватый трактирчикъ, въ одномъ изъ „проливовъ“, какъ называютъ переулки, соединяющіе Грачевку со Срѣтенкой, попить чаю и съѣсть чего-нибудь, чтобы потомъ опять поискать Пичугина. Спросивъ себѣ чаю и холодной телятины, Лавиновъ усѣлся къ столу и сталъ глядѣть на своихъ сосѣдей.

Тутъ были мастеровые „изъ чистыхъ“, какіе-то торговцы съ лотками галантерейныхъ вещей, двѣ, три неопредѣленные личности и компанія евреевъ-маклаковъ.

Сперва разговоры шли для Лавинова не интересные, но вдругъ онъ насторожился и началъ прислушиваться къ бесѣдѣ мастеровыхъ.

— Сашка опять старика на билліардѣ обставилъ! говоритъ одинъ изъ нихъ. Далъ ему въ пирамиду двадцать очковъ впередъ и обчихвостилъ!.. Сперва проигралъ ему партіи двѣ, а потомъ и пошелъ!.. Пальто

у старика-то было, и то проигралъ Сашкѣ, а потомъ медальонъ... Потѣха была!

— А что? спросили собесѣдники.

— Продулъ старикъ все, а хочется отыгратъся; Сашка, извѣстное дѣло, безъ денегъ не играетъ, да и маркеръ требуетъ за партіи; старикъ мялся, мялся и сымаетъ съ шеи медальонъ: „вотъ“, говоритъ, еще вещь, давайте за нее десять рублей, вещь“, говоритъ „хорошая, только портрета я не отдамъ, выну“... „Кажи!“ говоритъ Сашка. Поглядѣлъ. Медальонъ точно хорошій, толстый. „Ладно“, говоритъ, „десять цалковыхъ я дамъ, только первое дѣло, чтобъ играть на нихъ, а не на уходъ, а второе дѣло — портретъ тоже мнѣ, потому, говоритъ, барышня въ немъ очинно хороша, и ее, говоритъ, для украшенія буду носить“... Старикъ упирается, не даетъ: „это, говоритъ, „моя дочь, я ее ни за какія деньги не отдамъ“, ну, а Сашка тѣшится надъ нимъ, безъ портрета и синенькой не даетъ...

— Чѣмъ-же рѣшили?

— Далъ Сашка шесть рублей, теперь ворочаетъ ихъ...

Лавиновъ быстро допилъ чай и заплатилъ половому, спросилъ, гдѣ ему пройти въ билліардную. Онъ видалъ раза два Василья Осиповича и, встрѣтивъ его, узналъ-бы съ одного взгляда.

— Нѣтъ, это не онъ, подумалъ теперь молодой человекъ, входя въ грязную билліардную, гдѣ крайне плохо одѣтый старикъ, съ худымъ испитымъ лицомъ игралъ съ азартомъ съ какими-то оборванцами.

Ни старикъ, ни его партнеры не обратили никакого вниманія на вошедшаго Лавинова, и только маркеръ

оглядѣлъ его съ головы до ногъ: что-де еще за птица появилась?

Старикъ игралъ съ азартомъ, но плохо: и дрожащія руки, и воспаленные слезливые глаза измѣняли ему. Онъ долго прицѣливался въ шара, ерзалъ кіемъ по рукѣ и, сдѣлавъ неудачный ударъ, ругался, проклиная и себя, и партнеровъ, и билліардъ. Когда одинъ изъ его партнеровъ дѣлалъ удачнаго шара, старикъ спорилъ, кричалъ, „жилилъ“, по выраженію игроковъ, но маркеръ рѣшалъ споръ, и старикъ подчинялся этому авторитетному рѣшенію. Вотъ онъ дождался „подставки“ и жадно прицѣлился въ крупнаго шара, висѣвшаго надъ лузой“. Тщательно, долго цѣлился старикъ и наконецъ съ трескомъ сдѣлалъ шара.

— Что? Каково? весело улынулся онъ. Теперь вѣдь у меня много!.. Маркеръ, сколько у меня?

— Въ послѣднемъ партіи, отвѣтилъ тотъ.

— О!.. Ну, сдѣлаемъ, сдѣлаемъ и послѣдняго!

Лицо старика стало весело, все его точно освѣтила улыбка, вокругъ глазъ легли лучистыя морщинки, даже румянецъ выступилъ на впалыхъ щекахъ.

— Боже, это онъ!.. Это отецъ Ани! прошепталъ Лавиновъ и подошелъ къ билліарду.

— Здравствуйте, Василій Осиповичъ! громко поздоровался онъ.

Старикъ чуть не выронилъ кій и весь встрепнулся. Партнеры его оглянулись на Лавинова.

— Кто это?.. Вы кто?.. Съ кѣмъ имѣю честь говорить? прищуриваясь на Лавинова, заговорилъ Василій Осиповичъ.

— Я хорошій знакомый вашей дочери, Петръ Ива-

новичъ Лавиновъ... Анна Васильевна очень беспокоится о васъ и поручила мнѣ отыскать васъ и сегодня же привезти къ ней...

— Ахъ, Аня, Аня... Вы ея знакомый?.. Она у полковницы, ей хорошо, слава Богу, слава Богу... А я погибъ... Я несчастный... Но я тово... тово... Я отыграю, все отыграю, все ворочу!.. Я посвятилъ себя билліарду и на немъ все верну... Я сталъ уже недурно играть...

Старикъ былъ не то пьянъ, не то немного помѣшанъ. Онъ какъ-то безпокойно ворочалъ шарами, бессмысленно улыбался и все проводилъ рукой по головѣ.

— Отлично, Василій Осиповичъ, но вы займетесь этимъ послѣ, а теперь я прошу васъ немедленно-же ѣхать къ Аннѣ Васильевнѣ, взявъ Лавиновъ его за руку.

— Къ полковницѣ?.. Нѣтъ, нѣтъ, я къ полковницѣ не поѣду!.. Я долженъ, долженъ ей!..

Старикъ понизилъ голосъ.

— Я сильно, сильно скомпроментировалъ себя въ ея глазахъ! добавилъ онъ.

— Анна Васильевна уже не живетъ у полковницы...

Старикъ встрепенулся. Глаза его безпокойно установились на Лавинова.

— Какъ? спросилъ онъ. — Какъ не живетъ?.. Гдѣ-же она? У кого-же?

— Она на своей квартирѣ.

Старикъ опустилъ голову.

— Вотъ какъ, вотъ какъ! пробормоталъ онъ. — А вѣдь я думалъ... Я покоенъ, а она... она одна... Какъ-же это такъ?.. И денегъ нѣтъ, и у полковницы не живетъ... Ыдемъ, ѣдемъ, сію же минуту ѣдемъ!

Старикъ бросился искать свою шапку.

— А какъ же партія-то, господинъ? спросилъ одинъ изъ оборванцевъ. — Надо доиграть, а то я ставку не отдамъ...

— А на счетъ партіи мы пригласимъ рѣшить споръ полицію, вдругъ рѣзко заговорилъ Лавиновъ. — Я сейчасъ приглашу сюда мѣстнаго пристава, и онъ разберетъ дѣло, онъ объяснитъ вамъ, можно-ли навѣрняка обыгрывать полубольнаго старика!.. И вы, и хозяинъ гостинницы за это будете отвѣчать... Маркеръ, попроси сюда хозяина.

Оборванцы быстро надѣли свои рваныя пальто и направились было къ дверц.

— Я не пущу васъ до прихода полиціи! загородилъ имъ дорогу Лавиновъ. Если вы хотите уйдти силой, то это мудрено: я силенъ, а на всякій случай имѣю оружіе...

Маркеръ быстро подошелъ къ одному изъ оборванцевъ и что-то сталъ шептать ему на ухо. Слышались слова: „полиція“, „бѣда“, „десятый протоколъ“, „заведеніе закроютъ“, „паспорта нѣтъ“...

— Господинъ, обратился маркеръ къ Лавинову, не извольте беспокоиться: деньги вашему старику отдадутъ... Сколько вы проиграли, господинъ Пичугинъ?

— Двадцать, двадцать... Двадцать рублей... Не надо мнѣ... Вотъ-бы медальонъ да кольцо, а то не надо, застѣнчиво улыбаясь, говорилъ Василій Осиповичъ.

— Отдайте ему кольцо и медальонъ, а деньги возьмите себѣ, обратился Лавиновъ къ оборванцамъ, и тѣ безпрекословно возвратили вещи.

— Только для васъ, а то бы ни въ жисть не от-

дали... Играли на чести... Этакъ бы всякій игралъ да назадъ бралъ! ворчали они, но Лавиновъ уже не слышалъ ихъ—онъ помогъ надѣть Василью Осиповичу его худенькое пальто и быстро вышелъ изъ трактира, веселый и довольный отысканіемъ отца своей дорогой невѣсты.

XXIV.

Свиданіе съ дочерью сильно потрясло Василья Осиповича, и онъ слегъ въ постель.

Лавиновъ хотѣлъ было немедленно-же заняться его дѣлами и провѣрить дѣянія полковницы по отношенію къ обобранному старику, и въ случаѣ надобности призвать на помощь правосудіе, но пока пришлось отложить это, чтобы не беспокоить больного волненіемъ, да и не могъ онъ принять необходимаго участія въ приведеніи своихъ дѣлъ въ порядокъ. Ему объявили, что дѣла его устроятъ: деньги вернуть, имѣнье, о которомъ онъ ничего не зналъ, приведутъ въ порядокъ, а пока занялись его лѣченіемъ, которое, подъ надзоромъ Лавинова и Ани, пошло очень успѣшно.

Василій Осиповичъ полюбилъ Лавинова съ первыхъ дней и съ радостію благословилъ дочь, видимо вполне счастливый устройствомъ ея, и свадьбу рѣшили сдѣлать немедленно-же.

Лавиновъ нашелъ недорогую, но очень хорошенькую и уютную квартиру, мило обставилъ ее, и Аня пришла въ восторгъ отъ своего будущаго жилища.

Лавинову пришлось занять денегъ у одного пріятеля, но это не смущало его, такъ какъ ему уже было обѣ-

щано очень хорошее мѣсто, да и уроки его шли великолѣпно; онъ сдѣлался моднымъ учителемъ музыки и, пожалуй, что этому способствовала его дуэль съ Баронекомъ, о которой секунданты послѣдняго не применили раззвонить по городу.

Многія дамы, знавшія, что Лавиновъ женится на той самой дѣвушкѣ, изъ-за которой стрѣлялся, просили непременно познакомить ихъ съ молодой женой, и любопытство видѣть ее, эту расхваленную красавицу, взяло верхъ надъ щепетильностью, которая не позволила-бы въ другое время принимать „Богъ знаетъ кого“.

Лавиновъ общалъ, но въ душѣ давалъ слово никуда не возить Аню „напоказъ“.

„Поживемъ съ ней, съ голубкой, до лѣта здѣсь, а лѣтомъ на Кавказъ уѣду, потомъ въ Крымъ, а коли дѣла позволятъ, за-границу махну, учиться тамъ буду, напишу оперу“, думалъ онъ и былъ неизъяснимо счастливъ, видя въ Анѣ подругу, способную дать полное блаженство человѣку, котораго она полюбитъ.

День свадьбы насталъ.

Скромно подъѣзжала къ маленькой церкви на Никитской наемная карета и нѣсколько извозчиковъ съ пріятелями Лавинова.

Аня, свѣжая, цвѣтущая счастіемъ и здоровьемъ, вышла изъ кареты, сопровождаемая старушкой дамой, женой знакомаго Лавинову профессора, и вошла въ церковь.

— Чрезъ нѣсколько минутъ ты моя передъ Богомъ и передъ людьми! шепнулъ ей Лавиновъ, встрѣчая ее и подводя къ приготовленному аналою.

— Я давно твоя, дорогой мой! отвѣтила ему Аня.

Торжественно стояли женихъ и невѣста предъ аналоемъ и по лицамъ ихъ было видно, что оба они усердно, усердно молились. Лавиновъ былъ всегда вѣрующимъ, но, по собственной молодымъ людямъ безопасности, рѣдко бывалъ въ церкви и врядъ-ли когда молился. Теперь онъ отдался молитвѣ весь. Безъ словъ, безъ поклоновъ, одними глазами и душой молился онъ, прося счастья „супругѣ“, прося ей долгой жизни...

„Я не могу говорить словъ молитвы, думалъ онъ, но я чувствую, что Богъ слышитъ меня и понимаетъ... О ней, о ней я молюсь... Я и о себѣ молюсь, но для нея-же, чтобъ ей было хорошо со мной... И вотъ тутъ предъ алтаремъ, въ эту минуту я клянусь любить ее и беречь... ее, мою дорогую подругу, данную мнѣ на всю жизнь... ее, мою *жену!*...“

Когда обрядъ вѣнчанія кончился, когда молодые приняли поздравленія отъ немногочисленныхъ друзей и выходили изъ церкви, Лавиновъ указалъ Анѣ на заходящее солнце, которое ярко, привѣтливо свѣтило имъ на встрѣчу и сказалъ:

— Пусть наша жизнь будетъ такъ ясна и тепла! Аня пожала ему руку.

Карета приѣхала къ домику Лавинова раньше приглашенныхъ гостей, и молодые вошли въ почти пустыя комнаты, только оффиціантъ приготавлилъ шампанское, да Василій Осиповичъ, съ иконою въ рукахъ, ожидалъ ихъ въ залѣ.

Аня вошла, приняла благословеніе отца и вдругъ обернулась къ мужу.

— Ты мой, мой! сказала она со слезами на глазахъ. Но стою-ли я тебя?, О, нѣтъ, нѣтъ!.. Прости-же, прости меня!..

И Аня, шумя вѣнчальнымъ платьемъ, опустилась передъ Лавиновымъ на колѣни.

Лавиновъ быстро шагнулъ къ Анѣ и поднять ее съ колѣней.

— О, полно, полно, дорогая моя! нѣжно проговорилъ онъ, цѣлуя молодую жену въ голову. — За что, за что просишь ты у меня прощенья?... За то, что ты любила другаго, тебя недостойнаго, подло бросившаго тебя?... Но развѣ это укоръ тебѣ, бѣдная дѣвочка?... О, нѣтъ!... Постарайся забыть прошлое и живи настоящимъ, — оно можетъ дать неизъяснимое счастье человѣку, который любить тебя больше жизни!...

Аня весело подняла глаза на Лавинова.

— Да?... Онъ любить свою Аню? И она, и она любить тебя, дорогой мой...

Поцѣлуи и сладкія рѣчи молодыхъ прервали подѣхавшіе гости.

Хлопнула пробка шампанскаго, и шаферъ Ани, молоденькій ученикъ консерваторіи, громко провозгласилъ тосты, сперва за молодыхъ, потомъ за отца невесты, за гостей, за отсутствующихъ родныхъ Лавинова.

Послѣ скромнаго обѣда, предложеннаго Лавиновымъ гостямъ, опять подали шампанское, и тосты снова были повторены.

— Налей, любезный, еще по бокалу! обратился къ официанту одинъ изъ друзей Лавинова, старый профессоръ, бывший его наставникъ и руководитель. — Я попрошу у васъ, господа, позволенія сказать два слова и разрѣшить мнѣ въ свою очередь предложить тостъ...

Лавиновъ безмолвно пожалъ профессору руку, а гости склонили головы въ знакъ согласія и одобренія.

— Ни одинъ пиръ не производитъ на меня такого отраднаго впечатлѣнія, какъ пиръ свадебный, началъ профессоръ. Когда я на брачномъ пиру поднимаю бокаль и пью за здоровье новобрачныхъ, я чувствую себя счастливымъ и пью тотъ бокаль отъ чистаго сердца, искренно, глубоко искренно желая счастья молодымъ и благословляя ихъ въ душѣ на новую жизнь, полную радостей, внутренне богатую, освѣщенную благими цѣлями и, поздравляя молодыхъ, поздравляю свое дорогое отечество съ двумя новыми полезными членами... Мнѣ приходилось иногда ошибаться и видѣть грустные результаты брака, но, во-первыхъ, это бывало рѣдко, а во вторыхъ, всегда при бракахъ или неравныхъ, или необдуманнхъ, построенныхъ на ложныхъ началахъ, когда бракъ совершается не для брака, а для достиженія побочныхъ цѣлей, и когда два человѣка, глубоко заблуждаясь, сходятся не по взаимному влеченію, а по расчету. Я глубоко убѣжденъ, что человѣкъ, дѣлаясь семьяниномъ, становится лучшимъ и, слѣдовательно, болѣе полезнымъ, и тѣ, которые говорятъ, что семья суживаетъ интересы и отнимаетъ человѣка отъ общественнаго дѣла—лгутъ. Семьянинъ, работая для семьи, работаетъ для общества; семьянинъ, любя семью, улучшается; семьянинъ болѣе прикрѣпленъ къ землѣ и, свивая свое гнѣздо, кладетъ лишній камень для того великаго зданія, которое зовутъ общественнымъ благомъ. Семьянинъ дѣлается мягче, добрѣе, обзаводясь семьей, и его сердце, согрѣтое лаской подруги и дѣтей, воспримчивѣе, нѣжнѣе и отзывчивѣе; наконецъ, семьянинъ выполняетъ призваніе человѣка, которому завѣщено „плодиться и размножаться“, чтобы „наслѣдовать

землю“. И я праздную, и я торжествую на брачном пиру!.. Позвольте-же мнѣ предложить тостъ за новобрачныхъ, здѣсь присутствующихъ, и за новобрачныхъ вообще, какъ за вступившихъ на новую дорогу, и пусть та дорога будетъ полна радостей и приведетъ къ желанной цѣли, когда человѣкъ на склонѣ лѣтъ, приближаясь къ могилѣ, скажетъ: „я выполнилъ свое призваніе и, честно работая для семьи, — работалъ и для общаго блага!“

Профессоръ поднялъ бокалъ, выпилъ его и бросилъ на полъ по старинному обычаю.

Гости шумно встали изъ-за стола, еще разъ поздравляя молодыхъ. За кофе поднялся споръ. Одинъ изъ гостей, товарищъ Лавинова по университету, возражалъ профессору, Лавиновъ возражалъ ему, двѣ дамы присоединились къ его противнику, и горячій споръ затянулся-бы надолго, но шаферъ жениха всталъ и объявилъ „засѣданіе закрытымъ“.

— Я, господа, по освященному старинной обычаю, председатель, распорядитель на сегодня и требую закрытія засѣданія... Пора оставить молодыхъ...

Гости согласились, и уже чрезъ пять минутъ никого не было постороннихъ въ уютной квартиркѣ Лавинова; ушелъ къ себѣ въ комнату и растроганный Василій Осиповичъ.

— И вотъ, ты моя на всю жизнь! сказалъ Лавиновъ, подходя къ женѣ и обнимая ее.

— Твоя, твоя! прошептала Аня, склоняясь ему на плечо головкой. Веди меня по новой дорогѣ, сдѣлай меня счастливой, а я отдамъ всю жизнь на служеніе тебѣ, дорогой мой другъ!...

XXV.

Василій Осиповичъ первые дни пребыванія въ домѣ зятя былъ положительно въ ненормальномъ состояніи и на его положеніе приходилось обратить очень серьезное вниманіе.

Старикъ такъ втянулся въ вино и игру, что отрѣшиться отъ того и другаго не могъ и, стѣсняясь опекою дочери и зятя, положительно страдалъ. Онъ очевидно старался переломить себя, но не выдерживалъ и почти каждый вечеръ напивался въ своей комнаткѣ украдкой, запирался тамъ на ключъ и, сильно возбужденный, взволнованный, садился къ столу и раскладывалъ карты, игралъ самъ съ собою, разговаривалъ, и часто Аня съ Лавиновымъ слышали, какъ онъ кричалъ: „Нѣтъ, теперь меня не проведешь! Теперь я самъ постигъ тайны игры и выиграю милліонное состояніе!.. Ключъ, ключъ надо было найти, и я нашелъ его!.. Вотъ сдаю... Я сдаю карты и знаю, у кого что пришло... Я навѣрняка играю теперь! Опять крапъ колоды - я его изучилъ, я постигъ все тайны игры!..

И старикъ ходилъ по комнатѣ, выпивалъ рюмку водки, подходилъ къ столу и глядѣлъ на карты, опять выпивалъ и засыпалъ уже передъ утромъ, бредя во снѣ игрой.

Иногда онъ приглашалъ къ себѣ бывшую сидѣлку Лавинова, полюбившую Аню и часто ее навѣщавшую, и усаживалъ ее играть въ банкъ.

— Да я не умѣю, Василій Осиповичъ, батюшка, отговаривалась та. Въ свои козыри, или дурачки давай-те, пожалуй...

— Я научу, научу васъ... Я васъ такимъ тайнамъ научу, что вы счастливица будете, вы состояніе выиграете!.. Но сперва я васъ обыграю, о, сильно обыграю!..

— Да у меня и денегъ-то нѣтъ!

— На мѣлокъ будемъ.

И Василий Осиповичъ радовался какъ ребенокъ, обыгрывая добрую старуху и записывая за ней сотни тысячъ рублей.

— За вами теперь, Марья Петровна, триста двадцать пять тысячъ, сто сорокъ восемь рублей, говоритъ онъ, прощаясь съ старухой.

— Ну, что-же дѣлать! Завтра, авось, отыграюсь...

— Э, нѣтъ, нѣтъ!.. Никогда не отыгрывайтесь, а то погибните окончательно! горячо говорилъ Василий Осиповичъ. Приходите такъ, просто играть, но объ отыгрышѣ и не думайте, сохрани васъ Богъ!

— Ну, ладно, ладно!

Старика радовалъ выигрышъ, и онъ такъ увлекался имъ, что одинъ разъ очень серьезно посовѣтовалъ Лавинову купить громадный каменный домъ напротивъ, который продавался съ аукціона.

— Да гдѣ-же я денегъ-то столько возьму, добрейшій вы мой? засмѣялся Лавиновъ. — Вѣдь домъ этотъ сто слишкомъ тысячъ стоитъ!

— А Марья-то Петровна мнѣ четыреста тысячъ должна. Я вамъ половину, пожалуй, подарю...

Лавиновъ невольно расхохотался, но сейчасъ-же ему сдѣлалось невыразимо жаль добраго старика, котораго еще такъ недавно онъ зналъ за толковаго хозяина, за расчетливаго человѣка, превосходно ведущаго отличное хозяйство.

„О, проклятые московскіе коршуны!“ думаль онъ. Вы чуть, чуть не заклевали нѣжную голубку, едва вырвалась она изъ вашихъ когтей, а этого добраго, честнаго старика вы раззорили и расклевали, въ мозгъ и сердце впились своими когтями и растерзали все, проклятые коршуны!...“

Но Лавиновъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые ограничиваются проклятіями и горячими монологами; онъ живо принялся за дѣло, далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, воротить старику хоть часть его состоянія и здоровья, и горячо принялся за дѣло.

По справкамъ оказалось, что тульское имѣнье Василья Осиповича было описано по претензіи вдовы полковника, Фелицаты Егоровны Тесовой, подавшей ко взысканію съ Василья Осиповича различныхъ векселей на сумму болѣе пятидесяти тысячъ рублей. Лавиновъ ужаснулся. Такъ нагло и страшно ограбить старика, у котораго кромѣ того исчезло неизвѣстно куда наличныхъ денегъ болѣе двадцати тысячъ, было ужъ положительно преступленіемъ.

Справившись въ коммерческомъ судѣ, Лавиновъ узналъ, что векселя были выданы большею частію ученому механику Коленковому и еврею Юлію Валеричъ, отъ которыхъ по передаточной надписи и перешли къ полковницѣ.

Надо было раскрыть происхожденіе этихъ векселей.

Василій Осиповичъ объяснилъ, что деньгами онъ бралъ очень немного у этихъ господъ и давалъ векселя обыкновенно на учетверенную сумму противъ взятыхъ денегъ, а иногда и болѣе, остальные-же векселя выдавались при игрѣ и подписывалъ ихъ Василій Оси-

повичъ не читая, такъ какъ находился въ это время въ сильно возбужденномъ состояніи.

Лавиновъ навелъ потомъ справки о пребываніи господина Коленкова, но узнать этого ему не удалось: баринъ этотъ скрылся неизвѣстно куда; за то молодой человѣкъ отыскалъ пятерыхъ „крестниковъ“ Коленкова, какъ они называли себя, обыгранные имъ до нитки. Эти господа, молодые дворянчики, отдавшіе недавно родовые надѣлы на выкупъ, были драгоценной находкой для Лавинова—они могли раскрыть правосудію всѣ очень многое и кромѣ того — выставить еще хоть десять свидѣтелей.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, Лавиновъ пріѣхалъ какъ-то домой въ самомъ отличномъ расположеніи духа.

— Ну, Аня, Богъ дастъ, мы твою милѣйшую тетушку посадимъ на скамью подсудимыхъ со всей ея свитой, а ограбленное у папы имѣнье вернемъ! весело сказаль онъ, цѣлуя жену. Я открылъ кое-что, и уже есть нить, за которую прокурорскій надзоръ можетъ взяться для распутыванія гнусной сѣти, опутавшей бѣднаго старика... Богъ милостивъ, мы вернемъ Василью Осиповичу и его достояніе, а съ нимъ и здоровье; я увѣренъ, что лишь только старикъ пріѣдетъ въ деревню и будетъ имѣть возможность взяться за излюбленное свое хозяйство, онъ живо поправится, не говоря уже о цѣлительномъ воздухѣ деревни, къ которому онъ такъ привыкъ...

— Спасибо, спасибо тебѣ, мой милый! съ чувствомъ благодарила Аня мужа. — Все я, гадкая, негодная, довела бѣднаго пану до этого, и теперь ты долженъ спасать его, мой дорогой...

— Ты-то тутъ при чемъ? Оба вы попали въ когти, и кто изъ васъ болѣе страдалъ—ты, или папа,—рѣшить мудрено!..

— Но изъ-за меня онъ поѣхалъ сюда, а потомъ я, какъ десятилѣтній ребенокъ, увлекаясь блестящими игрушками, мишурой и забыла его, бѣднаго!..

— Э, полно, милая! Ты тутъ ни при чемъ!.. Ну, да какъ-бы то ни было, а я спасу, кажется, имѣнье ваше и возвращу старика, говоря стариннымъ слогомъ, къ его пенатамъ, въ его родное гнѣздо, разоренное коршунами...

И Лавиновъ горячо принялся за дѣло. Онъ отыскалъ хорошаго адвоката, бывшаго своего пріятеля по университету, и дѣло было поставлено на законную почву.

Прежде всего, отъ имени Ани было подано прошеніе въ Тульскую дворянскую опеку о взятіи въ ея вѣдѣніе имѣнья, по причинѣ ненормальнаго состоянія Василія Осиповича, освидѣтельствованнаго Губернскимъ Правленіемъ. Опекуномъ надъ имѣніемъ былъ назначенъ Лавиновъ, которому было поручено опекой принять отъ полковницы отчетъ по ея управленію частью Аннинаго имѣнья, такъ какъ дѣвушка, вышедши замужъ, вышла и изъ подъ опеки тетки; Лавиновымъ-же, въ силу этихъ полномочій, было уже выдана полная довѣренность адвокату, и полковница попала въ двойные тиски: съ одной стороны ей пришлось давать отчетъ по опекѣ надъ имѣньемъ Ани, „опеканіе“ котораго производилось болѣе, чѣмъ безопасно и, въ то же время, дать отвѣтъ передъ правосудіемъ за всѣ продѣлки съ полупомѣшаннымъ старикомъ, векселя котораго были признаны „безденежными“, а дѣло передано судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ.

Полковница, узнавъ о выходѣ Ани за Лавинова и полномъ разрывѣ съ Баронекомъ, злорадно смѣялась надъ Аней и похвалялась заставить ее придти къ ней просить прощенья за самовольный уходъ.

— Я еще проучу эту дѣвченку! говорила она.— Убѣждала отъ меня, дрянъ этакая, и вещи унесла, теперь сама придетъ, въ ногахъ будетъ валяться, чтобъ не разлучали съ милымъ супругомъ и не сажали снова подъ арестъ... И поломаюсь-же я надъ ней, надъ дрянью! Досыта натѣшусь.

Полковница уже собиралась привести свои угрозы въ дѣйствіе; она еще въ то время и не подозрѣвала, какая гроза собирается надъ нею и ея сообщниками.

Но вдругъ, въ одинъ прекрасный день, всѣ эти замыслы разлетѣлись какъ дымъ и самоувѣренной гордости полковницы какъ ни бывало.

Только что Фелицата Егоровна сѣла кушать утренній чай, какъ къ ней безъ доклада влетѣлъ незабвенный Валеричъ.

На адъютантѣ полковницы лица не было, какъ говорятъ.

— Бѣда, Фелицата Егоровна, бѣда! заговорилъ онъ, бросаясь въ кресло безъ приглашенія, что съ нимъ никогда не бывало.

— Что такое?.. Угорѣлъ ты, что-ли, батюшка? что случилось? спросила полковница, широко раскрывая глаза.

— Векселя... Пичугина векселя признаны недѣйствительными, мошенническими... Пріятель Коленкова, Шмульцъ, арестованъ, а дѣло Пичугина передано судебному слѣдователю!.. Кромѣ того пришелъ

указъ объ истребованіи съ васъ отчета по управленію имѣньемъ Анны Пичугиной... Мы пропали, погибли!

„Юльчикъ“, какъ пойманный мышенокъ, опустилъ голову и весь съежившійся, какъ-то уморительно присѣвшій, былъ и смѣшенъ, и жалокъ.

Полковница опѣшила. Ударъ былъ совершенно неожиданнымъ, какъ ни была эта почтенная дама бойка, опытна въ подобныхъ дѣлахъ, но тутъ она растерялась.

Только-что хотѣла было она послать за своимъ знакомымъ адвокатомъ, какъ ей доложили о приѣздѣ Лавинова.

— Проси! приказала она и нервно поправила прическу передъ зеркаломъ.

Швейцаръ полковницы, еще такъ недавно получившій приказаніе не принимать „музыканта Лавинова“, наотрѣзъ отказалъ докладывать о немъ, но когда приѣхавшій съ Лавиновымъ адвокатъ, съ очень громкой и популярной фамиліей, назвалъ себя и сказалъ, что они приѣхали не въ гости, а по дѣлу, швейцаръ почтительно вытянулся и позвонилъ наверхъ, пропустивъ гостей на лѣстницу.

XXVI.

Полковница приняла Лавинова съ адвокатомъ очень любезно и разсыпалась въ любезностяхъ.

— Ахъ, месье Лавиновъ! сладко улынулась она навстрѣчу сухо поклонившагося гостя.

— Месье Лавиновъ!... Какъ я рада васъ видѣть и поздравить... Поздравляю, отъ души поздравляю!... Аня такая милая, добрая дѣвушка... Она огорчила

меня, обидѣла влюбленную въ нее тетку, но я прощаю ей, вполне прощаю, потому что любовь такая могучая вещь, а вѣдь она изъ-за любви къ вамъ оставила мой домъ, она все думала, что я противъ васъ, а я ничуть!... О, нѣтъ!... Я просто думала, что она еще молода, и отказала тогда вамъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, сударыня... началъ холодно Лавиновъ, но полковница его перебила.

— По дѣламъ?... О, какой вы дѣловой!... Успѣемъ, уважаемый меcье Лавиновъ, успѣемъ... Прошу въ гостинную...

Полковница съ привѣтливой улыбкой показала на дверь и пошла впередъ.

— Познакомьте меня, шепнулъ адвокатъ Лавинову. Она, кажется, хочетъ принять насъ какъ гостей...

Лавиновъ представилъ адвоката хозяйкѣ.

— Ахъ, очень рада, очень рада, меcье N! сладко залепетала полковница. — Я такъ всегда восхищаюсь вашими рѣчами въ судѣ, такъ восхищаюсь!... Если-бъ я была присяжнымъ, я-бы всегда и всѣхъ оправдывала при вашей защитѣ, потому что вы положительно гений!..

Адвокатъ только поклонился и толкнулъ сидѣвшаго съ нимъ рядомъ Лавинова.

Полковница позвонила и приказала вошедшему лакею подать кофе.

— Вы не откажетесь, господа?

„Господа“ переглянулись и что-то пробормотали.

— Я бы хотѣлъ, сударыня, опять началъ Лавиновъ, какъ можно скорѣе приступить къ цѣли моего посѣщенія.

— А ваше посѣщеніе лишь дѣловое? Вы не хотите

быть у меня какъ знакомый? кокетливо спросила полковница.

— Да-съ, только дѣловое.

— А!... Ну, какъ вамъ угодно...

— Я пріѣхалъ поговорить съ вами во-первыхъ, на счетъ векселей моего тестя, а во-вторыхъ, по дѣламъ опеки вашей надъ имѣніемъ моей жены, отчета по управленію которымъ вы не дали...

— Отдамъ, съ удовольствіемъ отдамъ и заплачу за всѣ убытки и потери! улыбнулась полковница. — Я вѣдь женщина, месье Лавиновъ, и совсѣмъ ужъ неопытна въ этихъ дѣлахъ!... Я взяла опеку и тамъ что-то произошло, какіе-то начеты, какія-то недоимки... Я за все заплачу и, повѣрьте мнѣ, не обижу Аню... Я вѣдь одинокая, вѣдь и мое все будетъ принадлежать Анѣ, она одна у меня наслѣдница!...

Адвокатъ съ трудомъ скрылъ улыбку, а Лавиновъ только бровями шевельнулъ: не то ему тоже смѣшно стало, не то гадко какъ-то.

— А векселя эти, продолжала полковница, исторія эта съ ними — единственно результатъ моей доброты и расположенія къ вашему милѣйшему тестю...

— Да? удивленно спросилъ Лавиновъ.

— Честью клянусь!... Видите, въ чемъ дѣло: Василій Осиповичъ, пристрастившись къ игрѣ, надавалъ кучу векселей различнымъ господамъ; господа эти приступили ко мнѣ, грозили подать ихъ ко взысканію, продать его имѣнье, и я купила векселя, выдала за нихъ рубль—за рубль...

— Да?

— Снова клянусь вамъ!

— Но въ числѣ векселей есть данные на ваше имя.

— Есть. Иногда старикъ бралъ деньги у меня, и я ему не отказывала, ссужала, а онъ, почти насильно, противъ моего желанія, давалъ мнѣ векселя...

— Они немного странны, эти векселя, вмѣшался адвокатъ. При дѣлѣ есть записная книга Василя Осиповича, веденная имъ до болѣзни весьма аккуратно, и въ этой книгѣ есть записи такого рода: „такого-то числа взято денегъ у Тесовой сто рублей“, а вексель, данный на ваше имя того числа, на сумму въ триста рублей, и это не единичный случай — всѣ записи на приходъ въ день выдачи векселей менѣе суммы этихъ векселей, такъ что это... извините, я говорю какъ юристъ... это наводитъ на мысль, что векселя выдавались на сумму болѣе взятой...

— Очень можетъ быть, сказала полковница.

— Это почему-же?

— А потому, что я, повторяю вамъ, не глядѣла эти векселя и брала ихъ противъ желанія, а Василій Осиповичъ, быть можетъ, желая задобрить меня, давалъ векселя на большую взятой суммы цифру...

— Однако всѣ они были поданы ко взысканію.

— О, мой Богъ! воскликнула полковница. Такъ неужели вы думаете, что я бы получила за нихъ деньги? Да никогда!... Я только хотѣла, чтобъ нашли Василя Осиповича, и желала получить тѣ деньги, которыя я ему давала, такъ какъ сильно нуждалась въ нихъ...

— Но, сударыня, началъ было адвокатъ. Но Лавиновъ перебилъ его:

-- Позвольте... Если вы, сударыня, такъ великодушны и такъ объясняете дѣло, то конечно согласи-

тесъ на предложенныя нами условія, и дѣло обойдется безъ всякаго суда...

— О, конечно! О, съ радостью!

— Отлично... Вы возьмете вашъ искъ обратно, опись съ имѣнья снимутъ, а вамъ будетъ заплачено все то, что вы дали Василию Осиповичу въ руки и заплатили по его векселямъ... Сумма послѣднихъ должна быть опредѣлена по соглашенію, а не по цифрѣ, составляющей сумму векселей, такъ какъ многіе изъ нихъ бронзовые...

— Я согласна!

— И отлично!.. Завтра нашъ повѣренный пріѣдетъ къ вамъ для переговоровъ въ окончательной формѣ, а пока позвольте пожелать вамъ всего лучшаго...

Гости встали.

— А кофе, господа?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не хочу...

— Мерси, я тоже.

И Лавиновъ, и адвокатъ церемонно поклонились и вышли.

— Испугалась также баба суда-то, видно, много на рыльцѣ пушку! засмѣялся адвокатъ, усаживаясь въ сани.

— Да... Но какая хитрая бестія!.. Много еще нагрѣшить она...

— Не придется, голубчикъ: ей суда никоимъ образомъ не миновать, много у ней выплыло продѣлокъ, и „мѣста не столь отдаленныя“ ожидаютъ ее навѣрняка; ну, а тамъ некого будетъ почти обдѣлывать... А что, не позавтракать-ли намъ и не выпить-ли за успѣхъ въ „Эрмитажѣ“?..

— Съ охотой! согласился Лавиновъ.

„Соглашеніе“ состоялось, какъ нельзя лучше.

Имѣнье было освобождено отъ описи, а оброки и доходы съ западѣльной земли, которые были арестованы, возвращены Василию Осиповичу; изъ нихъ часть была уплачена полковницѣ, но весьма небольшая, такъ какъ по опека Анинымъ имѣніемъ накопилось много недоимокъ и опущеній, и полковницѣ пришлось за все это расквитаться.

И Лавиновъ, и Аня отъ души простили полковницѣ все, и когда они, счастливые, довольные, собрались ѣхать въ отвоєванную у злаго непріятеля деревню и узнали, что полковница все-таки отдана подъ судъ— пожалѣли ее.

Но и она, и самая Москва были забыты, когда „молодые“ съ отцемъ пріѣхали на желѣзную дорогу, и она должна была увести ихъ въ мирную Сосновку, о которой Аня и Василий Осиповичъ сильно стосковались.

И вотъ они пріѣхали.

Прошлое осталось тамъ, гдѣ-то далеко, далеко, а мирная тихая деревня открыла объятія для усталыхъ отъ житейскихъ волненій путниковъ и радушно приняла ихъ.

Лавиновъ, видя какъ обитатели Сосновки, простые, радушные, симпатичные, радостно встрѣтили своихъ „господъ“, а деревенскій староста даже со слезами бросился обнимать старичка Пичугина, — весело улыбнулся и сказалъ Анѣ: „Богъ съ ней, съ музыкой моей“! Геніемъ я не буду, а рядовыхъ музыкантовъ и безъ меня много—останусь-ка я въ деревнѣ, къ землѣ прикрѣплюсь и буду тутъ „въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ“

свой!.. Хорошо тутъ, голубка Аня, особливо съ подругой-то!.. Вотъ какъ привѣтливо свѣтитъ намъ мартовское солнышко!.. Улыбается...“

А готовящаяся къ скорому пробужденію природа дѣйствительно словно улыбалась на встрѣчу прибывшихъ и манила ихъ: „хорошо-де у меня, подальше отъ вашей цивилизаціи!..“

XXVII.

Я кончилъ свой разсказъ.

— Добродѣтель восторжествовала, порокъ наказанъ, все, какъ слѣдуетъ по извѣстному шаблону! скажетъ быть можетъ иной, но тутъ я не руководствовался шаблономъ, а рассказывалъ, какъ все произошло, „не оправдывая виновнаго и не осуждая невиннаго“, и не искажая истины для полноты или художественности разсказа.

Всѣ эти люди прошли передо мною, и я записалъ ихъ похождения, а что разсказъ прошелъ съ шаблоннымъ финаломъ — вините судьбу; она, хоть не часто, устраиваетъ такіе финалы, и спасибо ей за это.

Теперь два слова о прочихъ герояхъ моей исторіи.

Баронекъ послѣ неудачнаго похищенія Ани изъ маскарада закутилъ такъ, что друзья его серьезно стали опасаться за его жизнь.

День и ночь пилъ Баронекъ и проводилъ время въ дикихъ оргіяхъ, не давая себѣ времени обдумать о томъ, что онъ дѣлаетъ и чѣмъ все это можетъ кончиться.

Одинъ разъ, во время разгульной попойки въ охотничьемъ домикѣ, Баронекъ получилъ извѣстіе отъ прѣхавшаго изъ Москвы пріятеля, что Аня вышла за Лавинова.

— Ъдемъ отнимать ее у этого проклятаго музыканта! вдругъ крикнулъ Баронекъ. — Кто со мной хочетъ ѣхать? Кто мнѣ другъ?

Вышли неизмѣнный цыганъ Васька и еще одинъ преданный Баронеку пріятель, какой-то сорви-голова изъ разжалованныхъ въ солдаты.

Пріятели стали уговаривать Баронека, прикрикнули на поощряющихъ его безумной затѣѣ цыгана и разжалованнаго, но Баронекъ и слушать не хотѣлъ.

— Тройку, живо тройку! кричалъ онъ. Тройку и моихъ охотниковъ!

— Да не пускать его силой, вотъ и весь разговоръ, а то вѣдь онъ такихъ штукъ надѣлаетъ, что и въ каторгу угодить! сказалъ одинъ изъ гостей.

Всѣ согласились.

— Что-о? поднялся Баронекъ. — Меня не пускать? Меня?

Глаза его дико сверкали какимъ-то безумнымъ огнемъ, лицо налилось кровью, Онъ пилъ, не выходя изъ-за стола, цѣлыя сутки.

— Прочь, вы всѣ, трусы и подлецы! бѣшено крикнулъ онъ. Кто осмѣлится не только дотронуться до меня, а еще хоть слово скажетъ — я убью!... Вотъ это вы видѣли?

Въ рукахъ Баронека сверкнулъ револьверъ.

— Эй Васька, тройку!... Да если-бы весь свѣтъ пошелъ противъ меня, я-бы и то увезъ ее... Аню

мою!.. Какъ она любила меня, какъ она умѣетъ любить!.. Вы всѣ здѣсь сидящіе, понимаете-ли вы, какая она женщина?.. Вѣдь вы куколъ знаете, гадкихъ размалеванныхъ куколъ, то глупыхъ и пошлыхъ, то продажныхъ и грязныхъ, а она... Охъ, Аня, Аня, какъ я люблю тебя!..

Баронекъ упалъ головой на столъ.

— Ты любишь ее? Очень любишь? спросилъ пріятель Баронека, артиллерійскій офицеръ Вальцевъ, подходя къ Баронеку.

— Больше жизни, больше всего! сказалъ Баронекъ, не поднимая головы.

— И ты хочешь такъ жестоко погубить ее! Оскандалить, убить горемъ, лишить мужа?.. Баронекъ, я не узнаю тебя!.. Если-бъ я любилъ — я бы самъ умеръ, но любимую-бы женщину не тронулъ, не огорчилъ-бы ее... Нѣтъ, Конрадъ, ты въ ненормальномъ состояніи и я не дамъ тебѣ сдѣлать безумный поступокъ!.. Ты можешь меня убить, но пока я живъ, я не допущу тебя... Эй, кто тамъ? Скажите, чтобъ не закладывали лошадей!

Баронекъ поднялъ голову и протянулъ офицеру руку.

— Да, ты правъ, сказалъ онъ. — Спасибо, Вальцевъ, спасибо...

Баронекъ всталъ.

— „Я-бы самъ умеръ“ сказалъ ты, продолжалъ онъ, — и ты правъ: умереть нужно!..

Гости встрепенулись. У пьяныхъ и хмѣль изъ головы выскочилъ: Баронекъ приставилъ револьверъ къ виску.

— Оставьте!.. Бога ради, оставьте!.. Держите его!.. Возьмите револьверъ! раздались взволнованные голоса.

Вальцевъ сильно толкнулъ Баронека подъ локоть, и въ эту самую секунду раздался выстрѣлъ.

По мертвенно-блѣдному лицу Баронека заструилась кровь. Онъ пошатнулся, схватился за столъ и опустился, точно сядя на полъ.

Всѣ бросились къ нему, толкая другъ друга, крича, въ безпорядкѣ толкаясь и не зная, за что схватиться...

— Убить?.. Умеръ?.. Попалъ? посыпались вопросы.

— Живъ! крикнулъ Вальцевъ, поднимая Баронека съ полу подъ руки.

— Пуля только скользнула по головѣ... Въ стѣну ударилась... Дайте воды и что-нибудь перевязать... салфетку, полотенце... Скорѣй, Бога ради, кровь такъ и льетъ...

— Тройка, Конрадъ Конрадовичъ, готова! шумно влетѣлъ цыганъ и отшатнулся назадъ, широко раскрывъ глаза.

— Садись и скачи за докторомъ, холодно обратился къ нему Вальцевъ. Баринъ ранилъ себя изъ револьвера... Живо!

Цыганъ постоялъ секунду и со всѣхъ ногъ бросился изъ комнаты.

Пріятели подняли Баронека на руки и понесли на кровать.

Онъ не умеръ, рана была совершенно не опасна, благодаря Вальцеву, но лѣчить ее нужно было хорошо, да и кутежи разстроили здоровье Баронека.

Доктора послали его за-границу.

Теперь о „Юльчикѣ“, о господинѣ Коленкоровѣ,

объ Иринѣ Ивановнѣ, о бѣдной Вѣрочкѣ и пріютившей ее „хозяйкѣ“.

„Юльчикъ“ попалъ подѣ судѣ вмѣстѣ съ полковницей и, не имѣя возможности внести по примѣру ея залогъ, на самой масляницѣ былъ посаженъ подѣ арестъ, горько плакалъ и проклиналъ жажду къ наживѣ, воспитанную въ немъ папенькой, чистокровнымъ жидомъ изъ Шклова. Коленкоровъ гдѣ-то исчезъ, и правосудіе не могло его отыскать и покарать, какъ оно покарало хозяйку знаменитой „бѣлой харчевни“, раззоривъ ее гнѣздо и прибравъ самое въ надежное мѣстечко.

Ирина Ивановна жива до сего дня и очень успѣшно занимается торговлей и знакомитъ молодыхъ барышень съ молодыми и немолодыми кавалерами.

Вѣрочка...

Но о ней поподробнѣе.

Веселое житѣе хозяйки „бѣлой харчевни“ недолго правилось легкомысленной дѣвушкѣ.

На пятый или на четвертый день эмансипированный и цивилизованный прикащикъ побилъ ее, а когда она пожаловалась хозяйкѣ, то та очень основательно сказала ей, что при веселомъ житѣѣ не лишнее испытать и небольшую непріятность, опять-же, по пословицѣ: „милаго побои недолго болятъ“.

Дѣвушка не согласилась больше испытывать побоевъ милаго и рѣшительно заявила, что она больше жить тутъ не хочетъ, и если ее удержатъ, то она что-нибудь надѣ собой сдѣлаетъ.

— Иди, матушка, иди на всѣ стороны! сказала хозяйка и, когда наступила ночь, одѣла дѣвушку въ

ея маскарадный костюмъ, дала ей какую-то шубенку взамѣнъ ея собственной, кѣмъ-то похищенной, и увезла въ Москву, покатавъ „для отвода отъ дороги“ по окрестностямъ.

Дѣвушка рѣшилась идти къ матери.

Изумленно и гнѣвно встрѣтила ее поселившаяся у нихъ въ домѣ тетка для замѣны заболѣвшей съ горя матери.

Сперва радость при свиданіи съ роднымъ домомъ, потомъ жестокая „наука“ держали Вѣрочку около больной матери и грозной тетки, но недолго: дѣвушка опять ушла и погибла въ омутѣ столичной жизни.

Изъ-за золота и счастія.

Въ одномъ изъ переулочковъ, неподалеку отъ Калужской улицы, въ Москвѣ бѣлокаменной стоитъ домъ молодого купца Степана Егоровича Ковалева; домъ этотъ за-ново отдѣланъ, украшенъ вычурными фигурами, лѣпной работы и такъ празднично, такъ нарядно выглядываетъ на свѣтъ Божій, что какъ-то невольно думается, глядя на этотъ домъ: хорошо живетъ, должно быть, его владѣльцу! И, въ самомъ домѣ, живетъ Степану Егоровичу хорошо.

Недавно умершій родитель оставилъ ему солидный капиталъ, этотъ домъ и широко заведенное торговое дѣло, дѣло, къ которому Степанъ Егоровичъ былъ приуроченъ съ дѣтства, и которое идетъ отлично, принося барышъ, приводящій въ зависть всѣхъ товарищей по торговлѣ. Самъ Степанъ Егоровичъ молодъ, здоровъ, молодецъ собой и, не смотря на свои двадцать пять лѣтъ, свободенъ, какъ птица, и вполне самостоятеленъ, что нисколько не мѣшаетъ ему пользоваться репутаціей степеннаго молодого человѣка, преданнаго дѣлу и вовсе ужъ не злоупотребляющаго этой свободой. Ко всему этому Степанъ Егоровичъ помолвленъ съ дочерью богатаго и очень почтеннаго купца Петра Прохоровича Фарфорова, крупнаго торговца хлѣбнымъ товаромъ, и

съ дочерью единственной, считающейся притомъ чуть-ли не первой красавицей среди московскаго купечества.

Многіе завидуютъ Степану Егоровичу и только руками разводять, „какъ-де это такое счастье и все одному человѣку привалило!...“

Но счастье—вещь крайне обманчивая, и иногда достаточно самой незначительной случайности, чтобы оно разлетѣлось, какъ дымъ, и оставило по себѣ лишь одно воспоминаніе.

Если не всего счастья, то очень значительной доли его Степанъ Егоровичъ лишился въ одинъ отвратительный октябрьскій вечеръ.

Вечеръ этотъ былъ, дѣйствительно, отвратителенъ.

Дождь, слякоть, гнилой туманъ надъ всѣмъ, затонувшимъ въ грязи, городомъ и пронзительный холодный вѣтеръ свирѣпствовали въ этотъ вечеръ и только въ такихъ комнатахъ, какъ у Степана Егоровича, можно было забыть непогоду и не ежиться отъ холода и напитаннаго сыростью воздуха.

Степанъ Егоровичъ и не ежился. Въ уютной, свѣтлой и теплой комнатѣ своего богатаго дома стоялъ онъ передъ зеркаломъ и повязывалъ бѣлый галстукъ, любуясь на свою красивую фیزیомію, на закрученные усы, на причесанную лучшимъ парикмахеромъ голову.

Онъ собирался ѣхать къ невѣстѣ на дѣвишникъ.

Развалившись на обитомъ бархатомъ диванѣ, сидѣлъ тутъ-же его пріятель и будущій шаферъ, Вася Палочкинъ, хорошенькій юноша и богатый купеческій сынъ, баловень всѣхъ замоскворецкихъ барышень...

Вася попыхивалъ дорогой душистой сигарой и весело болталъ съ счастливымъ женихомъ.

— Да, досталась тебѣ пышечка, нечего сказать! говорилъ онъ. То есть этакой, братецъ ты мой, находки, этакихъ глазокъ, фигурки этакой и не найдешь другой! А ласкова какъ, мила-то какъ, Господи!... Нѣтъ, Степа, крѣпко, видно, твои родители молятся за тебя на томъ свѣтѣ, коли тебѣ такая невѣста досталась!... На дняхъ съ матерью она ѣхала куда-то, а я новаго жеребца объѣзжалъ и встрѣтилъ ихъ у Серпуховскихъ воротъ, Боже мой, что за чудо!.. Щеки это зарумянило ей, глазки такъ и горять, такъ и искрятся, да бархатной шубкой такъ закуталась, соболей воротникъ приложила къ щекѣ-то, такъ я и обмеръ! Вотъ, думаю, кому достанется этакій бутончикъ, а она моему Степкѣ досталась! Ну, счастье тебѣ, Степанъ Егоровичъ!

Ковалевъ улыбнулся.

— Да, и хороша, и умна, и богата, — завидная невѣста! проговорилъ онъ и вздохнулъ. А все-же, Вася, за счастье не поручишься! Съ красавицей-то женой, люди говорятъ, отъ бѣды на одинъ шагъ, потому на красавицу каждый зарится, каждый ее съ пути-дороги сбить хочетъ, и нужно, ой-ой, какъ крѣпкой ей быть, что-бъ устоять!...

— Ну, она, кажись, не изъ такихъ!...

Ковалевъ пожалъ плечами.

— Кто знаетъ! проговорилъ онъ. На дняхъ я сидѣлъ у ней, и она мнѣ показывала свои вещи, коробочки тамъ разныя, бездѣлушки, альбомчики; беру я альбомчикъ одинъ, а она таково порывисто вырвала у меня его и одну карточку спрятала; я говорю: „кого, молъ, это вы спрятали, Надежда Петровна?“ А она

покраснѣла этакъ и говорить: „такъ, говорить, по-другу одну, не хорошо, говорить, вышла“, а я очень хорошо замѣтилъ, что мужчина на карточкѣ, однако, промолчалъ; потомъ беру я книжку этакую небольшую, такъ, стихи въ ней разные написаны; пересматриваю я эти стихи и вижу, что много ихъ одной рукой написано, красиво такъ, и стихи все любовные этакіе, чувствительные, тутъ-же и ея рукой много стиховъ написано, пишетъ она таково красиво, мелко, я и спрашиваю: „кто-де вотъ эти-то стихи писалъ?“ Опять она покраснѣла и глаза опустила, а глаза затуманились этакъ у ней: „это, говорить, конторщикъ одинъ у насъ жилъ, онъ писалъ; я, говорить, люблю стихи, такъ и просила его переписать изъ книжекъ, да изъ газетъ“... Вѣдь точно это и не очень ладно, Вася! А, какъ думаешь?

— Пустое! махнулъ рукой Вася. — Такъ, забава дѣвчья; это, братъ, у каждой барышни есть манера влюбиться въ кого-нибудь, а какъ замужъ вышла — такъ и аминь, и прощай все!

— Хорошо, какъ-бы такъ, а все какъ-то свербить на сердцѣ-то! проговорилъ Степанъ Егоровичъ и сталъ надѣвать фракъ.

Въ комнату вошелъ одинъ изъ прикащиковъ.

— Степанъ Егоровичъ, тамъ отъ Фарфоровыхъ прикащикъ пришелъ, васъ желаетъ видѣть, доложилъ онъ.

— Который это прикащикъ? спросилъ Ковалевъ.

— Лука Ѳедорычъ Обмолвинъ-съ.

— А, это за старшаго у нихъ... Зови его сюда.

Ковалевъ подошелъ къ письменному столу и досталъ изъ него двадцатигяти рублевую бумажку.

— Поздравить, видно, пришелъ, проговорилъ онъ. — Парень ловкій, надо ему четвертную подарить...

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ, невысокаго роста, коренастый человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, одѣтый въ длиннополый сюртукъ и въ высокіе сапоги съ бураками. Это былъ крайне невзрачный блондинъ, почти съ рыжими волосами и бородкой клиномъ; почтительное выраженіе на лицѣ и согнутый, точно кланяющійся, станъ давали возможность предполагать, что это типъ обыкновеннаго прикащика, всю жизнь дѣлающаго чужое дѣло, всю жизнь загнаннаго и забитаго труженика-бѣдняка, но твердые, проницательные глаза, поминутно загорающіеся живымъ огонькомъ, сильно выдававшаяся нижняя челюсть, — признакъ непреклонной воли, — и то появляющаяся, то исчезающая насмѣшливая улыбка на тонкихъ, плотно сжатыхъ губахъ — показывали, что человѣкъ этотъ не дастъ себя въ обиду, и если согнетъ шею, то по собственной лишь волѣ.

Почтительно поклонившись жениху и заложивъ руки назадъ, Обмолвинъ вызвалъ на свое лицо добродушную, нѣсколько грустную и вполнѣ почтительную улыбку.

— Имѣю честь кланяться, Степанъ Егоровичъ, какъ вы въ своемъ здоровьѣ находитесь? проговорилъ онъ мягкимъ голосомъ и тоже почтительно поклонился Васѣ.

— Спасибо, Лука Ѳеодорычъ, какъ ты поживаешь? весело отвѣтилъ Ковалевъ и пошуршалъ въ карманѣ бумажкой.

— По маленьку-съ, Степанъ Егоровичъ, по маленьку; наше дѣло маленькое-съ... Обмолвинъ переступилъ съ ноги на ногу и покосился на Васю.

— Что-же ты меня не поздравилъ, Лука Ѳеодорычъ?

улыбнулся Ковалевъ. — Вѣдь я женихомъ, братъ, зачисленъ!

— Извините-съ... Великодушно извините — запаматоваль-съ, потому съ другимъ намѣреніемъ шелъ къ вамъ-съ... Впрочемъ, имѣю честь поздравить съ заporученной невѣстой...

По губамъ Обмолвина скользнула ядовитая, насмѣшливая улыбка, но онъ скрылъ ее низкимъ поклономъ.

— Благодарю, Лука Ѳедоровичъ, на свадьбу милости просимъ, а это вотъ отъ меня на чаекъ...

Ковалевъ подаль Лукѣ Ѳедоровичу бумажку.

— Благодаренъ, чувствительно благодаренъ-съ... Напрасно, ей-Богу, напрасно! не принимая бумажки, отодвинулся Обмолвинъ.

— Бери, бери!... Отъ подарковъ не отказываются, братъ, насильно всовывая въ руку Луки Ѳедоровича бумажку, сказалъ Ковалевъ.

— Ну, повинуюсь, беру-съ... Чѣмъ-нибудь заслужить постараюсь...

Обмолвинъ опять покосился на Васю.

— Я пришелъ къ вамъ, Степанъ Егоровичъ, по дѣльцу-съ, кое-что передать вамъ желаю-съ, проговорилъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Говори, Лука Ѳедоровичъ, говори, я, хоть мнѣ и не очень досугъ, выслушаю тебя, сказалъ Ковалевъ, усаживаясь въ кресло и показывая на другое Обмолвину.

— По секрету желательно поговорить, Степанъ Егоровичъ, одинъ на одинъ-съ, улыбнулся Обмолвинъ.

— По секрету?... Это вѣдь мой другъ, шаферъ будущій, при немъ можно, кивнулъ головой на Васю Ковалевъ.

— Желательно одинъ на одинъ-съ...

— Ну, ладно... Вася, оставь насъ, голубчикъ, на минутку посекретничать, обратился Ковалевъ къ Васѣ.

— Секретничайте, только не долго, а то ѣхать пора, времени-то вѣдь много, проговорилъ Вася и, насвистывая веселый мотивъ, вышелъ изъ комнаты.

Лука Федоровичъ, по уходѣ Васи, присѣлъ на кресло, оглянулся на притворенную молодымъ человѣкомъ дверь и кашлянулъ въ руку.

— Дѣло мое, Степанъ Егоровичъ, большое, серьезное и, по правдѣ-то вамъ сказать, трудненько мнѣ начинать говорить о немъ! произнесъ Обмолвинъ, потупивъ глаза.

— Ничего, говори, Лука Федорычъ... Началь, — такъ ужъ нужно кончать, закуривая сигару, — сказала Ковалевъ, съ любопытствомъ взглянувъ на Обмолвина.

— Это вѣрно-съ...

Обмолвинъ опять кашлянулъ въ руку и, погладивъ бородку, посмотрѣлъ въ глаза молодого жениха.

— Вотъ вы радостны теперь, веселы, Степанъ Егоровичъ, началъ онъ, — а я однимъ словомъ могу васъ лишить радости этой, огорченіе вамъ нанести...

— Что такое? съ беспокойствомъ спросилъ Ковалевъ. Можетъ, Надежда Петровна больна?

— Нѣтъ-съ, онѣ здоровы... Не про тѣлесную болѣзнь ихнюю говорить я вамъ буду, а про... Про поведеніе ихнее пришелъ я сказать вамъ, батюшка Степанъ Егоровичъ...

Ковалевъ всталъ.

— Про поведеніе?... Что-же ты можешь сказать про поведеніе моей невѣсты? проговорилъ онъ, мѣняясь въ лицѣ.

— А вы не волнуйтесь, Степанъ Егоровичъ, успокойтесь, батюшка, и выслушайте меня терпѣливо, коли по душѣ вамъ мои слова будутъ — радъ буду, а коли нѣтъ — прикажите меня по шеѣ проводить отсюда, съ лѣстницы спихнуть! заговорилъ Обмолвинъ, усаживая Степана Егоровича въ кресло. А только я выскажу вамъ, все выскажу; потому выскажу, что покойный родитель вашъ, Егоръ Ивановичъ, благодѣтелемъ для меня былъ, и я для сына его обязанъ себя не щадить, а сдѣлать все, что могу...

— Что-же такое ты знаешь? говори ужъ скорѣй, не томи! нѣтерпѣливо проговорилъ Ковалевъ, усиленно затягиваясь сигарой.

— Скажу, все скажу!...

Обмолвинъ придвинулъ свое кресло поближе и, понизивъ голосъ, проговорилъ:

— Невѣста ваша запорученная, Надежда Петровна Фарфорова, не стоитъ васъ, не вамъ на ней жениться и не вамъ ея позоръ покрывать... Она, — прямо ужъ буду говорить, — въ любовницахъ у нашего конторщика Ваньки Золотилова состояла, да, кажись, и теперь состоятъ!...

Ковалевъ вскочилъ съ мѣста, какъ ужаленный.

— Что-о?... Ты подумалъ-ли, что ты говоришь-то тутъ? возвысилъ онъ голосъ. За честь невѣсты своей я тебя...

— Эхъ, погодите, Степанъ Егоровичъ! перебилъ Обмолвинъ. Ужъ коли я пришелъ говорить вамъ эти рѣчи, такъ, стало-быть, не зря... Вы дослушайте меня, а когда я кончу — тогда и гнѣвайтесь, тогда и прикажите меня, гостя непрошеннаго, молодцамъ своимъ со

двора метлой прогнать... Присядьте, батюшка, дослушайте...

Ковалевъ швырнулъ сигару и сѣлъ на кресло.

— Ну, говори... Правду скажешь — наградить не пожалѣю, а коли солжешь — не прогнѣвайся!...

— Не награда мнѣ ваша нужна, а изъ-за памяти къ родителю вашему хочу освободить васъ, Степанъ Егоровичъ... Выслушайте-же меня... Какъ это только узналъ я, что вы объявлены женихомъ дочери нашего хозяина, такъ я и руками развелъ! „Вотъ,“ думаю, „какого человѣка погубить захотѣли, какого жениха своей доченькѣ распутной нашли — Степана Егоровича Ковалева!“... „Да за него“, думаю, „первую невѣсту отдадутъ съ руками и ногами, а не такую, которая съ конторщикомъ въ любви состоитъ, да ребенка имѣетъ“....

— Ребенка? спросилъ Ковалевъ, блѣднѣя.

— Да-съ, ребенка.... Загрустилъ я это и думаю себѣ: какъ-бы это вызволить Степана Егоровича?... Идти, да сказать ему—не повѣрять, только себя погубишь, а дѣло не сдѣлаешь; и сталъ я за конторщикомъ нашимъ слѣдить, въ дружбу къ нему вошелъ; „дай“, думаю, „какое-нибудь доказательство отъ него получу“, а самъ-то я давно про ихнія шуры-муры зналъ, неоднократно въ саду ночью заставлялъ и не говорилъ хозяину потому лишь, что знаю, — бѣда будетъ, убьетъ онъ Надежду; „пустъ-же“, думаю, „не черезъ меня это узнается“.... Хорошо-съ. Прихожу я вчера къ Ванькѣ, а онъ пьяный сидитъ передъ печкой и какія-то бумаги жжетъ. Что это, говорю, Ваня, ты дѣлаешь? „Письмо, говоритъ, это одной дѣвицы, кото-

рая любила меня, а теперь замужъ идетъ“. — Кто-же, говорю, эта дѣвица? „А это, говоритъ, мой секретъ; вотъ, говоритъ, какъ на свадьбѣ ея я скандалъ сдѣлаю — такъ узнаете“, а самъ кидаетъ письма, да кидаетъ; я осторожненько взялъ одно письмо, — упало оно на полъ, — да и припряталъ... Вотъ это письмецо, взгляните на него-съ...

Обмолвинъ досталъ изъ боковаго кармана листокъ голубой почтовой бумажки.

— Знаете руку Надежды Петровны? спросилъ онъ, заворачивая письмо.

— Знаю, глухо произнесъ Ковалевъ и торопливо взялъ письмо. Лицо за минуту счастливаго жениха было блѣдно, искажено злобой, страданіемъ; онъ трясущимися руками взялъ голубой листикъ и сталъ читать.

„Ваня, мой милый Ваня!“, стояло въ этомъ письмѣ. „Да, я люблю тебя, но что изъ этого можетъ выйти? Видно, счастье дано не каждому человѣку, и намъ не знать его!... Каждый долженъ покоряться своей судьбѣ и идти по дорогѣ, которую назначилъ Богъ.... Иди, Ваня, отсюда и забудь навсегда любящую тебя Надю. Я никогда, никогда не забуду тебя, дорогой мой, но идти противъ назначенной мнѣ судьбы не могу.... Прощай, Ваня, молись за свою бѣдную Надю“....

— Нѣжно написано? усмѣхнулся Обмолвинъ. Не даромъ въ панціонѣ обучалась, научилась писать...

Ковалевъ смялъ письмо и бросилъ на полъ.

— А, вотъ какъ!...

Онъ прошелся по комнатѣ, ероша расчесанные и напomaженные волосы.

— Приди ко мнѣ послѣ, Лука, я награжу тебя, а теперь иди ты къ хозяевамъ своимъ и скажи имъ....

Обмолвинъ всталъ и сдѣлалъ жестъ рукой.

— Э, нѣтъ, Степанъ Егоровичъ!... Хозяева не должны знать, что я былъ у васъ! Вы меня за мою услугу не губите, Степанъ Егоровичъ, и Господа Бога ради никому и никогда не говорите, что вы узнали все это черезъ меня!... Только объ этомъ и прошу васъ, а награды мнѣ никакой не нужно, потому я родителемъ вашимъ облагодѣтельствованъ былъ неоднократно.

Ковалевъ продолжалъ ходить.

— Хорошо, я не скажу.... Я, просто, не поѣду къ нимъ, не отвѣчу на приглашеніе и не приму, если Фарфоровъ пріѣдетъ самъ, пусть что хотятъ, то и думаютъ!...

— Позвольте мнѣ вамъ совѣтъ дать, Степанъ Егоровичъ.... Извините, а я полагаю, что по другому лучше сдѣлать будетъ, сказалъ Обмолвинъ.

— Какъ-же именно? мрачно спросилъ Ковалевъ.

— А вотъ какъ-съ: пошлите вы шафера вашего къ нимъ и прикажите ему сказать, что-де Степанъ Егоровичъ приказалъ благодарить за честь, да только имѣть вашу дочь своей женой не желаетъ, а причина-де вамъ въ этой записочкѣ обозначена, да письмецо-то это и пошлите... Потому такъ сдѣлайте, что они васъ оконфузятъ, опозорятъ хотѣли!.... Диви-бы одна Надежда виновна была, а то вѣдь и мать ея знала обо всемъ, да, можетъ, и самъ-то зналъ... Такъ-бы я и сдѣлалъ за низкое намѣреніе ихнее, за подлость ихнюю!...

Ковалевъ задумчиво постоялъ на мѣстѣ.

— Да, такъ я и сдѣлаю! проговорилъ онъ. Пусть-же не позорятъ честныхъ людей, не покрываютъ позора

незапятнаннымъ именемъ моимъ!... А Надя-то, Надя-то, вѣдь я любилъ ее.... Эхъ, Лука Ѳедорычъ, не гуливалъ я, не кутилъ, а теперь такъ ахну, что только пыль пойдетъ!...

Ковалевъ рванулъ съ себя ффракъ такъ, что тотъ затрепалъ по швамъ.

— Къ черту теперь ффраки эти!... Молодецъ и я, — нашелъ себѣ невѣсту!... Ахъ, горе-то какое, горе-то какое!...

Ковалевъ хватился за свои завитые волосы и опустился на стулъ.

— Полно вамъ, Степанъ Егоровичъ, убивать себя! подошелъ къ нему Обмолвинъ. Эка невидаль, — подумаешь! Да вамъ такую-ли невѣсту дадутъ, съ умомъ вашимъ, да съ богатствомъ, а безчестья въ томъ, что вы отказались отъ Надежды нашей, для васъ никакого нѣтъ; безчестье только для нихъ, они и стоятъ его!...

— Стоять, вѣрно стоятъ! воскликнулъ Ковалевъ, вскакивая со стула. Спасибо тебѣ, что во время оставилъ, Лука Ѳедорычъ!... Я тебя, другъ, отблагодарю, по-ухарски отблагодарю....

Ковалевъ отворилъ дверь и позвалъ Васю.

— Ну, братъ Вася, не суждено тебѣ шаферить на моей свадьбѣ! сказалъ онъ вошедшему юношѣ, который съ изумленіемъ оглядывалъ, то жениха, то брошенный и разорванный по швамъ ффракъ, то стоявшаго въ грустной позѣ Обмолвина.

— Да что такое случилось? Въ чемъ дѣло? объясни, Степа! проговорилъ Вася.

— А вотъ узнаешь сейчасъ....

Ковалевъ поднялъ брошенное письмо.

— Я пойду, Степанъ Егоровичъ, заговорилъ Обмолвинъ.— Не замѣтили-бы дома, что я долго отсутствую, не догадались-бы...

— Иди съ Богомъ, Лука Ѳедорычъ, завтра зайди ко мнѣ...

— Слушаю-съ. Такъ, до пріятнаго свиданія пока-съ... Прощайте, Василій Ивановичъ.

Обмолвинъ почтительно поклонился молодымъ людямъ и вышелъ изъ комнаты.

Въ домѣ Петра Прохоровича Фарфорова ждали жениха.

Парадные комнаты блистали чистотой, своеобразнымъ купеческимъ шикомъ и были ярко освѣщены громадной люстрой и вычурными бронзовыми канделябрами. Гостей еще было не много—только близкія подруги невѣсты, да родственники сидѣли въ угловой комнатѣ за чаемъ; разряженныя барышни, сверкая брилліантами, наполняли воздухъ дорогими духами, осторожно присаживались на кончики стульевъ оберегая платья, пили чай, весело болтая, шушукаясь и смѣясь; степенныя старушки, въ шелковыхъ темныхъ, шумящихъ платьяхъ, сидѣли на диванѣ, окруживъ мать невѣсты, и сосредоточенно обсуждали программу скорой свадьбы. Въ столовой и очищенной отъ лишней мебели хозяйской спальнѣ два оффиціанта возились съ закуской, то откупоривая бутылки, то разрѣзая икру или сыръ, и перебранивались съ старухой ключницей, ревниво оберегающей хозяйское добро.

Въ залѣ, заложивъ руки за спину, расхаживалъ изъ угла въ уголъ, отецъ невѣсты, напѣвая въ полголоса: „Тебѣ Бога хвалимъ“, и поглядывалъ изрѣдка на часы:

онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ музыкантовъ, которые должны были пріѣхать ранѣе жениха и встрѣтить его, согласно распоряженію, маршемъ.

Невѣста была давно готова.

Въ своей маленькой комнаткѣ, на антресоляхъ, она сидѣла передъ зеркаломъ и, поламывая пальцы, затянутые въ бѣлыя лайковыя перчатки, задумчиво разглядывала свое блѣдное, едва-едва игравшее нѣжнымъ румянцемъ личико, измѣнившееся отъ новой, сдѣланной моднымъ парикмахеромъ, прически и отъ душевнаго, такъ свойственнаго каждой невѣстѣ, волненія.

Дальняя родственница и любимая подруга ея, Варя Брудина, некрасивая молодая дѣвушка, съ добрымъ, болѣзненно-блѣднымъ лицомъ, суетилась вокругъ наряднаго туалета невѣсты, то подкалывая бантикъ, то одергивая пышную отдѣлку, то дранируя какую-нибудь сбившуюся складку.

— Оставь, милая Варя, хорошо! проговорила невѣста и, повернувшись къ зеркалу спиной, положила руки на плечи подруги. Хорошо, Варя, хорошо, моя милая!.. Только то нехорошо, что одѣваешь ты меня на дѣвишникъ... Лучше-бы было, если-бъ одѣвала ты меня... въ могилу!..

Варя всплеснула руками.

— Да перестанешь ты, Надя, или нѣтъ? воскликнула она. — Вѣдь сама-же ты сказала, что Степанъ Егоровичъ нравится тебѣ! Да и правда: молодецъ! Собой красавецъ, ловкій, умникъ и богатый—чего тебѣ лучше? Вѣдь ужъ за Ваней твоимъ тебѣ не быть, такъ нечего и вспоминать его, нечего и думать объ этомъ, а замужъ выходить надо, такъ лучше-же выйти за Степана Егоровича, чѣмъ за уroda какого-нибудь!..

Надежда Петровна покачала головой.

— Да, замужъ выходить надо! задумчиво проговорила она. — Хочешь-ли, не хочешь-ли, а надо... За чѣмъ это, Варя, такъ заведено на свѣтѣ, что мы, дѣвушки, своей воли не имѣемъ? Будь у меня своя воля — я-бы ни за кого, ни за кого не пошла... За Ваню нельзя, не отдадутъ — ну, ни за кого-бы и не пошла...

Надя склонила голову на плечо подруги и тихо, тихо заплакала.

— Ваня, Ваня, Ванюша мой!.. Мнѣ себя-то не жалко, Варя, да его жаль — любить-то онъ какъ меня, какъ ему горько, да больно-то будетъ, Господи!..

— Перестань, Надя! нѣжно лаская подругу, заговорила Варя, сама едва сдерживая слезы. — Невѣста вѣдь ты, гости собрались, а у тебя глаза заплаканы будутъ!

— Ничего, Варя, плакать невѣстамъ не запрещаютъ, на это-то хоть воли не отнимаютъ, хоть плакать то даютъ свободу...

— Да о чемъ плакать-то? спросила Варя. — Любить тебя женихъ не меньше Вани твоего, а ужъ покрасивѣе его будетъ, — много покрасивѣе, а о богатствѣ и говорить нечего!

— Да, онъ красивѣе Вани, наряднѣе его, одѣтъ по модѣ, золото блеститъ; и на груди, и на рукахъ, да сердце у Вани лучше... Добръ онъ, душевенъ очень, Варя!

— Ужъ добръ! съ дѣланнымъ презрѣніемъ сказала Варя. — Лѣтомъ кучера вашего чуть не убилъ, съ козелъ швыркомъ сбросилъ объ мостовую — добръ!...

— А за что сбросилъ? Кучеръ хотѣлъ форсу задать, да деревенскую старуху изъ телѣги опрокинуть на шоссе, а старуха съ маленькимъ мальчикомъ ѣхала, убить-бы могъ, да и добро ихнее поломать. Ну! Ваня и не стерпѣлъ... То и человѣкъ, Варя, который чужую бѣду къ своему сердцу принимаетъ, да на доброе дѣло, очертя голову, кидается, о себѣ не думая... Ты думаешь, онъ-бы далъ меня силой замужъ выдать? Никогда!... Онъ-бы домъ-то весь по кирпичику раскидалъ, да вырвалъ-бы меня! Себя-бы загубилъ, а меня-бы спасъ, да я то не хочу этого, Варя!... Не хочу потому, что Ваню погубятъ, со свѣта сживутъ, такъ пусть ужъ лучше я одна буду страдать....

Варя хотѣла что-то говорить, но съ низу слышались звуки настраиваемыхъ скрипокъ, и она не договорила начатой рѣчи.

— Музыканты пришли, Надя! торопливо сказала она.—Пойдемъ скорѣй, а то дяденька разсердится.... Дай, я вытру тебѣ хорошенько слезы, да попудрю немного...

Молодые дѣвушки оправились передъ зеркаломъ и сошли внизъ.

Въ залѣ уже собралось много гостей. Пестрыми вереницами ходили расфранченныя барышни, сопровождаемыя кавалерами, во фракахъ, въ бѣлыхъ галстукахъ, съ расчесанными и завитыми „капулями“; въ гостиной, на диванѣ и креслахъ, сидѣли родственники и гости постепеннѣе; музыканты, расположенные въ углу залы на нарочно сдѣланной эстрадѣ, настраивали инструменты.

— Эхъ, не люблю я этого! досадливо говорилъ

Фарфоровъ, уже каждую минуту взглядывавшій на часы. Молодой человѣкъ, торговецъ, а не аккуратень, заставляеть ждать себя!...

— Да, давно-бы пора, замѣтилъ одинъ изъ гостей и вздохнулъ. Какъ-то нынѣ народъ сталъ неисправень, а, можетъ, вѣдь и задержало что-съ...

— Можетъ, и то, согласился Фарфоровъ. Эй, кто тамъ есть? окликнулъ онъ, выходя въ переднюю.

— Что прикажете-съ? словно изъ земли выросъ Лука Ѳедорычъ Обмолвинъ, уже одѣтый въ новый сюртукъ, въ брюки на выпускъ и въ бѣлоснѣжной манишкѣ, повязанной чернымъ атласнымъ галстукомъ.

— А, это ты, Ѳедорычъ, мнѣ тебя-то и нужно: возьми-ка извозчика, да съѣзди къ жениху, что онъ тамъ долго больно, узнай, не задержало-ли что....

— Слушаю-съ.

Обмолвинъ поклонился и пошелъ было изъ комнаты.

— Погоди-ка, остановилъ его Петръ Прохоровичъ. Словно, подѣхалъ кто-то.... Да, подѣхалъ, видно, онъ и есть....

— Не отъѣзжай далеко, у крыльца встань! слышался голосъ изъ саней.

— Да-съ, они это: голосъ Василья Ивановича, шафера женихова-съ, сказалъ Обмолвинъ.

Фарфоровъ поспѣшно вернулся въ залу и махнулъ музыкантамъ.

— Начинайте маршъ, женихъ пріѣхалъ! крикнулъ онъ.

Гости столпились къ одному мѣсту, въ дверяхъ гостиной показались степенныя лица старичковъ и старушекъ. Капельмейстеръ махнулъ своею палочкой, и

раздались звуки бравурнаго торжественнаго марша изъ „Фауста“.

Въ своемъ модномъ фракѣ, но съ растрепанною прической, съ мѣховою шапкой въ рукѣ, безъ перчатки, съ пятнами какого-то краснаго вина на открытой груди голландской сорочки вошелъ въ залу Вася Палочкинъ.

Пошедшій было на встрѣчу Петръ Прохоровичъ остановился и вопросительно взглянулъ на шафера. Между гостями пробѣжалъ шопоть.

Вася Палочкинъ развязно поклонился и что-то невнятно проговорилъ.

— Что? переспросилъ его Фарфоровъ, дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ. Гдѣ-же Степанъ Егоровичъ? Отчего вы одни?

Палочкинъ махнулъ рукой въ сторону музыкантовъ.

— Велите имъ замолчать, чего они зудятъ, не слышно ничего! громко, на всю залу крикнулъ онъ.

Музыка смолкла, обрвавъ по срединѣ такта; гости подошли поближе.

— Вотъ теперь и буду говорить! произнесъ Палочкинъ нетвердымъ языкомъ и полѣзъ въ боковой карманъ.

Мертвая тишина наступила въ залѣ.

— Степанъ Егоровичъ Ковалевъ, началъ Палочкинъ торжественнымъ тономъ, вставъ въ театральную позу, — мой женихъ.... то-есть, не мой, а Надежды Петровны Фарфоровой.... то-есть, нѣтъ, не то.... Степанъ Егоровичъ Ковалевъ, такъ какъ я его шаферъ, послалъ меня сказать, что онъ жениться на дочери купца Петра Прохоровича Фарфорова, дѣвицѣ Надеждѣ Петровнѣ, не желаетъ, о чемъ и объявляетъ....

Громкій ропотъ пробѣжалъ по гостямъ; даже музы-

канты, на своей эстрадѣ, переглянулись и стали шептаться.

Съ поблѣднѣвшимъ измѣнившимся лицомъ стоялъ Петръ Прохоровичъ, въ глубокомъ изумленіи, глядя на Палочкина.

— Да, не желаетъ! продолжалъ Палочкинъ. Мы тово, выпили съ нимъ немного, потому намъ обидно и горько, а впрочемъ намъ наплевать!... А не желаетъ онъ потому, что дочь господина Фарфорова находится въ любовной связи съ конторщикомъ Ванькой Золотилковымъ!...

Раздирающій душу вопль пронесся по залѣ и замеръ среди мертвой тишины. Какъ подкошенная, упала невѣста, зашуршавъ своимъ пышнымъ бѣлымъ платьемъ. Кто-то громко зарыдалъ; въ толпѣ гостей произошло волненіе.

Едва держась на ногахъ, шагнулъ впередъ Петръ Прохоровичъ и взялъ шафера за плечо.

— Я... я тебя, щенокъ, задую! прохрипѣлъ онъ. Я васъ... подъ судъ отдамъ!...

Палочкинъ рванулъ рукой.

— Не горячись, не страшно! крикнулъ онъ. Подъ судъ!.. Кого еще подъ судъ-то нужно отдать!.. Коли не вѣришь — такъ вотъ тебѣ письмо, читай его, а у насъ свидѣтели есть... Подъ судъ!.. Хотѣли замарать человѣка, да не удалось — жаль!.. На, читай вотъ!...

Палочкинъ бросилъ на полъ бумажку и, надѣвъ шапку, вышелъ изъ комнаты....

Мы прервемъ нѣсколько наше повѣствованіе и расскажемъ исторію Надиной любви.

Безъ малаго за годъ до сватовства Степана Егоровича, Надежда Петровна познакомилась съ служившимъ у ея отца конторщикомъ, Ваней Золотилковымъ, какъ звали его товарищи и какъ привыкла звать Надежда Петровна, еще не бывъ съ нимъ знакома, а только зная его въ лицо и по рассказамъ жившихъ въ домѣ Фарфорова барышень Зотовыхъ, бѣдныхъ дворяночекъ-сиротъ.

Барышни эти были знакомы съ Золотилковымъ и, бывая у Нади, постоянно расхваливали ей молодого человѣка, превознося его умъ, доброту и восторгаясь его красотою.

Надя начала интересоваться молодымъ конторщикомъ и пожелала непременно познакомиться съ нимъ, вполнѣ, впрочемъ, убѣжденная, что на такое знакомство, и отецъ, и мать взглянуть неодобрительно, а потому и вознамѣрившаяся устроить это знакомство, по возможности, секретно. Барышни Зотovy посовѣтовали сдѣлать это самымъ простымъ способомъ: зайти въ контору и попросить Ваню переписать что-нибудь, ну, хоть поминальную книжку, веденную всегда Надей и неправившуюся ея матери, плохо разбиравшей мелкій кудреватый почеркъ дочери. „Такимъ способомъ“, говорили барышни, „вы и познакомитесь и нисколько не навлечете на себя неудовольствія“.

Надя такъ и сдѣлала.

Однажды утромъ она вошла въ контору, которая помѣщалась въ нижнемъ этажѣ дома, и прямо обратилась къ молодому человѣку съ просьбой переписать ей поминальникъ, объяснивъ, что она пишетъ некрасиво и не очень разборчиво. Вошла, впрочемъ, дѣвушка не безъ робости и проговорила свою просьбу нѣсколько

взволнованная и съ усилившимся румянцемъ на хорошенькомъ личикѣ.

— Извольте-съ, я перепишу, проговорилъ конторщикъ, вставая съ табурета, — потрудитесь завтра утромъ или сегодня вечеромъ прислать — будетъ готово...

— Я сама зайду, сказала дѣвушка и пошла было къ двери, но остановилась и вскинула на молодого человѣка опущенные до тѣхъ поръ глаза. Я еще хотѣла попросить васъ объ одной вещи: дайте мнѣ какихъ-нибудь книгъ почитать, я слышала, что у васъ ихъ много, добавила она.

Золотилловъ нѣсколько подумалъ.

— Извините, но только у меня здѣсь нѣтъ, на квартирѣ-съ, а завтра я принесу... Вамъ какихъ будетъ угодно?

— Я такъ мало читала, что не могу и выборъ-то сдѣлать! сказала она. Вы ужь сами потрудитесь выбрать, на свой вкусъ.

— Хорошо-съ; только я попрошу васъ, Надежда Петровна, не сказывать никому, что я вамъ книги даю, а то не вышло-бы чего, батюшка вашъ не разсердился-бы: я — человѣкъ служащій, и меня обидѣть не трудно-съ.

— О, нѣтъ, я не скажу никому! горячо произнесла дѣвушка. Я вѣдь и сама читаю украдкой, — мнѣ запрашиваютъ это, улыбнулась она.

Золотилловъ пожалъ плечами.

— Ничего не подѣлаешь!... А вы все-же читайте, Надежда Петровна, потому книги много, много радостей даютъ, особливо, ежели человѣку живется не весело... Прочитаешь другую книгу, и какъ-то станетъ

отраднѣе словно ты другимъ человѣкомъ сдѣлался, право!... Въ книгѣ и про горе людное пишутъ, и жить она учить, а главное—это то, что люди ихъ сочиняютъ, должно быть, хорошіе, потому у дурнаго чело-вѣка такихъ душевныхъ мыслей быть не можетъ. Опять-же сочинители—народъ образованный, они на каждый вотъ вопросъ отвѣтъ дадутъ, на каждую мысль вашу вы найдете у нихъ разгадку... Впрочемъ, есть и не изъ образованныхъ: Кольцовъ, напримѣръ—пра-солъ былъ, гурты гонялъ, а писалъ... Эхъ, какъ онъ писалъ, Надежда Петровна!... Вы не читали его стиховъ?

— Нѣкоторые читала, отвѣтила дѣвушка, не спус-кавшая глазъ съ открытаго, красиваго, оживленнаго теперь лица молодаго чело-вѣка.

Тотъ нѣсколько сконфузился и опустилъ глаза.

— Заговорился я съ вами, произнесъ онъ. Сидишь тутъ день-то деньской, скука возьметъ, ну, и радъ поговорить... Извините-съ...

— За что извинить? удивленно спросила Надя.

— Намъ, Надежда Петровна, не слѣдъ говорить съ хозяевами, мы должны только на вопросы отвѣчать, а то... Такъ насъ съ малолѣтства учили и били, если мы не понимали этого-съ...

— Полноте, что вы... Я сама очень рада погово-рить, я вѣдь тоже все больше одна, да одна, а что вы говорите на счетъ хозяевъ, такъ это вы напрасно! Я не хозяйка ваша, да если-бъ и хозяйка была—такъ что-же? Я такъ понимаю, что люди всѣ равны...

Золотиловъ съ благодарностью взглянулъ на дѣвушку.

— Да?... Хорошо, если такъ, проговорилъ онъ.

Я отъ того и позволилъ себѣ говорить съ вами, что много слыхалъ объ васъ хорошаго... Другіе не такъ думаютъ, Надежда Петровна; вотъ я жилъ у одного купца, такъ его дочь, въ ваши-же года барышня, прямо мнѣ сказала однажды, что я слуга, тотъ-же лакей, и что она за стыдъ считаетъ говорить со мной и разговоромъ только себя срамить... Обидѣла меня этими словами, до сердца доняла!... Я тогда еще помоложе былъ, душа-то почувствительнѣе была...

— А вы любили ее, эту дѣвушку? спросила Надя.

— Да, полюбилъ было... Красавица она такая была, что и не расскажешь, ну, я и думалъ, что у ней и душа такая-же...

Золотилловъ задумчиво покрутилъ усы.

— Нѣтъ, я не такая, сказала Надя, я очень рада говорить съ вами и быть знакомой, а пока до свиданья.

Надя подала руку молодому человѣку и вышла изъ конторы.

Долгимъ взглядомъ проводилъ ее Золотилловъ и минутъ десять не принимался за работу, задумчиво барабаня пальцами по краю конторки.

Молодые люди скоро полюбили другъ друга.

Это случилось такъ естественно, такъ просто: оба они были одиноки, хотя и жили среди людей, оба были юны сердцемъ, и обоимъ имъ не легко жилось среди душевной атмосферы купеческаго дома, атмосферы, въ которую свѣжій, вольный воздухъ не могъ проникать, — такъ крѣпко оберегали свои гнѣзда обитатели этого дома.

Мѣняясь мыслями о прочитанныхъ книгахъ, самыхъ разнообразныхъ по выбору, молодые люди сближались, находили другъ въ другѣ много общаго, а душевныя качества обоихъ помогли дѣлу, и знакомство перешло въ любовь.

Золотилловъ, — пылкій, увлекающійся, отзывчивый, страстно, горячо полюбилъ Надю, которая была такъ хороша, такъ симпатична, что мудрено было и не полюбить ее, узнавши поближе, а она? Она вся отдалась новому, невѣдомому доселѣ чувству и точно опьянѣла отъ счастія, точно переселилась въ другой міръ, полный свѣтлыхъ радостей, неизвѣданныхъ сладкихъ мукъ любви.

Очнулась она лишь тогда, когда ей объявили о женихѣ.

Она именно очнулась. Это-было именно то чувство, которое испытываетъ человѣкъ, видѣвшій отраднѣйшій и лучезарнѣйшій сонъ и вдругъ проснувшійся и очутившійся среди будничной житейской прозы, которая, вмѣсто счастія, даетъ лишь горе и холодными руками клонить человѣка къ землѣ, въ грязь. Она больше нѣтъ, никакихъ силъ не находится, чтобы возвратить его; онъ—лишь воспоминаніе.

У Нади силъ тоже не нашлось.

Идти противъ воли отца, который вѣчно стоялъ передъ ней суровымъ, грознымъ, готовымъ карать малѣйшее отступленіе отъ начертанной имъ программы, который съ юныхъ лѣтъ дѣвочки внушалъ ей одинъ только страхъ—дѣвушка была не въ силахъ; она даже и не искала въ себѣ этой силы, а только склонилась передъ судьбой, готовая на все, какъ пловецъ въ ут-

ломъ челнокъ безъ руля и весель, среди разъяреннаго моря.

Да и къ чему могла повести борьба? Все-бы сломалось желѣзной рукой отца и, не достигнувъ счастья, молодые люди сгубили-бы только себя, — такъ думала Надя; Золотилловъ-же готовъ былъ идти войной противъ цѣлаго свѣта, чувствуя въ себѣ довольно силы на какую угодно борьбу и, хотя неувѣренный въ побѣдѣ, хотѣлъ все-таки биться, хотѣ-бы для того, что погибнуть въ этой битвѣ.

Надя удержала его.

— Теперь все, все кончено! говорила она, прощаясь съ молодымъ человѣкомъ.

— Да вѣдь кончилось-то когда? Когда и не начиналось! съ тоской произнесъ Золотилловъ, сжимая въ своей рукѣ руку дѣвушки.

— Какъ не начиналось? изумленная, спросила дѣвушка. Два мѣсяца мы любили другъ друга, два мѣсяца жили, Ваня!...

— Жизнь-ли это?... Урывкой, крадучись, выдались, боялись быть накрытыми!... Поцѣлуя, и то, я не видалъ отъ васъ...

— Вотъ онъ! порывисто сказала Надя и, бросившись на грудь молодаго человѣка горячо, горячо поцѣловала его, обезумѣвшаго отъ страсти.

— Прощальный первый и послѣдній поцѣлуй, Ваня! простонала Надя и, вырвавшись изъ объятій Золотилова, убѣжала.

На другое утро она послала ему знакомую намъ записку, тоже первую, какъ и поцѣлуй, и Золотилловъ ушелъ изъ дома Фарфоровыхъ. Причину ухода никто,

кромѣ Нади и Вареньки, не зналъ, и только Лука Ѳедоровичъ Обмолвинъ, дня черезъ три послѣ ухода, зайдя навѣстить Золотилова на новой квартирѣ, засталъ его убитого горемъ, близкаго къ отчаянію и, уговоривъ залить это горе виномъ—напоилъ и вывѣдалъ тайну. Записка была украдена подосланнымъ Лукой Ѳедоровичемъ мальчишкой-писцомъ, который унесъ ее изъ квартиры загулявшаго Вани, вмѣстѣ съ платьемъ, часами и различными вещами.

Вокругъ упавшей невѣсты собрались подружки и родственницы; впрочемъ, большинство женщинъ окружили Петра Прохоровича и поднявшаго съ полу брошенную шаферомъ записку старика-дядю невѣсты. На всѣхъ лицахъ было написано напряженное любопытство; многіе злорадно улыбались, перешептываясь и переглядываясь.

— За что опозорили?.. За что? проговорилъ Петръ Прохоровичъ, схватившись за голову. Убили, въ гробъ вогнали, незапятнанную честь мою опорочили...

Онъ обвелъ всѣхъ окружающихъ глазами.

— Рады, небось?... „Не было-де у Петра Фарфорова горя, счастливо жилъ, такъ вотъ-де пришло оно, горе-то“... Да нѣтъ, не такой онъ человѣкъ, чтобъ въ обиду себя дать!.. Гдѣ записка? Кто ее взялъ! возвысилъ онъ голосъ и вырвалъ записку изъ рукъ брата.

Пробѣжавъ глазами написанное на голубой бумажкѣ, Петръ Прохоровичъ оглянулся назадъ, гдѣ подружки приводили въ чувство невѣсту, примачивая ей голову одеколономъ, давая нюхать спиртъ и спрыскивая во-

дой, при чемъ Варя Брудина громко рыдала, склонившись надъ подругой.

— Объ чемъ тамъ плачутъ? спросилъ Петръ Прохоровичъ. Не о чемъ плакать: мою дочь и меня опозорили напрасно — записка писана не ея рукой; оклеветали насъ, опозорить хотѣли, я въ судъ пойду, въ острогъ клеветниковъ упрячу!.. Моя дочь — честная дѣвушка...

— Нѣтъ, погоди, Петръ Прохорычъ! раздался голосъ изъ толпы гостей, и на средину комнаты вышелъ маленькій невзрачный купецъ, въ длиннополомъ сюртукѣ, на раснашку; это былъ небогатый торговецъ хлѣбнымъ-же товаромъ и сосѣдъ Фарфорова — Степанъ Ермиловичъ Поворотовъ. Поворотовъ былъ порядочно пьянъ.

— Нѣтъ, погоди, Петръ Прохорычъ! повторилъ опъ. Я видѣлъ, какъ братецъ твой поднималъ записочку, и тово, прочиталъ ее... Н-да, прочиталъ, братъ ты мой!... Доченька твоя записку писала, она... Я очинно даже прекрасно знаю руку ее, потому моею Сашѣ она писывала... Прими, Петруша, мзду, склони головушку свою гордую и покорись!... Покорись, потому ты гордъ и правомъ своимъ непреклоненъ!.. Загуляла дочь Петра Фарфорова съ конторщикомъ, ну, и шабашъ, ну, и надо того, покориться... Н-да, Петръ Прохорычъ!..

— Что ты тянешь тутъ, старый дуракъ? сжимая кулаки, крикнулъ Петръ Прохоровичъ. Напился, налилъ бѣльма-то, пьяница, безобразникъ старый...

Поворотовъ поднялъ руку.

— Умолкни, Фарфоровъ! проговорилъ онъ. Умолкни!.. Ежели я пьянъ — я въ гостяхъ напился, а не въ кабацѣ,

а въ гостяхъ всѣ пьютъ, н-да... А ты покорись, потому это кара тебѣ, мзда за гордость твою... Люди добрые, купечество достопочтенное! обратился Поворотовъ къ гостямъ, записку писала Надежда Петровна, это я собственноручно читалъ, и теперича докладываю вамъ о семъ... Потому докладываю, что Петръ Фарфоровъ обидѣлъ меня... Онъ меня обидѣлъ, а его Богъ обидѣлъ, н-да!.. Она писала, и она была любовницей Ваньки Золотилова — это я очинно хорошо знаю...

— Замолчи, песъ, а то я тебя на мѣстѣ тутъ расшибу! не помня себя, крикнулъ Фарфоровъ, дѣлая шагъ къ Поворотову.

— Не боюсь!.. Н-не боюсь!.. За правду стою, потому и не боюсь! опять поднимая руку заговорилъ Поворотовъ.—Добрые люди, купечество достопочтенное! Петръ Фарфоровъ нонѣ весной мово сына обидѣлъ... Сынь мой сваху прислалъ, за его, за Петра Прохорова, дочь сватать прислалъ, а онъ, вотъ богачъ энтотъ, гордыня энта нсобъятная, и свахѣ, и мнѣ, старику сѣдому, вотъ что сказалъ: „я, говоритъ, дочь свою не за мелочнаго торговца готовлю; не на то, говоритъ, я растилъ ее, чтобы за мужика отдать, у котораго два мѣшка всего товару. И ты, говоритъ,—энто мнѣ-тѣ, —видно пьянъ, коли съ своимъ сыномъ къ моей дочери въ женихи лѣзешь“ и прогналъ насъ!.. Чуть-чуть не по шеѣ прогналъ... А теперь... хе, хе, хе!.. Теперь мы сами прогонимъ его! Да, возьмемъ, да и прогонимъ! „Поди, скажетъ, богачъ гордѣющій, мы возьмемъ невѣсту, хоша и не богатую, да честную, а любовницу конторщицю намъ не нужно!.. Хе, хе, хе... Да, такъ и скажемъ!..

Точно громомъ пораженный стоялъ Петръ Прохоровичъ, безсмысленно поводя глазами и комкая въ рукахъ записку. Гости глухо волновались, разбивались на кучки и перешептывались; многія купчихи проворно собирали своихъ дочерей и уходили, издали кланяясь знакомымъ избѣгая попасть на глаза хозяина дома. Жена Петра Прохоровича присѣла на стулъ и, склонивъ голову, не громко рыдала.

— Ну.. ну, такъ что-же? заговорилъ Петръ Прохоровичъ. — Ну, опозорены, убиты, вамъ-то что?.. Вы, что-ли, кормить меня, опозореннаго-то, будете? Къ вамъ за помощью что-ли, я пойду?.. Жили безъ васъ и проживемъ безъ васъ... А коли хотите, такъ плюйте на Фарфорова, казните его, отворачивайтесь отъ него, а онъ самъ на васъ плевать будетъ и отвернется отъ васъ!.. Я васъ всѣхъ куплю и выкуплю, продамъ и опять куплю!.. Жениха, что-ли, не найду?.. Найду!.. Князя, графа, генерала найду!.. Пятсотъ тысячъ за Надькой дамъ, а найду!.. На свадьбу приѣдете, у зятя моего руки будете цѣловать...

— Врешь, Прохорычъ! опять выступилъ Поворотовъ. Врешь, не найдешь жениха.... Деньги твои возьмутъ, а дочь никому не нужна.

— Такъ и не отдамъ никому! что есть силы закричалъ Фарфоровъ. Никому не отдамъ!... Своими руками въ гробъ заколочу, опозорить себя не дамъ!... Убью, въ монастырь отдамъ, въ деревню къ тетѣ ушлю, а самъ заживу по старому....

— Эхъ, гордыня тебя обуяла, Петръ Прохорычъ! сказалъ Поворотовъ. Ты все свое-то толкуешь, себя-то все возвеличиваешь, а ты, Петруня, склонись, пе-

реломи гордыню-то свою, нда!... Ты поклонись гостямъ-то своимъ, да и скажи имъ: „простите-де меня, добрые люди, что я васъ съ женами, да съ дочерьми своими къ себѣ въ гости позвалъ, женъ, да дочерей вашихъ опорочилъ прикосновеніемъ къ моей безпутной доченькѣ, къ полюбовницѣ конторщика моего прогнаннаго, Ваньки Золотилова“!.. Пойдемте, господа честные, не мѣсто намъ здѣсь: вѣдь у насъ свои дочери есть, пригоже-ли быть имъ въ такомъ-то домѣ?... Эй, жена, дочь, пойдемте домой.... За угощеніе благодаримъ, Петръ Прохоровичъ....

Поворотомъ низко, низко, низко поклонился Фарфорову и вышелъ изъ залы, сопровождаемый женой и дочерью; вслѣдъ за ними начали расходится и нѣкоторые другіе.

Фарфоровъ оглянулъ блиставшую огнями но пустую комнату и опустился на близъ стоявшій стулъ.

— Опозоренъ, оплеванъ, въ грязь втоптанъ! прошенталъ онъ. Жилъ вѣкъ въ почетѣ, да въ уваженіи, молодаго, и то, всѣ почитали, а теперь, съ сѣдыми-то волосами, когда вся Москва-то знаетъ,—оплевали, опозорили... Дочь родная опозорила.... Идите, добрые люди, на позоръ Петра Фарфорова смотрѣть, смѣйтесь надъ нимъ, бросайте въ него грязью, въ старого дурака!...

— Фарфоровъ схватился за лицо руками и зарыдалъ; зарыдалъ громко, истерически, вздрагивая всѣмъ тучнымъ тѣломъ. Оставшіеся гости примолкли.

Блѣдная, съ помутившимися глазами, съ измятой прической встала Надя и, оттолкнувъ поддерживавшую ее Вареньку, порывисто сдѣлала нѣсколько шаговъ къ отцу.

— Папенька, родной мой! простонала она, ломая руки. Не убивайтесь, не плачьте, вы слушайте меня.... Фарфѳоровъ вскочилъ со стула.

— Прочь!... Прочь отъ меня, ты—не дочь мнѣ! хрипло крикнулъ онъ. Если ты опозорила своего отца и мать, замарала домъ мой—ты мнѣ не дочь!... Что я отъ тебя выслушаю? Что? Вѣдь ты, ты писала?... Ахъ, ты.... Петръ Прохоровичъ замахнулся было на дочь, но пошатнулся и, захрипѣвъ, упалъ на полъ, ударившись головой о край стула. Кровь обильной струей полилась изъ расшибленной головы, окрашивая, и сѣдые волосы старика, и наощенный паркетъ, и бѣлое платье бросившейся къ нему дочери.

Обиліе вышедшей крови спасло Петра Прохоровича отъ удара, котораго-бы ему не миновать въ противномъ случаѣ, какъ очень полнокровному и тучному человѣку. Безъ помощи доктора пришелъ онъ въ себя и, приказавъ обвязать голову мокрыми полотенцами, легъ въ кровать, послѣ чего уже и было послано за докторомъ, который, прописавъ какое-то успокоительное, сказалъ, что въ положеніи Петра Прохоровича нѣтъ ничего опаснаго. Это уже было часу въ первомъ ночи, и въ домѣ, за нѣсколько часовъ тому назадъ кипѣвшимъ жизнью, блестящимъ огнями, все смолкло, и только въ спальнѣ хозяина, да наверху, въ маленькой комнатѣ Нади, горѣлъ огонекъ. Прописавъ лекарство и получивъ визитную плату, докторъ сталъ надѣвать перчатку.

— Господинъ докторъ, обратилась къ нему жена Петра Прохоровича, тихая, вѣчно молчаливая, забитая Прасковья Ильинишна,—потрудитесь, батюшка, еще наверхъ зайти—дочь нужно посмотрѣть, недужится больно ей....

— Не надо! раздалось съ постели.

Прасковья Ильинишна вздрогнула и пугливо заморгала глазами; докторъ посмотрѣлъ на своего пациента.

— Почему не надо? подходя къ Петру Прохоровичу, спросилъ онъ.

— Не надо повторилъ тотъ.—Спасенье будетъ, если умретъ... Всѣмъ спасенье будетъ и позоръ со всѣхъ сниметь...

Докторъ, не знавшій семейной исторіи, по догадывающійся, что что-то произошло, пожалъ плечами и, поклонившись, вышелъ изъ комнаты.

— Навѣстите; сударь, барышню то, не заболѣлабы,—подошелъ къ нему въ передней Лука Ѳедоровичъ;—я слышалъ, какъ вамъ самъ-то запретилъ это, да его, человѣка нравнаго да больнаго, слушать-то нечего... Навѣстите, пожалуйста!

Докторъ попросилъ проводить его на верхъ и поѣхалъ Надю, которая лежала въ своей комнатѣ блѣдная, съ воспаленными глазами, въ сильномъ жару; Варя ухаживала за ней. Всю ночь проходила добрая дѣвушка за подругой, то давая ей лекарство, то подавая питье, то перемѣняя прописанные компрессы.

Утро застало Надю блѣдною, но на столько здоровою, что она могла встать съ постели.

Певеселое было это утро пасмурнаго, дождливаго октябрьскаго дня!... И въ обширной залѣ, и въ другихъ комнатахъ все еще оставались слѣды приготовленнаго пиршества, по обитатели наряднаго дома далеко, далеко не были похожи на пирующихъ или готовящихся пировать.

Петръ Прохоровичъ полулежалъ въ креслѣ, все еще

обязанный полотенцами и блѣдный отъ потери крови; Прасковья Ильинишна, какъ тѣнь, ходила изъ комнаты въ комнату; на верху сидѣла Надя и не переставая плакала, склонившись на плечо уговаривавшей ее, но тоже плачущей Вари.

— Позвать ко мнѣ Надежду, приказалъ Петръ Прохоровичъ часу въ одиннадцатомъ.

Прасковья Ильинишна умоляющимъ взглядомъ посмотрѣла на мужа.

— Батюшка, Петръ Прохоровичъ, успокой себя-то сначала, да и ее побереги, доколѣ она хвораетъ, сказала она.

— Позвать ко мнѣ Надежду! возвысилъ голосъ Петръ Прохоровичъ.

Старушка глубоко вздохнула и отправилась на верхъ.

— Отецъ зоветъ, иди, проговорила она, не глядя на дочь и стараясь сдержать слезы.

Надя покорно встала.

— Въ ноги ему пади, моли его, колѣни цѣлуй, да слезами обливай! заговорила Прасковья Ильинишна, уже не въ силахъ будучи сдержать душившія ее слезы. Покайся ему, умиротвори его!...

— Въ чемъ покаяться? останавливаясь передъ матерью, спросила Надя. — Какой-же такой страшный грѣхъ я сдѣлала, маменька?... Я буду просить прощенья, но я... Я за собой вины не знаю...

Прасковья Ильинишна подняла глаза на дочь.

— А... а грѣхъ-то твой... Вѣдь ты слюбилась съ Иваномъ-то? проговорила она.

— Я любила его, *и люблю*, по... но я не виновна, маменька! твердо сказала Надя, смотря въ глаза матери.

— Да вѣрно-ли, Надюша?... Вѣрно-ли, голубушка моя?... Вѣдь говорили, что ты.... ахъ, и вымолвить-то страшно!... Вѣдь говорили, что ты любовницей его была?

Надя горько усмѣхнулась.

— Говорили! произнесла она. Пусть-же Богъ найдетъ виновнаго, а я не знаю за собой грѣха и шла за Ковалева съ чистою совѣстью.... Я не любила его, какъ должно невѣстѣ любить жениха, но была-бы ему вѣрною женой.... Пойдемте, маменька къ папашѣ, я все, все расскажу ему, и его воля будетъ сдѣлать со мной, что онъ захочетъ....

Не поднявъ опущенной головы Петръ Прохоровичъ и не взглянувъ на дочь, когда она вошла въ спальню.

Прасковья Ильинишна сдѣлала знакъ Надѣ поцѣловать руку у отца, но Петръ Прохоровичъ отдернулъ руку, толкнувъ дѣвушку.

Надя зарыдала и склонилась у кресла отца.

— Что я сдѣлала, что я сдѣлала? простонала она. Опозорили, обезчестили завистники; втоптали въ грязь имя мое дѣвичье, непорочное чужіе люди, да и отецъ родной, на нихъ глядя, гонить меня!... Не на защиту встаетъ мнѣ, а меня-же, невинно-опозоренную, гонить!... Гдѣ-же моя защита? Гдѣ-же она?... Царя только небеснаго, видно, просить мнѣ на защиту!...

Петръ Прохоровичъ поднялъ голову и чутко прислушивался къ словамъ дочери.

— Какой тебѣ защиты надо?... Отъ какой такой напраслины защитить-то тебя? заговорилъ онъ. Защищаютъ честныхъ дѣвушекъ, а тѣхъ, которыя стыдъ свой бросивши, родителей позорятъ — тѣхъ не защи-

щаютъ, а бьютъ, да косы стригутъ имъ!.. Такихъ-то развратными зовутъ, вотъ что!..

— Такихъ, папенька, такихъ, а я.... я не такая... Я не опозорила васъ ничѣмъ, я честная дѣвушка! рыдала Надя.

— А Ванька Золотилловъ? А записка?

— Выслушайте меня! вскрикнула дѣвушка, поднимаясь съ колѣнъ и хватая руку отца. — Да, это я писала записку, я!.. Я полюбила его, простите меня за то; я, противъ воли, полюбила и готова была отдать за него жизнь свою, но никогда бы, никогда не пошла на перекоръ вашей волѣ и написала ему записку... Онъ... онъ, добрый, честный, онъ ушелъ и оставилъ меня...

— А записка-то какъ-же попала къ жениху? съ напряженнымъ вниманіемъ слушавшій исповѣдь дочери, спросилъ Петръ Прохоровичъ. Если онъ честный человекъ — зачѣмъ-же онъ погубить тебя задумалъ? Зачѣмъ записку жениху отдалъ?

— О, нѣтъ, это не онъ! съ глубокимъ убѣжденіемъ воскликнула Надя. Онъ никогда не сдѣлаетъ такой пиздой вещи!.. Онъ... любить меня и готовъ отдать за меня всю жизнь!.. Папенька, папенька...

Надя опять опустила передъ отцемъ на колѣни.

— Отдайте меня за него, родной мой!.. Онъ бѣденъ, но какъ онъ любить меня, какой онъ хорошій...

— Прочь! крикнулъ Петръ Прохоровичъ, отталкивая дочь. А, вотъ оно что — вы уговорились подбросить эту записку Ковалеву, что-бы послѣ скандала ты ему досталась!.. Вы отца опозорили, домъ мой честный стыдомъ запятнали... Да я тебя скорѣе въ гробъ положу, чѣмъ за этого прохвоста, за этого нищаго

отдать!.. Уйди съ глазъ моихъ, окаянная!.. Что сраму-то, что сраму-то долженъ принять я теперь, Господи!.. Вся Москва, половина Россіи меня знаетъ; всюду почетъ мнѣ былъ, всюду первымъ гостемъ считали, а теперь... теперь на меня пальцами показывать будутъ: „вонъ-де купецъ Фарфоровъ, у котораго отъ дочери женихъ отказался и дочь котораго при всемъ собраніи, конторщицей любовницей звали и записку въ доказательство привели“!.. Записки писать, шуры-муры съ конторщиками сводить... На то я развѣ растилъ тебя? На то берегъ?..

Петръ Прохоровичъ началъ выходить изъ себя; лицо его покраснѣло, глаза налились кровью.

— Да я тебя... я работниковъ, мужиковъ позову, да отодрать тебя заставлю!.. Я тебя... Вонъ съ глазъ моихъ, вонъ!..

Надя, сдерживая рыданія, пошла къ двери.

— Вотъ тебѣ мое послѣднее слово, крикнулъ ей въ догонку отецъ:—если тебѣ не найдется въ этотъ мясоѣдъ жениха—такъ я тебя въ деревню, къ теткѣ, ушлю, въ скитъ старовѣрскій и на всю жизнь тамъ закабалу, бить, тиранить всячески заставлю!.. А теперь вонъ! Шагу не смѣй съ верху дѣлать... Охъ, мои батюшки, за что это такое горе-то на меня...

Петръ Прохоровичъ въ изнеможеніи опрокинулся на спинку кресла; вышедшій изъ сосѣдней комнаты Лука Ѳедоровичъ, осторожно ступая, подошелъ къ нему и подалъ приготовленное питье.

Петръ Прохоровичъ съ жадностью сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и тяжело вздохнулъ.

— Ухъ, тяжело, братъ Ѳедорычъ! произнесъ онъ,

передавая стаканъ Обмолвину. Нежданно, негаданно какое горе привалило...

— Да-съ, непріятно... Народъ-то завистливъ, радъ случаю богатаго, да хорошаго человѣка утопить, сказалъ Лука Ѳедоровичъ. Ужь ничего не видя, а загалдѣли, по всей Москвѣ слухъ-то пустили... Какъ въ колокола нонѣ гудить, только и рѣчей у всѣхъ-съ...

— Галдятъ? Радуются? спросилъ Петръ Прохоровичъ.

— Повсюду-съ; въ рядахъ былъ -- и тамъ ужъ всѣ языки чешутъ; въ трактирѣ у Бубнова и тамъ звонятъ!..

— Ахъ, Господи, Господи! покачалъ головой Петръ Прохоровичъ. Что-же дѣлать-то теперь... А? Куда я дѣну-то себя отъ рѣчей людскихъ? Чѣмъ покрою позоръ?.. Ахъ, Господи, Господи!.. Убилъ-бы, на куски-бы разорвалъ, и подлеца этого Ваньку, и дочь свою родную!.. Все косился на меня, все рыло воротилъ — вотъ и отплатилъ за хозяйскую хлѣбъ-соль!

— Человѣкъ самый низкій-съ, вредоносный человѣкъ, замѣтилъ Обмолвинъ.

— Кто?

— А Иванъ-то Золотилловъ-съ; я къ нему зашелъ какъ-то, вскорѣ послѣ того, какъ онъ отъ мѣста-то отошелъ: „отчего, спрашиваю, не жилъ у насъ?“ „Не хочу, говорить, хозяинъ, говорить, очень строгъ, да и при томъ-же у меня, говорить, цѣль одна есть“. „Какая такая цѣль?“ спрашиваю. „Это отвѣчаетъ, мое дѣло, а только они мнѣ наклоняются; я, говорить, документикъ одинъ добылъ и съ этимъ, говорить, документикомъ изъ нихъ, что захочу, то и сдѣлаю“. Я полагалъ тогда, что не украсть-ли онъ чего изъ конторскихъ книгъ, однако, новый конторщикъ принялъ все,

какъ быть слѣдуетъ, ну, я и подумалъ, что вретъ-де, хвастаетъ—анъ вонъ у него документъ-то какой былъ!.. Хоть-бы дуракъ денегъ съ васъ попросилъ, такъ-бы пользу извлекъ, а то на-ка, жениху послалъ!..

— Подлецъ! со злобой произнесъ Петръ Прохоровичъ. У него дума-то дьявольская, коммерческій расчетъ-то: „за меня-де, волей-неволей отдадутъ“... Да нѣтъ, ошибается!.. Пусть въ дѣвкахъ всю жизнь сидитъ, а за шельму эту, за мерзавца этого не отдамъ!.. Положить дочь свою Петръ Фарфоровъ въ могилу, а въ зятя нищаго Ваньку Золотилова не возьметъ, н-нѣтъ!

Лука Ѳедоровичъ кашлянулъ въ руку.

— Зачѣмъ-же въ могилу-съ? произнесъ онъ и опять кашлянулъ; знатнаго жениха, вродѣ Ковалева, конечно, сыскать трудно-съ, а не слишкомъ богатаго, да степеннаго—можно-съ!..

— Всякаго трудно, Ѳедорычъ, всякаго!.. Самъ ты говоришь, что вся Москва звонитъ о скандалѣ энтотъ, такъ, стало-быть, и надежды на жениха нѣтъ... Изъ инаго города если—такъ меня вездѣ знаютъ и вездѣ объ позорѣ моемъ толковать будутъ... Нѣтъ, Ѳедорычъ, не найти такого дурака, который-бы опороченную невѣсту взялъ!..

— Да-съ, дурака точно что не найти, а ежели человѣкъ съ понятіемъ, съ разсудкомъ, такъ онъ очень пойметъ, что особеннаго такого тутъ ничего нѣтъ-съ... Ну, полюбила съ конторщикомъ барышня—эка бѣда! Умный мужъ завсегда это дѣло поправить... Нѣтъ-съ, жениха найти можно, небогатаго, незнатнаго, а можно-съ.

Петръ Прохоровичъ задумчиво барабанилъ по ручкѣ кресла и ничего не отвѣтилъ.

— Богатые женихи изъ модныхъ, продолжалъ Обмолвинъ,—тѣ, точно обѣгутъ, тѣ не возьмутъ, потому за него отдадутъ и богатую и... и не осрамленную, а ежели такъ, средственный—тотъ возьметъ.

— За приказнаго, что-ли, какого отдать ее или за мастероваго! съ легкимъ раздраженіемъ спросилъ Петръ Прохоровичъ. Пусть ужъ лучше дома сидить...

— Зачѣмъ за приказнаго-съ...

Обмолвинъ переступилъ съ ноги на ногу.

— Ежели не прогнѣваю васъ, заговорилъ онъ слегка дрогнувшимъ голосомъ, такъ дозвольте имѣть честь къ вамъ въ зятя предложить себя...

Петръ Прохоровичъ вскинулъ глаза на почтительно стоявшаго у кресла Обмолвина.

— Тебя!.. Ты сватаешься къ Надеждѣ? спросилъ онъ.

— Осмѣливаюсь-съ... Я человѣкъ небольшой-съ, однако, худаго про меня сказать нечего, а благодаря хозяевамъ добрымъ, да хорошимъ—я и копѣйку-съ имѣю, хоть небольшую-съ, однако, про черный день хватить...

— Милость мнѣ дѣлаешь?.. Въ родѣ какъ-бы ради Христа дочь мою взять хочешь? мрачно проговорилъ Петръ Прохоровичъ.

— Боже меня сохрани!.. Какая-же это милость, Петръ Прохоровичъ, Господь съ вами! Самъ я милости хочу просить у васъ, за мои услуги многолѣтнія...

— На приданое льстишься? Охота денегъ побольше взять? съ дѣланной насмѣшкой спросилъ Петръ Прохоровичъ.

— Не объ этомъ рѣчь, а прямо скажу вамъ, что давно любя мнѣ Надежда Петровна, и давно я хотѣлъ

поговорить съ вами, да не смѣлъ-съ... Я хотя и не хуже людей, и состояннѣе, говорю, имѣю-съ, да человѣкъ служащій, опять же какъ-бы старенецъ для нихъ, для Надежды Петровны-съ, ну, и не смѣлъ... А теперь, когда вы сами разговоръ завели объ этомъ—я прошу васъ...

Лука Ѳедоровичъ низко поклонился. Крѣпко задумался Фарфоровъ, долго, долго стоялъ у стула новый искатель Наденькиной руки, мѣняясь въ лицѣ и безпокойно взглядывая по временамъ на склонившагося хозяина. Наконецъ послѣдній поднялъ голову.

— Хорошо, я подумаю, сказалъ онъ и, тяжело вздохнувъ, всталъ съ кресла. Поищи себѣ гдѣ-нибудь лавки на примѣтъ. Зятя въ прикащикахъ у тестя не жить, и я тебѣ отдѣльное дѣло заведу... Иди теперь въ лавку...

Низко поклонился Лука Ѳедоровичъ хозяину и вышелъ изъ комнаты.

Полнымъ торжествомъ и счастьемъ сіяло некрасивое, несимпатичное лицо старшаго прикащика, и гордой поступью прошелъ онъ по всѣмъ параднымъ комнатамъ хозяйскаго дома.

Не въ лавку пошелъ Лука Ѳедоровичъ, а зашелъ сначала домой,—жилъ онъ недалеко отъ дома Фарфорова, въ маленькомъ флигелѣ съ сестрой, старой дѣвичествой.

— Обѣдать будете, братецъ? спросила его сестра.

— Обѣдать? Нѣтъ, Маша, нонѣ обѣдать я не буду дома; нонѣ я у Тѣстова пообѣдаю, ухи стерляжей поѣмъ, осетрины свѣжей и всего этакаго, потому я

нонѣ дѣло одно оборудовалъ! весело говорилъ Лука Ѳедоровичъ, приведя въ недоумѣніе сестру, не привыкшую къ ласковымъ разговорамъ брата.

— Нда, дѣльце одно, хорошее дѣльце!.. Я, Маша, женюсь скоро...

— Женитесь?.. Поздравляю, братецъ, поздравляю; давно-бы пора, братецъ, я ужъ и то все подумывала объ этомъ... На комъ-же это, братецъ? усаживаясь рядомъ съ братомъ, спросила Марья Ѳедоровна.

— На комъ?.. На хорошей невѣстѣ, на богатой, на молодой... Женюсь я, Маша, на дочери своего хозяина, Петра Прохоровича Фарфорова...

— На Надеждѣ Петровнѣ? изумилась Марья Ѳедоровна.

— Да, на Надеждѣ Петровнѣ Фарфоровой.

— Братецъ, да вѣдь вы сами-же говорили мнѣ, что-бъ я отзвонила ее по всѣмъ сосѣдямъ, что-бъ я ее ославила, про шашни ея съ конторщикомъ всѣмъ говорила? Вѣдь она любовница конторщика была, братецъ...

— А теперь будетъ законной женой хлѣбнаго торговца, первой гильдіи купца Луки Ѳедоровича Обмолвина!.. Была-ли она любовницей Ивана Золотилова, про то я не знаю, а вотъ что она единственная дочь Фарфорова и что за ней сто тысячъ капитала—это я знаю... Сто тысячъ!.. А сосчитаешь ли ты въ два дня сто-то тысячъ? Хе, хе, хе... Не мнѣ-бы такую невѣсту, Маша, не съ моимъ-бы рыломъ въ зятя къ Петру Прохорычу лѣзть, да вотъ тутъ-то, тутъ-то у твоего брата много!..

Лука Ѳедоровичъ постучалъ себя по лбу.

— А какъ-же сосѣди-то теѣперь, братецъ? Вѣдь слава про нее, про Надежду-то, ой-ой, какая пущена!..

— Сосѣди? А сосѣди придутъ, да Лукѣ Ѳеодорычу честь воздадутъ, а предъ супругой его законной шапку будутъ ломать, особливо, ежели она въ соболяхъ, да въ бархатѣ на рыскахъ поѣдетъ...

— Ну, а она то?.. Ежели она точно любила съ конторщикомъ—вѣдь она васъ обманетъ, опять съ нимъ снюхается...

— Гмъ!.. Плохо ты знаешь своего брата, коли такъ говоришь... Шелки, да бархатъ не защита отъ мужниной плети, сестрица!.. Теперь я предъ Надеждой Петровной за десять шаговъ шапку ломаю, а тогда... тогда она одного моего слова бояться будетъ, отъ каждаго моего взгляда дрожать станетъ, да!.. До увиданья пока, сестрица, по дѣламъ пойду...

Лука Ѳеодоровичъ взялся за шапку.

— Такъ теперь, братецъ, не говорить про нее нехорошаго-то? спросила Марья Ѳеодоровна.

— Отчего? Нѣтъ, говори пока: вѣдь она еще не объявлена моей невѣстой.

И Лука Ѳеодоровичъ вышелъ изъ дома.

Круто повернулъ дѣло Петръ Прохоровичъ съ новымъ женихомъ дочери: въ день-же предложенія Луки Ѳеодоровича, вечеромъ, позвалъ онъ его и объявилъ, что согласенъ выдать за него дочь, при чемъ замѣтилъ, что и приданое, и ассигнованная сумма денегъ для Нади будутъ выданы ему полностью, какъ то было условлено съ Ковалевымъ. Облобызавшись съ будущимъ зятемъ, Петръ Прохоровичъ отперъ шкафъ и подаль Обмолвину пачку денегъ.

— Вотъ тутъ пять тысячъ, сказалъ онъ, изъ этихъ денегъ ты найми себѣ лавку,—товару я тебѣ отпущу, записку изготовь; потомъ квартиру себѣ найми, сдѣлай, что нужно изъ обстановки. Понадобится денегъ еще—скажешь, я тебѣ дамъ...

— Словъ не нахожу высказать чувство мое къ вамъ, благодарѣтель! со слезами на глазахъ проговорилъ Лука Оедоровичъ, трясущимися руками принимая деньги.

— И не надо... ты дочь мою береги, не обижай; помни, что она, ни лѣтами, ни полетомъ тебѣ не пара...

— Ахъ, Петръ Прохоровичъ, да я ихъ на рукахъ буду носить, дышать-то буду бояться при нихъ! умильно говорилъ счастливый женихъ.

— То-то... Ее вѣдь обидѣли напрасно, ты знай это... Я ее за тебя отдаю, чтобы глотки болтуновъ заткнуть, чтобы въ мужѣ защиту найти ей, и ты соблюдай ее, Лука, а тебя я не оставляю, дочь у меня одна, будешь счастливо, да хорошо жить съ ней—все твое будетъ...

Лука Оедоровичъ клялся, увѣрялъ въ нѣжной любви къ Надѣ и оставилъ Петра Прохоровича значительно успокоеннымъ за судьбу прогнѣвавшей его, но все-же любимой дочери.

Петръ Прохоровичъ скоро успокоился и на счетъ своей репутаціи, потерять которую онъ боялся пуще всего.

„Свадьба дочери, думалъ онъ, закроетъ рты болтуновъ, и хотя женихъ незавидный, но поставленный на извѣстную высоту, возведенный тестемъ въ почетный санъ крупныхъ коммерсантовъ — не осрамитъ его дочери, тѣмъ болѣе, если пустить слухъ, что онъ богатъ и самъ по себѣ, и что Ковалевъ, обиженный, будто-

бы, маленькой суммой приданого, которое давали ему, нарочно распустилъ слухъ о связи Нади съ конторщикомъ, и что записка была поддѣльная“.

Такъ все и было сдѣлано.

Тутъ и тамъ, то въ кружкахъ московскаго купечества, то въ трактирахъ, приближенные Петра Прохоровича распускали эти слухи, и недѣли черезъ двѣ послѣ скандала на дѣвичникѣ, Замоскворѣчье не знало что подумать: одни говорили, что фактъ связи Нади съ конторщикомъ вѣренъ; другіе утверждали, что все это вздоръ, что это шутики Ковалева, которому, будтобы, самимъ Петромъ Прохоровичемъ было отказано въ рукѣ дочери, желавшимъ отдать ее за богатаго и степеннаго главнаго прикащика. Какъ-бы то ни было, а когда Надя, одѣтая съ замѣчательной роскошью, хотя блѣдная и грустная, но съ улыбкой на лицѣ, пріѣхала въ какой-то праздникъ за обѣдню, въ мѣстную приходскую церковь, сопровождаемая отцемъ и новымъ женихомъ, на плечахъ котораго красовалась тысячная соболья шуба, а пальцы блестѣли брилліантами—знакомые кланялись съ почтительными улыбками и, по окончаніи обѣдни, въ самыхъ избранныхъ выраженіяхъ поздравляли Петра Прохоровича, Надю и солиднаго, полнаго достоинства жениха.

И Надя стала невѣстой второй разъ.

Она не противилась, не плакала даже, а, словно овечка, приведенная подъ ножъ мясника, склонила голову передъ волей отца и отдалась въ полное распоряженіе судьбы, видя во всемъ этомъ какую-ту кару Божию, нести которую она была должна безъ ропота. Такъ подсказывалъ ей разсудокъ, воспитанный традиці-

ями замоскорѣцкихъ обитателей; сердце говорило другое, но дѣвушка не слушала его, боялась слушать, какъ голоса злаго соблазнителя, сулящаго радости, счастье, но счастье, купленное грѣхомъ непослушанія родительской воли, а Надя не хотѣла этого...

Золотиловъ, уйдя отъ Фарфоровыхъ, помѣстился въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ-то на Бронной, и сталъ искать занятій, которыя скоро и нашелъ въ одной изъ московскихъ банкирскихъ конторъ.

Всѣ силы своей желѣзной воли собралъ молодой человекъ, что-бы совладать съ собой и не погибнуть отъ налетѣвшаго на него горя, которое смѣнило собой такъ неожиданно-негаданно пришедшее счастье.

Счастье это было велико.

Всю жизнь одинокій сирота, прошедшій тяжелую школу жизни безъ поддержки, безъ какого-либо участія, Золотиловъ мрачно смотрѣлъ на жизнь и, далеко не суровый отъ природы, казался такимъ съ перваго взгляда, какъ это часто бываетъ съ людьми, пробивающими себѣ дорогу собственнымъ тяжелымъ трудомъ и лишениями въ дѣтствѣ ласки матери, а въ юнѣствѣ любви и дружбы. Но при этомъ мрачномъ взглядѣ онъ все-же вѣрилъ въ возможность счастья, и счастья чисто личнаго, своего собственнаго, независимаго отъ того счастья, которое дается сознаніемъ исполненія долга.

Вѣрилъ онъ въ такое счастье, но никогда не ждалъ, что-бъ оно пришло къ нему; это происходило, конечно, отъ того, что судьба не баловала молодаго человека, и онъ не привыкъ къ радостямъ жизни, а всегда строгій къ себѣ, находилъ въ себѣ много недостатковъ и былъ увѣренъ, что не можетъ привлечь къ себѣ чьи-

нибудь симпатіи, особонно, симпатіи женщины, которыхъ онъ зналъ мало, ежели и зналъ, то съ дурной стороны, ибо, вращаясь среди торговаго міра, встрѣчалъ только, или бездушныхъ куколъ, посвящающихъ жизнь на наряды, или не менѣе бездушныхъ и совершенно ужь отвратительныхъ торговыхъ, размѣнявшихся на гроши и знавшихъ одно счастье—деньги.

Надя очаровала его.

Эта дѣвушка, хорошенькая, какъ ангелъ, нѣжная, деликатная, готовая на все доброе, съ ласковою рѣчью, задушевная—показалась ему какою-то лучезарною феей, сошедшей на землю дѣлать добро и освѣщать своимъ присутствіемъ мрачную жизнь людей, страдающихъ отъ обиды сильныхъ, отъ несправедливости, отъ тяжелой доли... И эта-то дѣвушка полюбила его!...

Да, полюбила: онъ почувствовалъ это, увидалъ это въ глубокихъ синихъ очахъ ея, подслушалъ въ звукѣ голоса, уловилъ въ пожатіи руки и задохнулся было отъ нахлынувшаго счастья...

Полюбилъ онъ Надю страстно, но эта не была та бѣшеная, дикая страсть, которая, какъ всесокрушающій пожаръ, охватываетъ человѣка и сжигаетъ его или тухнетъ отъ извнѣ дѣйствующихъ причинъ; нѣтъ, это была страсть сильная, но не вспыхнувшая моментально, а потому прочная, забравшая человѣка въ свою власть, что-бы никогда ужь не отпускать, и то тѣшить, ласкать собою, то мучить и сжигать, но огнемъ медленнымъ.

Золотилловъ „дышалъ“ Надей; какъ говорятъ, она была для него *все*.

Это была и его страстная любовница, женщина,

олицетворившая идеаль красоты, и нѣжный другъ; дорогой, милый другъ, и ребенокъ, которому нужна ласка, поддержка... И вотъ въ одинъ день у него отняли это *все*.

Человѣкъ одеревенѣлъ; онъ, быть можетъ, умеръ-бы, но этому помѣшала крѣпкая натура; лишилъ-бы себя жизни, но идея объ этомъ не являлась, ибо всѣ силы ума, воображенія сосредоточились на только что оставившемъ его счастіи. Воспоминаніе объ этомъ счастіи наполнили всего *человѣка, и настоящую* жизнь онъ не жилъ; это была не жизнь, а то прозябаніе, которое ведетъ человѣкъ, потерявшій все и не убивающій себя только потому, что объ этомъ именно не является идеи въ опустѣлой, больной головѣ. Такъ и жилъ Золотилловъ до тѣхъ поръ, пока узналъ о скандалѣ въ домѣ Фарфоровыхъ.

Этотъ слухъ, дошедшій до него уже черезъ недѣлю или болѣе послѣ скандала, встряхнулъ его, привелъ въ себя.

Передаваемая изъ устъ въ уста „исторія“ въ домѣ Фарфорова разошлась, конечно, по всей Москвѣ бѣлокаменной, и рѣдко кто, особенно, изъ купеческаго міра, не зналъ ее, конечно, раздутую, прикрашенную и искаженную, а такъ какъ имя Фарфорова было достаточно популярно среди московскаго купечества, то объ ней толковали съ наибольшей охотой.

Одинъ разъ Золотилловъ зашелъ въ трактиръ напиться чаю; усѣвшись въ отдаленный уголокъ, онъ закурилъ сигару и задумался. Забиться въ уголь, закурить и думать, думать, уноситься куда-то далеко и забывать все окружающее сдѣлалось послѣднее время его привычкой и наслажденіемъ.

Сидѣвшіе за сосѣднимъ столикомъ купцы говорили о томъ, о семъ, спорили о какомъ-то важномъ дѣлѣ, а Золотиловъ и не слыхалъ почти ихъ, точно ихъ тутъ и не было, но вотъ кто-то упомянулъ фамилію Фарфорова—молодой человѣкъ встрепенулся.

— Да, ему, конечно, прискорбно, говорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—онъ въ славѣ, въ силѣ, и вдругъ единственная дочь такой афронтъ преподнесла!...

— Ловко его остригла! засмѣялся другой. Говорять, красавица собой-то?

— Писанная, изо всей Москвы.

— Поди ты!... А любовникъ-то кто? Изъ благородныхъ, что-ли, какой?

— Какое изъ благородныхъ! Такъ, служащій, конторщикъ ихній, Золотиловъ какой-то...

Золотиловъ, выронивъ сигару, впился глазами въ говорившихъ и весь обратился въ слухъ.

— Какъ-же все дѣло-то вышло? спросилъ одинъ изъ купцовъ.

Начавшій разговоръ передалъ извѣстное читателю происшествіе съ различными добавленіями и комментаріями.

Не помня, какъ говорится, себя, вышелъ Золотиловъ изъ трактира и, вскочивъ въ сани перваго попавшагося извозчика, велѣлъ везти себя къ Фарфорову.

Посадивъ сѣдока „безъ ряды“, извозчикъ постарался заслужить, и черезъ четверть часа Золотиловъ, не успѣвъ еще вполнѣ придти въ себя, былъ уже у дома Фарфоровыхъ.

— Дома Петръ Прохоровичъ? спросилъ онъ у дворника.

Тотъ, знавшій и Золотилова, и всю исторію, оглядѣлъ молодаго человѣка съ ногъ до головы съ величайшимъ изумленіемъ.

— Хозяина вамъ, надо, Иванъ Миколаичъ? переспросилъ онъ.

— Да, да, Петра Прохоровича... Дома онъ?

Дворникъ почесалъ затылокъ.

— Енъ дома...

Золотилловъ пошелъ въ калитку, но дворникъ загордилъ ему дорогу.

— Я, Иванъ Миколаичъ, не воленъ пропустить тебя, потому опасливо—не вышло-бы чаво... Коли тебѣ нужно, такъ я пойду спрошу напередъ, нерѣшительно проговорилъ стражъ.

Золотилловъ грустно улыбнулся.

— Хорошо, проговорилъ онъ, поди, доложи Петру Прохоровичу, что его желаетъ видѣть Иванъ Николаевичъ Золотилловъ, а я подожду здѣсь...

Дворникъ подумалъ немного, оглядѣлъ Золотилова съ ногъ до головы и пошелъ.

Молодой человѣкъ закурилъ папиросу и присѣлъ на тумбочку.

Сотни мыслей проносились у него въ головѣ, при взглядѣ на богатый домъ Петра Прохоровича. Воскресли воспоминанія... какъ живой, всталъ передъ нимъ чудный образъ любимой дѣвушки...

„Вотъ она тутъ, близко отъ него, а какая страшная пропасть отдѣляетъ ихъ!“ думалось ему. „А пропасть эту перешагнуть нѣтъ ничего легче, лишь-бы она согласилась на это: тройка лихихъ коней, товарищъ—сорви-голова, нѣсколько рублей вотъ этому ревниво

оберегающему домъ стражу, и кончено дѣло, — она его! А тамъ сельская церковь, свадьба и счастье, безъ конца счастье... Но, нѣтъ, она не пойдетъ на это, а скорѣй умереть, скорѣй похоронить себя въ этихъ каменныхъ палатахъ, какъ въ гробѣ“...

Золотиловъ въ глубокомъ отчаяніи опустилъ голову.

Визгъ полозьевъ по снѣгу и мѣрный топотъ рысака заставили его очнуться. Изъ воротъ выѣхали сани, запряженные рысакомъ, и въ этихъ саняхъ сидѣла Надя рядомъ съ матерью, а напротивъ помѣщался Лука Ѳедоровичъ Обмолвинъ, шикарно кутающійся въ соболю шубу и въ блестящемъ цилиндрѣ на головѣ.

Золотиловъ вскочилъ съ мѣста и замеръ. Никто не замѣтилъ молодого человѣка, и сани, мелькнувъ по переулку, скрылись за угломъ.

— Милая, дорогая моя! прошепталъ Золотиловъ, и двѣ слезинки скатились изъ его глазъ.

Узнавъ въ трактирѣ о событіи въ домѣ Петра Прохоровича, Золотиловъ еще не зналъ, что Надя просватана за Обмолвина, и теперь, увидавъ его, богато одѣтаго, въ однихъ саняхъ съ Надей и ея матерью, чего прежде никогда не бывало, задумался.

„Что-же это Обмолвинъ-то съ ними?“ думалъ онъ. „Ужъ не отдають-ли Паденьку за кого, и не за родственника-ли какого Обмолвина? Шуба соболя, цилиндръ, важно такъ сидитъ въ саняхъ... Господи, какъ-бы это узнать все!“..

— Зоветъ Петръ Прохорычъ въ контору, пожалуйста, вывелъ Золотилова изъ раздумья вышедшій изъ воротъ дворникъ.

Молодой человекъ вздрогнулъ и съ поблѣднѣвшимъ лицомъ вошелъ во дворъ.

Въ конторѣ никого не было кромѣ Петра Прохоро-
вича, который заломивъ руки за спину, ходилъ изъ
угла въ уголъ; при входѣ Золотилова онъ остановился
посреди комнаты и вперилъ въ вошедшаго взглядъ; и
злорада, и страхъ, и напряженное любопытство были въ
этомъ взглядѣ, пронизывающемъ насквозь. Золотилловъ,
все еще немного блѣдный, но спокойный, твердо встрѣ-
тилъ этотъ взглядъ и поклонился бывшему хозяину.

— Здорово.... Что скажешь? нѣсколько дрогнувшимъ
голосомъ проговорилъ Петръ Прохоровичъ. — За хлѣбъ,
за соль, пришелъ благодарить, что-ли!... Новое зло
какое придумалъ, можетъ...

— Я пришелъ къ вамъ, Петръ Прохоровичъ, объ-
ясниться, заговорилъ Золотилловъ. — До меня дошли слухи,
слухи нехорошіе, и я хочу снять пятно, которое бро-
сили злые люди на меня и на вашу, ничѣмъ неповин-
ную, дочь... Я слышалъ, что женихъ вашей дочери,
купецъ Ковалевъ, отказался отъ нея и публично оскор-
билъ ее и васъ, объяснивъ, что ваша дочь... была
моей любовницей... Это — подлая, гнусная сплетня!...
Ковалеву нагнали на меня и на Надежду Петровну...

— А записка? спросилъ Петръ Прохоровичъ.

— Записка?... Записка, въ которой Надежда Пе-
тровна говорить, что...

— Да вѣдь она, она писала-то ее?

— Она; но развѣ эта записка доказываетъ что-ни-
будь?... Въ этой запискѣ Надежда Петровна гово-
рить...

— Знаю я! перебилъ Петръ Прохоровичъ. Ты мнѣ

— скажи, какъ она, эта записка проклятая, попала къ Ковалеву.

Золотиловъ пожалъ плечами.

— Это — какая-то тайна, которую разъяснить я отъ казываюсь! проговорилъ онъ.

— А не ты ее передалъ? насупивъ брови, спросилъ Петръ Прохоровичъ и впился глазами въ Золотилова.

— Я, Петръ Прохоровичъ, люблю вашу дочь больше своей собственной жизни и поэтому, судите сами, могъ-ли я это сдѣлать... Да я и честный человѣкъ, Петръ Прохоровичъ! твердо сказалъ Золотиловъ, глядя своими свѣтлыми покойными глазами на Фарфорова.

Тотъ опустилъ голову и въ раздумьи прошелся по комнатѣ.

— Гдѣ-же у тебя была эта записка? спросилъ онъ, останавливаясь передъ молодымъ человѣкомъ.

— На квартирѣ была; жилъ я тутъ недалеко, у чиновницы одной комнатку снималъ, у меня случилась пропажа, платье кой-какое пропало, вещи; въ карманѣ украденнаго сюртука была и эта записка...

— Кого-же ты подозрѣвалъ въ этомъ?

— Никого не подозрѣвалъ; окно было не вставлено, выходитъ оно въ садъ, кто-нибудь и залѣзъ.... Я, ушедши отъ васъ, погуливалъ... Пилъ я тогда недѣли двѣ....

— Говоришь ты словно правду, а между тѣмъ.... Чудеса, чудеса! покачалъ Петръ Прохоровичъ головой и снова прошелся по комнатѣ.

— Ну, какъ-бы тамъ ни было, а ты, за мою хлѣбъ-соль, за ласку мою отплатилъ мнѣ зломъ! сказалъ онъ. — Очернилъ ты дочь мою, опозорилъ меня.... Да,

Богъ съ тобой, иди, я не сержусь... У дочери моей есть другой женихъ: она выходитъ за Луку Ѳедоровича Обмолвина...

Золотиловъ дрогнулъ и порывисто шагнулъ впередъ.

— Что?... Что вы сказали?... Господи, что вы сказали такое? проговорилъ онъ, схвативъ Петра Прохоровича за руку.

Тотъ съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Что вы сказали, Петръ Прохоровичъ? Что вы сказали? повторилъ Золотиловъ, сжимая руку Фарфорова. Да статочное-ли это дѣло... Надю... Надежду Петровну за Обмолвина? Господи да это невозможно, невозможно!...

— Ты помѣшался; что-ли, любезный? насмѣшливо спросилъ Петръ Прохоровичъ. Тебѣ-то что, за кого я выдаю дочь?

— Мнѣ что? Что мнѣ? Да вѣдь я люблю ее!... Вѣдь она мнѣ дороже жизни, милѣе свѣта бѣлаго!... Петръ Прохоровичъ, не отдавайте вашу дочь за этого старика, злаго, корыстнаго старика!... Что она сдѣлала, что вы ее такъ страшно наказываете?

— Она опозорила, и себя, и меня, и весь домъ мой!... Коли на то пошло, такъ я тебѣ вотъ что скажу: надо земно поклониться Обмолвину, что онъ беретъ ее, да!... Ты, мальчишка, молокососъ, погубилъ, было, ее! Спасибо, что еще онъ не брезгуетъ... Вѣдь она любовницей твоей прославлена!...

Петръ Прохоровичъ вырвалъ свою руку изъ рукъ Золотилова и отошелъ отъ него.

— Прославлена! горько усмѣхнулся Золотиловъ. А правда-ли это? Есть-ли хоть сотая доля правды-то въ

этомъ?... Эхъ, Петръ Прохоровичъ, Петръ Прохоровичъ, изъ-за пересудовъ болтуновъ разныхъ вы свою дочь погубить хотите...

— Да тебѣ-то что за дѣло? возвысилъ голосъ Петръ Прохоровичъ. Ты-то какъ смѣешь выговаривать мнѣ? Что еще за совѣтчикъ нашелся!... Я дивлюсь на себя, какъ это я тебя слушаю тутъ, какъ я тебя прогнать отсюда не прикажу... Что ты такое!... Кто ты такой?

— Я?... Я—человѣкъ, который любить вашу дочь больше всего и котораго любить она. . Если-бъ тутъ, кругомъ васъ стража съ ножами стояла, готовая зарѣзать меня—я-бы и тогда пришелъ и сказалъ вамъ это ... Петръ Прохоровичъ, я изъ за счастія своего и вашей дочери молю васъ...

Золотилловъ шагнулъ впередъ и опустился на колѣни передъ Фарфоровымъ.

— Молю васъ:—отдайте ее мнѣ!... Я не богатъ, не знатенъ, но мы любимъ другъ друга и счастливы будемъ .. Не надо мнѣ денегъ вашихъ, я самъ проживу безбѣдно: на радость вамъ и вашей женѣ мы будемъ жить... Вѣдь Обмолвинъ изъ-за золота вашего, изъ-за денегъ хлопочетъ?!... Вѣдь она, дочь ваша, погибнетъ съ нимъ... Батюшка, родной, отдайте мнѣ ее, отдайте!...

Золотилловъ съ рыданіемъ схватилъ руки Петра Прохоровича и покрылъ ихъ поцѣлуями.

Молча, вѣсь блѣдный, стоялъ Петръ Прохоровичъ, не отнимая рукъ у Золотилова.

— Нѣтъ! проговорилъ онъ... Нѣтъ Иванушка, это дѣло несбыточное!.. Такъ-ли, саякъ-ли, а ужъ, видно суждено Надѣ быть за Обмолвинымъ... Можетъ-быть,

я-бы и отдалъ ее за тебя, можетъ быть, вы-бы и были счастливы, да нѣтъ, этому не бывать... Не бывать потому, что ужъ и безъ того очернили достаточно, а тутъ еще за тебя отдать ее... Ой, нѣтъ, не подь силу мнѣ это!... Счастье-то счастьемъ, да и честь вѣдь у насъ есть, — больно вѣдь замарать-то ее!... Честь-то свою, Иванушка, я шесть десятковъ лѣтъ оберегалъ, такъ на седьмомъ-то десяткѣ на позоръ людямъ бросать ее не хочется, да и силъ не хватить... Иди, иди съ Богомъ, не смущай меня...

Петръ Прохоровичъ поднялъ Золотилова.

— Иди, Иванушка, этому не бывать!... Коли придетъ нужда какая — приходи ко мнѣ, я помогу тебѣ... Я противъ тебя зла не имѣю.... Я ... полюбилъ тебя....

Петръ Прохоровичъ еле еле сдерживалъ душившія его слезы.

— Эхъ, не такъ вы дѣло начали! проговорилъ онъ и, махнувъ рукой, вышелъ изъ комнаты.

Золотилловъ постоялъ, оглянулся кругомъ, и провелъ рукой по лицу.

— Такъ не бывать-же ей за нимъ! прошепталъ онъ, скрипнувъ зубами, и быстро вышелъ слѣдомъ за Петромъ Прохоровичемъ.

Чрезъ полчаса онъ подъѣзжалъ къ дому Ковалева, погоняя извозчика каждую секунду.

Ковалевъ принадлежалъ къ той породѣ людей, которымъ дороже всего на свѣтѣ свое дѣло и извлекаемая изъ него польза; во имя этого дѣла и этой пользы такіе люди жертвуютъ всѣмъ и, помимо дѣла и пользы ничего не знаютъ, ни къ чему не привязываются и ко всему относятся крайне легко. Такъ и Ковалевъ: пер-

вое время онъ было затосковалъ о Надѣ, которую полюбилъ, но любовь эта жила въ черствой, маклаческой душѣ до тѣхъ поръ, пока не было ей никакой помѣхи; но только что извнѣ былъ данъ толчекъ въ другую сторону, только что любви *помѣшали*, какъ она и прошла, жениться было не удобно—мелкое самолюбіе должно было страдать—и любовь нужно было *бросить*, какъ бросаютъ хоть и дорогую, но чѣмъ-либо оказавшуюся неудобною вещь. Ковалевъ и бросилъ. Не было у него, ни страданій ни борьбы; не являлось попытки какъ-нибудь устроить дѣло: факту связи Нади съ конторщикомъ онъ повѣрилъ, и этого было совершенно достаточно. И если онъ иногда жалѣлъ о чемъ, такъ это о крупномъ приданомъ потерянной невѣсты, но за это онъ вознаградилъ себя устроеннымъ скандаломъ.

Не болѣе какъ черезъ недѣлю Степанъ Егоровичъ забылъ свою красавицу-невѣсту и утѣшилъ себя надеждой сыскать другую, не хуже ея и не бѣднѣе. Пріятели также не мало помогли ему совершенно отвернуться отъ „Фарфоровской красавицы съ ребенкомъ“.

Лукъ Ѳедоровичу Ковалевъ подарилъ, въ благодарность за открытіе „подлаго намѣренія“, великолѣпные золотые часы и обѣщалъ всю жизнь помнить доброе дѣло, которое сдѣлалъ почтенный Лука Ѳедоровичъ, удержавъ его, Степана Егоровича Ковалева, отъ женитьбы на порочной дочери Фарфорова.

Занятый дѣлами по торговлѣ, Ковалевъ послѣдніе дни даже и разговоры не слыхалъ о Надѣ и не зналъ, что она помолвлена за Луку Ѳедоровича, какое событіе сильно-бы уязвило его самолюбіе: Надя, хотя и брошенная имъ, была его невѣстой, и вдругъ,

та самая Надя, невѣста Степана Егоровича Ковалева, дѣвушка, которой онъ дѣлалъ честь предложеніемъ, выходить за какого-то прикащика, за наймита, не всегда удостоиваемаго пожатіемъ руки имъ, Ковалевымъ! Это ставило какъ-бы какого-то тамъ Обмолвина на одну доску съ Ковалевымъ и для „купецкаго“ самолюбія было ударомъ весьма чувствительнымъ.

Золотилловъ первый сообщилъ о помолвкѣ Нади.

Приѣхавъ къ Степану Егоровичу, онъ попросилъ доложить о себѣ, какъ о человѣкѣ, имѣющемъ очень важное дѣло до хозяина.

Ковалевъ принялъ Ивана Николаевича въ своемъ кабинетѣ.

— Имѣю честь кланяться, проговорилъ Золотилловъ, поклонившись хозяину; позвольте отрекомендовать себя: Иванъ Николаевичъ Золотилловъ, бывшій конторщикъ Петра Прохоровича Фарфорова...

Ковалевъ съ любопытствомъ окинулъ взглядомъ молодого человѣка, сыгравшаго въ его жизни не послѣднюю роль.

— А, вотъ какъ! проговорилъ онъ, пристально разглядывая Золотилова и предлагая ему стулъ.

— Я имѣю до васъ очень серьезное дѣло, Степанъ Егоровичъ, сказалъ Золотилловъ, и прошу васъ удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ...

Хотя надменный Ковалевъ ничего не могъ чувствовать, кромѣ презрѣнія „къ какому-то конторщику“, сыгравшему въ любовь съ дѣвушкой, выбранной Ковалевымъ въ невѣсты, но Иванъ Николаевичъ имѣлъ такую открытую наружность, держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что гордый миллионеръ вѣжливо покло-

нился ему и предложилъ себя въ его полное распоряженіе.

— Вы изволили свататься къ дочери Петра Прохоровича Фарфорова и получили согласіе, началъ Золотовъ, — дозвольте узнать — по какой причинѣ вы отказались отъ невѣсты?.. Извините меня за такой вопросъ, но я человѣкъ, близко заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, а потому...

— А потому и должны хорошо знать эту причину! улыбнулся Ковалевъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что не знаю... Я говорю, что заинтересованъ въ этой исторіи, но изъ этого не слѣдуетъ, что я посвященъ въ нее... Мнѣ извѣстно только, что вамъ передана записка Надежды Петровны, въ которой сказано очень мало и которая ничего не доказываетъ. Странно предположить, что вы отказались только изъ-за этой записки!

— Ну, какъ сказать! усмѣхнулся опять Ковалевъ. Я не знаю, какъ вы полагаете, а, по нашему, не много радости жениться на дѣвушкѣ, которая пишетъ любовныя записки служащимъ ея отца!

-- Любовныя? Да развѣ изъ записки, которую вамъ передали, видно что-нибудь? Въ этой запискѣ Надежда Петровна показала лишь свою кроткую душу, свою покорность волѣ отца, и если вы любили ее, то странно, очень странно, что вы такъ легко ее бросили!..

— А вы почему знаете, какую записку мнѣ передали? спросилъ Ковалевъ.

— Я знаю, что вамъ передана записка, а такъ какъ Надежда Петровна писала мнѣ только одинъ разъ, то я знаю, конечно, и содержаніе этой записки... Ужели

только эта записка заставила васъ бросить Надежду Петровну и такъ жестоко оскорбить ее? горько улыбнулся Золотилловъ.

Ковалевъ поморщился.

— Ну, не только эта записка! процѣдилъ онъ сквозь зубы. Да дозвольте спросить: какая у васъ цѣль-то прихода ко мнѣ? Вы хотите помирить меня съ Фарфоровымъ, что-ли? Или хотите оправдать себя и Надежду Петровну?

— Моя цѣль—узнать того мерзавца, который вамъ передалъ эту записку, сказалъ Золотилловъ. Я желаю найти его и заставить снять пятно, которое онъ бросилъ на дѣвушку и загубилъ ее!...

— Да чѣмъ-же она загублена? Скандалъ-то произошелъ? Это дѣло въ нашемъ быту не рѣдкое, „перемелется—мука будетъ!“

— Нѣтъ-съ, не то вы толкуете!.. Если Надежду Петровну выдаютъ за Луку Обмолвина, такъ это хуже смерти, я такъ полагаю! горячо проговорилъ Золотилловъ.

— Какъ за Обмолвина? изумился Ковалевъ, вставая съ мѣста.

— Да-съ, за него... За этого гнуснаго, черстваго человѣка, корыстолюбиваго, злаго, отвратительнаго!..

— Да можетъ-ли это быть?! воскликнулъ Ковалевъ. Да когда-же это случилось?

— Недавно-съ, а на дняхъ и свадьба будетъ... Ковалевъ прошелъ по комнатѣ.

— А вотъ она штука-то какая! задумчиво проговорилъ онъ. Ахъ, онъ подлець, подлець!.. Такъ погодите-же, любезный, мы его выведемъ на свѣжую воду,

этого рыжаго мерзавца!.. Вѣдь записку доставилъ мнѣ онъ...

— Кто? вскочилъ Золотиловъ.

— Онъ, Лука Обмолвинъ... Пришелъ ко мнѣ, прикинулся доброжелателемъ и разсказалъ всю исторію, а въ доказательство представилъ записку.

— А, такъ вотъ онъ какъ въ женихи-то попалъ! съ бѣшенствомъ прошепталъ Золотиловъ, Погоди-же, проклятый... Степанъ Егоровичъ, разскажите, Бога ради, что-же онъ вамъ говорилъ еще, какъ онъ Надю-то опозорилъ передъ вами? съ мольбой въ голосъ проговорилъ Золотиловъ.

— Онъ говорилъ, что вы ея любовникъ, что у ней былъ ребенокъ отъ васъ... Я-бы не повѣрилъ, можетъ, но эта записка несчастная вотъ какъ перевернула меня, а Обмолвинъ говорилъ такъ убѣдительно, такимъ другимъ прикинулся... Скажите, голубчикъ, вы не были любовникомъ Надежды Петровны?

— Нѣтъ-же, нѣтъ!.. Да развѣ она такая, что-бы имѣть любовника?.. О, это святая, непорочная, не отъ міра сего, дѣвушка!.. Я любилъ ее, любила и она меня, но она слишкомъ мягка, слишкомъ кротка, что-бы вести борьбу, и лишь только ей объявили, что у ней есть женихъ,—вы, она покорила въ волѣ отца и написала мнѣ записку, въ которой отказалась отъ счастья и отказала въ немъ мнѣ... И записка этой кроткой дѣвушки погубила ее, опозорила, а теперь и совсѣмъ въ могилу кладетъ!..

Ковалевъ во время этихъ словъ Золотилова, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ. Злоба на Обмолвина, угрызеніе совѣсти, досада на свою довѣрчивость, жалость къ

Надѣ—такъ и забушевали въ груди молодаго купца... И дѣла забылъ онъ въ эту минуту.

— Что-же мнѣ дѣлать, голубчикъ, было? мягко проговорилъ онъ. Этотъ подлець такъ увѣрилъ меня... Да погоди-же, не видать тебѣ этой невѣсты!..

Ковалевъ позвонилъ.

— Заложить мнѣ лошадь, живо! приказалъ онъ вошедшему человѣку. Я сію минуту поѣду къ Фарфорову и все объясню ему... Какъ я ему покажусь только, какъ покажусь!.. Вѣдь и скандалъ-то уговорилъ меня устроить этотъ мерзавецъ...

— Ничего, поѣзжайте, Степанъ Егоровичъ, авось, вы спасете Надежду Петровну, авось, не отдадутъ ее за этого отвратительнаго Обмолвина! горячо проговорилъ Золотиловъ. А я... я ужъ сосчитаюсь съ нимъ!..

Взявъ слово съ Ковалева въ неотложной поѣздкѣ къ Фарфорову, Золотиловъ ушелъ отъ него, глубоко взволнованный, глубоко потрясенный. Часъ спустя, онъ былъ на Никольской и торговалъ въ тульской лавкѣ большой охотничій ножъ.

— Зачѣмъ это, покупаете, сударь, али изъ охотниковъ? спросилъ торговецъ, подозрительно посматривая на блѣдное, взволнованное лицо молодаго человѣка.

— Да, отчасти... Имѣнье у меня есть тутъ недалеко, такъ получилъ письмо, что волки одолѣли, отбою нѣтъ, пишутъ, ну, вотъ и хочу поохотиться...

Золотиловъ отдалъ деньги и, спрятавъ ножъ въ карманъ, вышелъ изъ магазина.

А Лука Ѳедоровичъ сидѣлъ въ это время у невѣсты. Въ модной визиткѣ, надушенный, съ брилліантами

въ запонкахъ сорочки, съ брилліантами въ перстняхъ, сидѣлъ онъ и нашептывалъ сладкія рѣчи блѣдной, задумчивой Надѣ. Петръ Прохоровичъ тутъ же сидѣлъ за чаемъ и задумчиво глядѣлъ на одну точку, поигрывая часовой цѣпочкой.

— Да-съ, Надежда Петровна, заживемъ мы отлично-съ! говорилъ женихъ, сладко улыбаясь. — Въ театрахъ-съ, въ балахъ разныхъ отказу вамъ не будетъ-съ, потому я самъ желаю пожить, какъ слѣдуетъ... Можетъ, я старенецъ для васъ, такъ это ничего-съ, потому пожилой-то мужъ жену больше любить, да вѣдь и не старъ я еще-съ: всего сорокъ три года, а на лицо-то и тридцати пяти нѣтъ-съ, потому я жилъ скромно, соблюдалъ себя-съ... Вы обижаете меня: все грустите-съ, да плачете, точно я дряхлый старикъ или уродъ какой-съ?.. Вѣрно я говорю-съ?

Надя хотѣла что то сказать, но въ эту минуту вошелъ одинъ изъ прикащиковъ.

— Степанъ Егоровичъ Ковалевъ пріѣхали, желаютъ видѣть Петра Прохоровича, доложилъ онъ.

Точно громомъ поразили эти слова сидѣвшихъ въ комнатѣ.

Петръ Прохоровичъ всталъ со стула и широко раскрылъ глаза; Надя изумленно смотрѣла, то на отца, то на вошедшаго прикащика, то на жениха. А женихъ сдѣлался бѣлѣе своей голландской сорочки и словно замеръ на мѣстѣ.

— Ковалевъ? переспросилъ наконецъ Петръ Прохоровичъ. — Да ты не перепуталъ-ли? Знаешь-ли ты его?

— Какъ-же не знать, знаю-съ, сказалъ прикащикъ. Они пріѣхали и приказали доложить о себѣ... Они въ залѣ ждутъ-съ...

Петръ Прохоровичъ развелъ руками и, застегнувъ сюртукъ, пошелъ въ залу.

Ковалевъ, ожидавшій Фарфорова въ залѣ, быстро подошелъ къ нему и, остановившись шагахъ въ двухъ, низко поклонился, прижавъ правую руку къ сердцу.

— Простите меня, глубокоуважаемый Петръ Прохоровичъ, — я очень, очень виноватъ передъ вами!... Вамъ мудрено и простить меня, я знаю это, но... но я все-же пришелъ къ вамъ и попытаюсь испросить у васъ хотя нѣкотораго снисхожденія ко мнѣ... Вашу дочь оклеветали передо мной, я напрасно оскорбилъ, и ее, и васъ... Бога ради, простите меня!... Но я, Петръ Прохоровичъ, былъ... Я былъ такъ искусно обманутъ, что мнѣ мудрено было и не повѣрить, а повѣривши, я былъ оскорбленъ... Но все-же простите, простите меня!..

Все это молодой человѣкъ проговорилъ взволнованнымъ дрожащимъ голосомъ; рѣчь его прерывалась на каждомъ словѣ.

Петръ Прохоровичъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ его.

— Позвольте, заговорилъ онъ, — я плохо понимаю васъ... Вы пріѣхали ко мнѣ просить прощенія, но вѣдь вы опозорили-то меня сознательно?... Вѣдь по вашему приказу пріѣхалъ вашъ шаферъ дѣлать скандалъ въ моемъ домѣ?

— Да, да, но я говорю вамъ, что меня ввели въ обманъ, вашу дочь оклеветали передо мной...

— А развѣ вы теперь думаете, что переданную вамъ записку писала не Надя? спросилъ Петръ Прохоровичъ.

— Нѣтъ, я и теперь знаю, что записку писала она, но поступить такъ меня заставила не одна только эта

записка: мнѣ еще сказали, что ваша дочь любовница Золотилова, что у ней былъ ребенокъ... Записку мнѣ передали, какъ доказательство, а я не провѣрилъ сообщеннаго... Я поступилъ очень не хорошо, Петръ Прохоровичъ!...

— Ребенокъ?... Вамъ сказали, что у Нади былъ ребенокъ? Какой-же мерзавецъ дѣлалъ все это?... Вы, коли вы правду покаялись, должны сказать мнѣ, кто это устроилъ-то все, у какого подлеца хватило на это совѣсти?... Я найду на него судъ, хоть вы и опозорили меня, есть еще люди, которые заступятся за меня...

Ковалевъ грустно усмѣхнулся.

— Этотъ человѣкъ близокъ вамъ нынѣ, Петръ Прохоровичъ, сказалъ онъ. Это—Лука Обмолвинъ...

Петръ Прохоровичъ дрогнулъ, по лицу его разлилась смертная блѣдность; зашатавшись онъ опустился на ближній стулъ и взялся за голову.

— Лука Обмолвинъ! простоналъ старикъ и опустил свою сѣдую голову на грудь. Господи, за что Ты такъ страшно караешь меня? За какой тяжкій грѣхъ Ты послалъ на меня такія напасти?... Опозорили дочь, опозорили почти безъ вины, убили меня горемъ, а потомъ... Потомъ я человѣкъ, который все и сдѣлалъ-то это—далъ въ женихи имъ-же погубленной дочери, ослабилъ это по всей Москвѣ... Опять, что-ли, разстроить свадьбу?... Опять свое и дочернино имя на позоръ отдать?... О, Господи, Господи, какъ ты покаралъ-то меня!...

Петръ Прохоровичъ, закрывши лицо руками, зарыдалъ.

— Петръ Прохоровичъ, успокойтесь, не отчаявай-

тесъ такъ! подошелъ къ нему Ковалевъ. — Все это устроится какъ-нибудь... Если вы не лишите меня чести — я опять готовъ просить руки вашей дочери...

Петръ Прохоровичъ всталъ.

— Нѣтъ! сказалъ онъ, утирая градомъ катившіяся слезы. — Нѣтъ, это дѣло нестаточное, Степанъ Егоровичъ!... За честь — благодарю, а отказываю.... Пусть будетъ что угодно Господу Богу, а дочь моя трижды невѣстой не будетъ, нѣтъ!... „Вотъ, скажутъ люди, богатый женихъ, купецъ Ковалевъ, опозорилъ дочь Фарфорова, а потомъ, опозоренную-то, опять беретъ, знать де, много заплатилъ ему за это Фарфоровъ и долго въ ногахъ у него валялся“!.. Нѣтъ, это не дѣло, Степанъ Егоровичъ... Да и вамъ это не рука: вамъ не зачѣмъ марать свое имя... Ужь пусть... пусть моя доченька горькая, несчастная, безвинно опозоренная...

Голосъ задрожалъ у старика.

— Пусть ужъ она... идетъ за злодѣя своего или... или безвинной страдальцей въ могилу ляжетъ...

Петръ Прохоровичъ глухо зарыдалъ и упалъ на стулъ.

Ковалевъ, блѣдный, глубоко взволнованный бросился къ нему и закричалъ на весь домъ:

— Эй, кто тамъ есть, сюда, сюда идите, — Петру Прохоровичу дурно!

Почти разомъ отворились двери изъ прихожей и гостиной; изъ первой выбѣжали прикащикъ и горничная, во-вторыхъ показались страшно встревоженные Обмолвинъ и Надя; послѣдняя подбѣжала къ отцу, склонилась надъ нимъ и охватила его голову руками.

— Дайте воды и скачите за докторомъ! крикнулъ Ковалевъ прислугѣ и быстро подошелъ къ Лукѣ Оедо-

ровичу.—Это все твое дѣло, мерзавецъ! съ бѣшенствомъ прошепталъ онъ, и звонкая пощечина громко раздалась по громадной залѣ. Лука Ѳедоровичъ пошатнулся и едва удержался на ногахъ.

— Не безпокойтесь, Надежда Петровна, обратился Ковалевъ къ Падѣ,—я сію минуту привезу доктора...

И молодой человѣкъ быстро вышелъ изъ комнаты. Обмолвинъ, блѣдный, съ трясущимися губами проводилъ его растеряннымъ взглядомъ, поправляя сбившуюся отъ удара прическу.

Стемнѣло. Поднялся холодный сѣверный вѣтеръ, пошелъ снѣжокъ.

Тихо было въ пустынной улицѣ, въ которой стоялъ богатый домъ Петра Прохоровича, и только кое-гдѣ у воротъ дремали дежурные дворники, да изрѣдка проезжалъ какой-нибудь купецъ изъ „города“ на своемъ сытомъ жирномъ конѣ.

Въ окнахъ дома Фарфорова не было видно огней, только въ крайнемъ едва-едва мерцала лампадка, кидая дрожащую полоску свѣта поперекъ улицы.

Закутавшись воротникомъ барашковаго пальто, по тротуару, шагахъ въ десяти отъ дома Петра Прохоровича, ходилъ какой-то человѣкъ, согрѣваясь отъ пронзительнаго вѣтра сильными движеніями и постукивая ногой объ ногу.

Человѣкъ этотъ ходилъ тутъ давно, то подходя къ воротамъ дома, то удаляясь за уголъ; его никто не замѣчалъ въ этой пустынной улицѣ, и только цѣпная собака на дворѣ Фарфоровскаго дома бѣшено лаяла, чуя вблизи чужаго человѣка, а дворникъ сердито кричалъ на нее и вслухъ недоумѣвалъ, отчего она такъ разлаялась.

— Ишь, разбрехалась! ворчалъ онъ, проходя по двору и выглядывая за ворота.—Никого и на улицѣ-то нѣтъ, а она, знай, брешетъ... Цыцъ, ты, проклятая!.. Вотъ я те метлой, безпутную!...

При выходѣ за ворота дворника, человѣкъ, прогуливающийся по улицѣ, отходилъ подальше и нерѣшительно останавливался, соображая что-то.

— Нѣтъ, нѣтъ, черезъ дворника неудобно, бормоталъ онъ и опять начиналъ ходить.

Прошло уже болѣе часу, какъ по направленію къ дому Фарфорова изъ ближайшаго переулка вышла какая-то женщина, окутанная большимъ ковровымъ платкомъ; замѣтивъ на тротуарѣ неизвѣстнаго человѣка, женщина нерѣшительно остановилась, видимо, испугавшись.

— Вы испугались, неужели меня? заговорилъ неизвѣстный, подходя къ ней. Это я, Золотилловъ... Здравствуйте, Варвара Ивановна, продолжалъ онъ.

— Ахъ, это вы! проговорила дѣвушка, не то обрадовавшись, не то изумившись. — А я иду къ Надѣ ночевать и испугалась, думала, недобрый человѣкъ какой стоитъ...

Варя Брудина,—это была она,—подала Золотиллову руку.

— Голубушка, Варвара Ивановна, я буду просить у васъ одной милости, не откажите, исполните!... Хотя немного утѣшьте меня, убитаго горемъ, измученнаго! сказалъ Золотилловъ, пожимая руку дѣвушки.

— Что вамъ угодно, Иванъ Николаевичъ? Если могу, я съ радостью исполню.

— Васъ сама судьба послала мнѣ... Я буду просить

васъ уговорить Надежду Петровну повидаться со мной... Скажите ей, что я уѣду скоро, уѣду далеко и никогда, никогда ужъ не увижу ее, такъ пусть она осчастливитъ меня и хоть на одну минуточку выйдетъ ко мнѣ... Бога ради, попросите ее!..

Варя задумалась.

— Не знаю ужъ какъ, Иванъ Николаевичъ... И опасно-то это, и мудрено-то... Вотъ, развѣ только Петръ Прохоровичъ боленъ, такъ съ нимъ сама-то занята...

— Развѣ Петръ Прохоровичъ боленъ? спросилъ Золтиловъ.

— Да, захворалъ... Вѣдь тутъ исторія-то какая вышла: Ковалевъ былъ и жениха-то нашего прекраснаго ударилъ...

— Да что вы говорите?

— Право; при Петрѣ Прохоровичѣ и при Надѣ ударилъ... Ужъ такія-то напасти у насъ, что и не расскажешь всего-то, словно въ романѣ въ какомъ, вотъ что въ книгахъ-то пишутъ...

— Ну, что-же Петръ Прохоровичъ, прогналъ Обмолвина? Отказалъ ему?

— Нѣтъ, сказала Надѣ: „видно-де, судьба твоя такая, а опять, говорить, свадьбу разстраивать я не могу“... Плакалъ старикъ-то, да вотъ и захворалъ...

Дѣвушка задумчиво постояла, постукивая ногой.

— Хорошо, я уговорю какъ-нибудь Надю и устрою, сказала она. Жаль мнѣ ее очень, Иванъ Николаевичъ, смертельно жаль!...

— Да, она не счастлива, Варвара Ивановна, и я, одинъ я, виноватъ во всѣхъ ея несчастіяхъ... Идите, попросите ее, я хочу послѣдній, послѣдній разъ повидать ее!...

Варя посовѣтовала Золотилкову подальше отойти отъ дома и пошла, давъ слово, во что бы-то ни стало, устроить свиданіе.

Садъ при домѣ Петра Прохоровича выходилъ въ переулокъ на другую улицу, и тутъ, въ высокомъ, обитомъ по верху гвоздями, заборѣ была маленькая калитка: къ этой-то калиточкѣ и велѣла Варя подойти Золотилкову. Простоявъ тутъ около получасу, Иванъ Николаевичъ услыхалъ шаги; потомъ кто-то отперъ калитку изъ сада; молодой человѣкъ порывисто рванулся впередъ и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Надей.

— Дорогая моя! страстно прошепталъ онъ и обнялъ дѣвушку. — Радость моя, голубка моя, сколько ты страдала-то!...

— Тихе, тихе! шепнула Надя. — Пойдемте въ бесѣдку, тутъ увидеть могутъ...

По покрытой снѣгомъ дорожкѣ повела Надя Золотилова къ стоявшей посреди сада бесѣдкѣ. Не уютно, мрачно было въ саду въ этотъ непогодливый вечеръ. Оголенные деревья уныло шумѣли, осыпая дорожки снѣгомъ; черными грудами возвышался собранный мусоръ, а обвитые соломой кусты малины и оставшіеся на зиму цвѣтники, словно черные призраки, стояли въ разныхъ мѣстахъ сада; рѣзкій вѣтеръ срывалъ оставшіеся на деревьяхъ листья и сметалъ ихъ грудами, шурша по обледенѣлымъ дорожкамъ.

Надя, покрытая платкомъ, въ простенькомъ домашнемъ платьѣ, блѣдненькая, съ заплаканными глазами, отворила дверь бесѣдки и вошла туда, ведя за руку Золотилова.

— Голубушка моя, жизнь моя! опять обнялъ молодой человѣкъ дѣвушку.— Прости меня, что я сдѣлалъ тебя такой несчастной!...

— О, нѣтъ, я васъ не виню! проговорила Надя, застѣнчиво отвѣчая на поцѣлуи Золотилова.— Ужъ, видно, мнѣ суждено все это, а отъ судьбы не уйдешь... Мнѣ... мнѣ васъ жаль...

— Родная моя, Надя моя!.. Я-то, конечно, глубоко страдаю, но меня все-же не мучаютъ такъ, не выдаютъ силой за ненавистнаго, нелюбимаго человѣка!... Ты, Надя, не выходи за него, умоляю тебя!... Пусть это огорчить твоего отца, пусть это прибавить тебѣ еще горя, но ты не ходи за него... Отецъ потомъ простить, горе, Богъ дастъ, пройдетъ, но жизнь не будетъ загублена, а съ нимъ, съ этимъ гадкимъ, злымъ человѣкомъ, пропала вся жизнь, и ужъ тутъ спасенья нѣтъ, тутъ ужъ все погублено... Не ходи, ради всего святаго, не ходи за Обмолвина!

Надя покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ваня! проговорила она, называя его этимъ именемъ въ первый разъ.— Я говорю тебѣ, что на это воля моего отца, и я не хочу, не смѣю, не могу идти противъ его воли... Я ужъ и такъ очень много огорчила его... Я буду стараться жить съ Лукой Оедоровичемъ такъ, что-бы угодить ему, буду вѣрной, любящей женой, и быть-можетъ, проживу безъ горя... Вѣдь радости, да счастіе не всѣмъ людямъ даются, Ваня; надо кому-нибудь и горе на себя взять...

— Надя, Надя моя! съ порывомъ страстной нѣжности проговорилъ Золотилловъ и обнялъ дѣвушку.— Такъ прощай-же, моя радость, прощай на вѣки!...

— Да, *на вѣки!* подчеркнула Надя и, обхвативъ шею Золотилова руками, поцѣловала его въ губы; молодой человѣкъ хотѣлъ было продолжить поцѣлуй, но дѣвушка выскользнула у него изъ рукъ.

— Будетъ, сказала она, будетъ... Вѣдь я невѣста, Ваня, а невѣстѣ грѣхъ цѣловать посторонняго... Прощай, прощай, прощай!...

Прежде чѣмъ Золотилловъ успѣлъ опомниться, Надя отворила дверь бесѣдки и бѣгомъ пустилась по дорожкѣ.

Полнымъ страшнаго отчаянія взглядомъ проводилъ ее Золотилловъ и, постоявъ на порогѣ бесѣдки нѣсколько минутъ, тихо пошелъ изъ сада...

— Такъ нѣтъ-же, нѣтъ — не будешь ты, радость моя, за Обмолвинымъ! прошепталъ онъ, затворяя за собой калитку и быстро пошелъ по улицѣ, ощупывая въ боковомъ карманѣ купленный ножъ.

Широкими шагами ходилъ по большимъ комнатамъ своей новой квартиры Лука Ѳедоровичъ Обмолвинъ. Онъ, то ерошилъ волосы, то дергалъ себя за часовую цѣпочку, то останавливался у стола и изо всей силы ударялъ по немъ кулакомъ.

— Погоди, погоди! бормоталъ онъ. — За все сочтемся, все наверстаемъ!... Ударили!... Ну, такъ что? Намъ не привыкать — насъ били, много били, а вотъ если васъ-то будутъ бить — вамъ-то это непереносно будетъ!... Ванька Золотилловъ лучше меня для васъ!... Надежда Петровна, онъ васъ за себя взять желаетъ, у него рожа смазливая, а мы стары!... Ничего, будете и съ нами жить, привыкнете... Ужъ теперь не уйдете, нѣтъ!... Плюнулъ мнѣ въ лицо старый чортъ, а дочь-то все-же

отдасть, потому другаго скандала не захочетъ... Отдасть дочь—отдасть сполна и денежки, потому Лука Обмолвинъ не оплошаетъ, нѣтъ!... Что вы заговорите, черти богатые, зажирѣлые, изнѣженные, когда мы-то будемъ бить васъ?... Какъ-то вы, Надежда Петровна, запоете, когда я, вашъ мужъ законный, своими руками мужицкими, васъ бить буду?... Э, я потѣшу себя, за все вознагражу...

Въ прихожей раздался звонокъ.

— Эй, кто тамъ есть? крикнулъ Лука Оедоровичъ.— Звонить кто-то, впустите...

— Сейчасъ-съ, отозвалась изъ прихожей дѣвушка и отперла дверь.

Лука Оедоровичъ остановился среди комнаты, ожидая поздняго посѣтителя.

Въ прихожей кто-то снялъ калоши, повѣсилъ на вѣшалку шубу, и дверь въ залу отворилась.

Передъ Лукой Оедоровичемъ стоялъ Золотиловъ, блѣдный, съ растрепанными волосами, со взглядомъ, полнымъ страшной, непримиримой злобы и ненависти.

— Зачѣмъ, зачѣмъ пришелъ? заговорилъ Лука Оедоровичъ, испуганными глазами смотря на Золотилова. Для тебя моя дверь закрыта, нечего дѣлать тебѣ здѣсь... Эй, кто тамъ есть, войдите сюда...

— Замолчите, Лука Оедорычъ, не зовите сюда никого, и, Богъ дастъ, мы мирно объяснимся съ вами, а нѣтъ — такъ... такъ я другимъ способомъ заставлю замолчать тебя, старый песъ, развратникъ проклятый!... Вотъ съ чѣмъ я пришелъ къ тебѣ!

Золотиловъ выхватилъ изъ кармана ножъ.

— Вотъ съ чѣмъ пришелъ, вотъ съ чѣмъ!... Отто-

ченъ, острый, какъ бритва, и однимъ разомъ выпущу твою поганую душу!...

Лука Оедоровичъ затрясся всѣмъ тѣломъ и въ нѣмомъ ужасѣ стоялъ предъ молодымъ человѣкомъ, широко раскрывъ глаза и инстинктивно протянувъ впередъ руки.

Золотиловъ былъ страшенъ и могъ бы испугать человѣка и не съ такой мелкой душенкой, какъ нежеланный женихъ Нади Фарфоровой; глаза молодого человѣка, кроткіе, задумчивые въ обыкновенное время, налились теперь кровью и сверкали дикимъ огнемъ, губы тряслись, жилы на лбу напружились.

— Такъ молчи-же, молчи, если хочешь еще пожить на свѣтѣ и искупить свои грѣхи, корыстный, безчеловѣчный старикъ! продолжалъ Золотиловъ и взялъ Обмолвина за шею.

— Зачѣмъ ты хочешь погубить Надежду Петровну, зачѣмъ?... Неужели ты подлѣ и гадокъ до такой степени, что ея деньги толкнули тебя на такой поступокъ?... Неужели только изъ-за денегъ ты отравилъ жизнь старика Фарфорова, бывшего тебѣ благодѣтелемъ, вытащившаго тебя изъ грязи; погубилъ, опозорилъ дѣвушку, на которую молиться надо, на которую ты бы и глядѣть-то не долженъ своими гнусными глазами... Неужели только изъ-за денегъ?... Или ты полюбилъ ее? Тебѣ, старому, отжившему, злему, захотѣлось обладать этой дѣвушкой, и для этого ты опозорилъ ее, исковеркалъ ея жизнь и послѣ того задумалъ взять въ жены!.. Что-же, на любовь ты ея разчитывалъ? Ты думалъ, что она привыкнетъ, полюбитъ тебя?.. Негодай, негодай!.. Да нѣтъ, ты не полюбилъ ее, — въ твоей душѣ не мѣсто

этому чувству,—ты просто захотѣлъ быть зятемъ Петра Прохоровича Фарфорова и для этого... О, ты гадина отвратительная, раздавить тебя слѣдуетъ, и я... я...

— Батюшка, Иванъ Николаичъ, Ваня, не трогай, не трогай меня! забормоталъ Обмолвинъ, присѣвъ къ полу. Я тебѣ деньги всѣ отдамъ, все отдамъ, все сдѣлаю для тебя, только не тронь ты меня, не тронь!...

— Трусъ поганый!... Встань, я пока не трону тебя, я хочу поговорить съ тобой...

Золотиловъ затѣмъ провелъ Луку Ѳедоровича въ смежную комнату, заперъ за собой дверь и усадилъ его, трясущагося, какъ въ лихорадкѣ, на диванъ.

— Успокойтесь, придите въ себя, сказалъ онъ, проводя рукой по разгоряченному лбу и садясь напротивъ Обмолвина. Я шелъ сюда, сознаюсь, съ недобрымъ намѣреніемъ, но я не злодѣй, не разбойникъ, и, дай Богъ, чтобы у насъ не дошло дѣло до крови, до убійства... Сохрани Богъ... Я поговорю съ вами, попытаюсь найти въ васъ искру Божію, и, быть можетъ, мы еще поправимъ дѣло...

Золотиловъ, замѣтивъ на столѣ графинъ съ водою, налилъ полный стаканъ и, выпивъ его залпомъ, налилъ опять и подаль Лукѣ Ѳедоровичу.

— Выпейте воды, успокойтесь...

— А тутъ... тутъ яду не положено?.. Не всыпали вы ничего тутъ? пробормоталъ тотъ.

Золотиловъ грустно усмѣхнулся.

— Нѣтъ, не бойтесь! сказалъ онъ. Если-бъ я захотѣлъ лишить васъ жизни, то сдѣлалъ-бы это тамъ, въ залѣ, и гораздо короче, вотъ этимъ ножомъ, а теперь ничего, не бойтесь...

— Уберите вы ножъ этотъ, уберите, бросьте, Христа ради! косясь глазами на положенный Золотилковымъ на столѣ ножъ, сказалъ Лука Оедоровичъ, торопливо глотая воду.

— Я брошу, спрячу, но вѣдь вы тогда закричите, созовете сюда людей, и наше объясненіе не состоится, а въ немъ спасеніе для всѣхъ насъ!... Не бойтесь, я теперь не трону, не трону... Золотилковъ взялъ ножъ и сунулъ его въ карманъ.

— Вотъ что я скажу вамъ, Лука Оедоровичъ, заговорилъ онъ:—какъ вы, съ своей стороны, находите возможнымъ поправить дѣло и не погубить окончательно Надежду Петровну?... Имѣете-ли вы непремѣнное намѣреніе жениться на ней?

— Да что-же... Я тово, я жепюсь... Вѣдь за васъ не отдадутъ, да и скандалъ опять по Москвѣ будетъ... Я счастливо съ ней буду жить, я не обижу ее...

— Счастливо? усмѣхнулся Золотилковъ. Вы надѣетесь на счастье?... Вы думаете, что она съ вами, съ человѣкомъ такъ страшно измучившимъ ее, ненавистнымъ ей, будетъ счастлива?... Вы вѣдь умный человѣкъ, и говорите это или не подумавши, или для того, чтобы успокоить меня... Нѣтъ, вамъ просто хочется быть зятемъ Фарфорова и получить деньги... Въ вашей душѣ не живетъ никакая любовь, кромѣ любви къ деньгамъ... Да впрочемъ, будетъ объ этомъ! Я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобы читать вамъ проповѣди, которыя васъ ни въ чемъ не убѣдятъ... Я пришелъ сюда для того, чтобы... чтобы убить васъ, но теперь я нашелъ способъ другимъ путемъ спасти Надю: откажитесь отъ нея.

Обмолвинъ завертѣлся на мѣстѣ.

— Э... э... э... я, тово, расходовъ много было, хлопотъ... Да и не отдасть вѣдь за васъ свою дочь Петръ Прохоровичъ...

— Это ужъ дѣло не ваше, отдасть онъ или нѣтъ, да я на это и видовъ не имѣю — мнѣ хочется, чтобъ Надя... Надежда Петровна не была за вами...

— Почему-же это? украдкой взглянувъ на Золотилова, спросилъ Лука Ѳедоровичъ.

— Почему? переспросилъ тотъ. А потому, что вы ей и вообще не пара, а послѣ того, что вы сдѣлали для нее, и тѣмъ болѣе... Да, да, господинъ Обмолвинъ, непременно нужно, чтобы вы отказались!

Золотиловъ всталъ и снова выпилъ воды.

— Непременно, непременно откажитесь! повторилъ онъ. Петръ Прохоровичъ самолюбивъ, ему не захочется отдавать снова свое имя на пересуды, и онъ принесетъ въ жертву свою дочь этому самолюбію, будетъ льстить себя мыслью, что она не пропадетъ съ вами, и ни за что не откажетъ вамъ, а вы сами, сами должны отказаться... Сейчасъ-же, сегодня поѣзжайте и откажитесь... Или нѣтъ, не такъ!.. Вы вотъ что: скажитесь больнымъ и затяните дѣло, а потомъ, когда все это поуляжется — откажитесь... Лука Ѳедоровичъ, вѣдь есть-же въ васъ сколько-нибудь человѣческаго-то чувства — спросите его, что оно вамъ скажетъ... Эхъ, Лука Ѳедоровичъ, вѣдь нужно и о душѣ подумать!..

Обмолвинъ смиренно опустилъ голову, когда Золотиловъ кончилъ свою пылкую рѣчь; ранѣе Лука Ѳедоровичъ что-то соображалъ, безпокойно бѣгая глазами по комнатѣ.

— Да, это вѣрно, Иванъ Николаичъ, съ глубокимъ

вздохомъ сказалъ онъ. Я польстился на богатство, на красоту и согрѣшилъ. Теперь я каюсь, глубоко каюсь... Я откажусь отъ Надежды Петровны...

Золотиловъ подошелъ къ Обмолвину и пожалъ ему руку.

— Спасибо-же вамъ, Лука Ѳедоровичъ! съ чувствомъ проговорилъ онъ. Каждый человѣкъ можетъ сдѣлать грѣхъ, каждый-же можетъ и искупить этотъ грѣхъ... Вы такъ и сдѣлайте.

— И сдѣлаю! Видитъ Богъ, сдѣлаю!.. Ужъ коли на то пошло, такъ я самъ поѣду съ тобой къ старику и все, все расскажу ему, покаюсь, да и буду просить, чтобъ за тебя отдали Надю-то... И напугалъ ты меня, Ванюша, и разжалобилъ... Такъ, значить, тому и быть должно... Ёдемъ къ старику, ёдемъ... Онъ добрый вѣдь, дочку любить, авось, отдастъ... Да и отдастъ, ей-Богу, отдастъ, ёдемъ!..

Золотиловъ задумчиво щипалъ усы.

— Не знаю, быть можетъ... Хорошо, поѣдемъ! рѣшительно сказалъ онъ. А вамъ спасибо, отъ души спасибо!.. Я вѣрю и всегда буду вѣрить, что въ человѣкѣ, какъ-бы онъ ни палъ, есть искра Божія, и рано, или поздно, а искра эта вспыхнетъ... Спасибо, Лука Ѳедоровичъ, спасибо, простите меня за то-то, за угрозы-то мои... Очень ужъ за сердце схватило меня...

Лука Ѳедоровичъ добродушно усмѣхнулся.

— Э, полно!.. Молодость, горячность, а тутъ еще любвишка завелась... Ничего, Ваня, ничего... Такъ я пойду, лошадь велю заложить и поѣдемъ бить челомъ старику нашему... Сію минуту я, покури пока...

Лука Ѳедоровичъ проворно вышелъ изъ комнаты, а

Золотиловъ закурилъ папиросу и въ глубокомъ раздумѣ сталъ ходить по комнатѣ.

Много думъ проносилось въ головѣ молодаго чело-вѣка.

Какъ живая, встала передъ нимъ Надя, грустная, убитая горемъ, вызвавшая въ немъ, кромѣ страстной любви, жалость, щемящую, хватающую до сердца жалость... Теперь могло все переимѣниться, теперь могло придти счастье... Неужели это возможно?

Молодой чело-вѣкъ держалъ въ губахъ давно потухшую папиросу и ходилъ по комнатѣ, забывъ, гдѣ онъ, забывъ, что сейчасъ произошло, и живя только мыслью о ней, о Надѣ.

Онъ не замѣтилъ почти, какъ Лука Оедоровичъ возвратился и сообщилъ ему, что лошадь сейчасъ будетъ готова, а потомъ что-то началъ говорить о своемъ раскаяніи, о своемъ грѣхѣ...

Прошло около получасу.

Въ передней звякнулъ звонокъ, кому-то отперли дверь.

— Это ко мнѣ, видно, ко мнѣ, кто-нибудь, проговорилъ Лука Оедоровичъ и юркнулъ въ залу. Тамъ слышался сдержанный говоръ нѣсколькихъ лицъ, потомъ шаги, звонъ шпоръ...

Въ комнату вошелъ полицейскій офицеръ, нѣсколько солдатъ и какихъ-то чуюкъ, испуганно и любопытно озирающихся; позади всѣхъ стояли Лука Оедоровичъ, его сестра и служанка.

Золотиловъ остановился и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на всѣхъ.

— Вы—мѣщанинъ Иванъ Николаевичъ Золотиловъ?

спросилъ офицеръ, останавливаясь шагахъ въ пяти отъ Золотилова.

— Я.

— Я пришелъ васъ арестовать. Мнѣ дано знать, что вы ворвались въ квартиру купца Обмолвина, вооруженные кинжаломъ, угрожая которымъ, требовали отъ него денегъ и письмо къ купцу Фарфорову объ отказѣ его отъ женитьбы на дочери Фарфорова... Совѣтую не сопротивляться и отдать ваше оружіе добровольно; ужъ не умѣли ловко дѣло покончить, такъ надо покориться... Сопротивленіе не приведетъ ни къ чему...

Золотиловъ оглянулъ всѣхъ взглядомъ, полнымъ тоски, и опустилъ голову.

— О, какой мерзавецъ, какой мерзавецъ!.. И я отпустилъ эту гадину, не размноживъ ей голову! проговорилъ онъ и, вынувъ изъ кармана ножъ, подалъ его офицеру.

— Арестуйте меня, я дѣйствительно хотѣлъ зарѣзать этого мерзавца, но, должно быть, сдѣлаю это позднѣе... Относительно требованія денегъ вамъ налагали... Э, да это все равно, арестуйте!..

Золотиловъ опустился на стулъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Полицейскій офицеръ поставилъ около него двухъ солдатъ и, взявъ у одного изъ сопровождавшихъ портфель, присѣлъ къ столу и началъ составлять протоколъ.

Лука Ѳедоровичъ показалъ, что Золотиловъ, явившись къ нему на квартиру, схватилъ его за горло и, угрожая ножомъ, требовалъ денегъ и письма на имя Фарфорова съ отказомъ отъ невѣсты, на что согла-

сившись, онъ, Обмолвинъ вышелъ изъ комнаты, подъ предлогомъ принести деньги, а между тѣмъ въ это время послалъ за полиціей. Сестра Луки Ѳедоровича и его служанка показали, что онѣ слышали крики и видѣли, какъ Золотиловъ вынималъ ножъ.

Ивана Николаевича арестовали.

— Не на того попалъ, Иваша, не на того! сказалъ ему вслѣдъ Лука Ѳедоровичъ. — Проворенъ ты, да умомъ не вышелъ и угодилъ на казенную квартиру!.. Навѣщу тебя, пирогъ тебѣ на новоселье привезу... Ха, ха, ха!..

И злобно захохоталъ Лука Ѳедоровичъ, провожая уводимого солдатами Золотилова.

— Нѣтъ, чертъ возьми, падо скорѣй дѣло-то поворачивать, а то еще какой-нибудь бѣды наживешь! думалъ на другое утро Лука Ѳедоровичъ, расхаживая по кабинету. — Попалъ было вчера, попалъ было, еще-бы пемного, ну, и аминь, и всадишь бы ножъ... Ухъ, вспомнить страшно!.. Глазища-то у дьявола кровью налились, рукой, какъ клещами, впился, а ножъ-то, ножъ-то такъ и сверкаетъ... Холодное, чай, желѣзо-то... Войдетъ въ тѣло то, разрѣжетъ его, и кончено, смерть глянетъ въ глаза, охолодѣешь... Ухъ, индо въ холодъ бросило!.. Ну, не даромъ мнѣ достанешься ты, Надежда Петровна, съ тысячами своими, не даромъ... И ужъ потѣшусь-же я надъ тобой, ей-Богу, потѣшусь!.. Такъ-же вотъ, въ комнатѣ одинокой, глазъ на глазъ, тебя ножемъ попугаю, душу изъ тебя вымотаю... За Ваньку Золотилова отплачу, за плюху отплачу, за всѣ тревоги отплачу... Я, братъ, не мальчишка, меня своими красотами не разлакомишь, у меня краса красой, а на-

ука наукой, у меня не задурить, н-нѣтъ!.. А Вапъку-то, Ваньку-то какъ я славно сгребъ!.. Ха, ха, ха!.. Развѣсилъ уши-то, раскисъ, а я его цапъ!.. Теперь, Ванька, не выскочишь, какъ, никакъ, а за соболями охотиться поѣдешь; вотъ тамъ съ медвѣдями и ворочайся, благо, сила велика... А напугалъ, сильно напугалъ!..

Походивъ еще съ полчаса по кабинету и подумавъ, Лука Оедоровичъ переодѣлся и поѣхалъ къ Петру Прохоровичу.

Надя вполне покори́лась своей участи. Она твердо была убѣждена въ томъ, что сильно огорчила отца, много провинилась передъ нимъ и должна была чѣмъ-нибудь загладить свою вину, залечить нанесенную ему рану, и согласіе быть женой Обмолвина находила радикальнымъ лекарствомъ. Она была вполне увѣрена, что это непремѣнное желаніе отца, и какъ ей ни больно было идти за нелюбимаго человѣка, она рѣшилась на это, и мало того—рѣшилась употребить всю силу воли, чтобы не казаться отцу убитой, огорченной, чтобы не подавать ему ни малѣйшаго повода думать о загубленной неравнымъ бракомъ дочери.

Пощечину, данную Ковалевымъ Лукѣ Оедоровичу, Надя приписала ревности Ковалева и хотя жалѣла о послѣднемъ, сравнивая его съ Обмолвинымъ, но никому не говорила объ этомъ, стараясь казаться довольной и веселой.

Она примѣряла приносимыя модисткой платья, ѣздила по магазинамъ, восторгалась какой-нибудь обновой, такъ что даже Варя была обманута и пришла къ заключенію, что подруга ея позабыла Ваню Золотилова...

А онъ, этотъ „любой“, этотъ дорогой Ваня, и снился Надѣ во снѣ, и, какъ живой, представлялъ передъ ея глазами... Часто Надя вдругъ, безъ всякой видимой причины, задумывалась, точно на нее нападалъ столбнякъ какой; она останавливалась посреди начатой рѣчи, блѣднѣла, вздрагивала всѣмъ тѣломъ и, тяжело дыша, уходила къ себѣ на верхъ, объясняя, что у ней заболѣла голова, и плакала тамъ, горько, страшно плакала...

Вотъ въ такую-то минуту вошла къ ней дѣвушка и объявила, что пріѣхалъ „женихъ“.

— Папеньки дома нѣтъ, а у мамы голова болитъ, такъ онѣ вамъ приказали пожаловать къ Лукѣ Ѳедоровичу и угостить ихъ чаемъ...

— Хорошо, я сейчасъ приду.

Надя умылась, поправила прическу и вышла въ гостинную, гдѣ расфранченный Лука Ѳедоровичъ курилъ сигару, похаживая по коврамъ.

— Надеждѣ Петровнѣ мое почтеніе! галантно раскланялся женихъ и подошелъ къ Надѣ, держа въ рукахъ коробку съ конфектами. — Конфектъ-съ вамъ дозвольте вручить, отъ Абрикосовыхъ, лучшія...

— Благодарю васъ... Садитесь, пожалуйста, Лука Ѳедоровичъ, сейчасъ подадутъ чай, будемъ пить...

Надя сѣла на диванъ.

— Что это вы блѣдны очень, Надежда Петровна-съ? не садясь, а останавливаясь передъ дѣвушкой, спросилъ Лука Ѳедоровичъ. — Нездоровью у васъ быть, кажется, не отъ чего, потому какъ маковъ цвѣтъ цвѣли все, и я такъ полагаю, что это вы объ господинѣ Золотиловѣ все вспоминаете, влюбившись были въ этого негодяя...

Надя быстро встала.

— Я прошу васъ, Лука Ѳедоровичъ, не поминать его! горячо сказала она, вся вспыхнувъ. — Все это кончено, значить, и надо оставить... А онъ... онъ не негодай...

— Завѣрить васъ смѣю, что негодай первой руки, а что-бы доказательство вамъ привести на это, такъ сообщаю вамъ вотъ что: онъ въ настоящее время въ острогѣ сидитъ...

— Надя поблѣднѣла и схватилась за край передиваннаго стола.

— Въ острогѣ?!.. За что въ острогѣ? едва-едва прошептала она.

— А за то, что меня ограбить и убить хотѣлъ, и его въ моемъ домѣ съ поличнымъ поймали... А вотъ и газетка, гдѣ объ этомъ пропечатано...

Лука Ѳедоровичъ подаль Надѣ газетку.

Свадьба Надѣ съ Обмолвинымъ была рѣшена окончательно.

Петръ Прохоровичъ видѣлъ въ ней единственное средство „закрыть рты“ и прекратить всѣ толки, не дававшіе ему покоя, ни днемъ, ни ночью, отравившіе ему все существованіе, особенно, въ настоящее время, когда слухъ объ арестѣ Золотилова распространился по Москвѣ и съ прикрасами и съ прибавленіями переходилъ изъ дома въ домъ, занимая досужихъ кумушекъ и падкихъ на скандалы куманьковъ.

— Выходи, Надюша, за Луку, выходи, говорилъ Петръ Прохоровичъ Надѣ, — а то больно ужъ тошно мнѣ ото всего отъ этого... Повѣнчаетесь и уѣдете куда-нибудь, закроете глотки-то, да и отца успокоете...

Будешь, Богъ дастъ, и счастлива съ Лукой, — вѣдь онъ еще не старикъ совсѣмъ, а въ обиду ему я тебя не дамъ, онъ въ моихъ рукахъ.

И Надя шла за Луку Ѳедоровича.

Для нее и ранѣе ужъ не существовало Золотилова, а теперь и тѣмъ болѣе.

Она не анализировала факта ареста Ивана Николаевича, а просто вѣрила ему и создавала, что теперь ужъ „дорогой Ваня“ на вѣки исчезъ для нея, умеръ, слѣдовательно не для кого беречь себя, и быть-ли женой Обмолвина, остаться-ли всю жизнь дѣвушкой, умереть-ли — для нея было рѣшительно все равно.

— Неужели правда, что Иванъ Николаичъ хотѣлъ ограбить Луку-то Ѳедоровича, Надя?... Что-то не вѣрится этому! сказала какъ-то Варя, не отходившая послѣднее время отъ своей подруги.

— Не знаю, Варя, не знаю... Ничего я не знаю теперь! — аппатично отвѣчала Надя. — Посадили его за что-то, погубили, помочь ему у меня силъ нѣтъ, ну, и пусть... Коли такъ намъ на роду написано, такъ ничего не подѣлаешь...

И дѣвушка точно *замерла*.

Въ старыхъ школахъ бывали мальчики, извѣстные подъ названіемъ *обтерпѣлыхъ*; подъ этимъ названіемъ они слыли, и у начальства, и у товарищей, и у школьной прислуги. Это — „обтерпѣлый!“ говорилъ учитель про такого субъекта и не употреблялъ ни малѣйшаго труда, чтобы вывести его изъ присущаго ему оцѣпенѣнія.

Такого мальчика морили голодомъ, держали по цѣлымъ днямъ въ карцерѣ, безпощадно сѣкли, а онъ точно и не замѣчалъ ничего! Аппатично шелъ въ карцеръ,

аппатично ложился подъ розги, вынося безъ крика, безъ слезъ десятки ударовъ, возбуждая тѣмъ бѣшенство экзекуторовъ, старавшихся изо всѣхъ силъ.

— Нѣтъ, его не проберешь, ваше—скородіе, онъ—*обтерпѣлый*, говорилъ солдатъ, безсильно опуская руку съ розгами. И начальство соглашалось съ солдатомъ и оставляло обтерпѣлаго на волю судьбы.

Вотъ такого обтерпѣлаго напоминала и Надя, шедшая подъ вѣнецъ съ ненавистнымъ человѣкомъ, готовящаяся къ свадьбѣ, живущая изо дня въ день съ тѣмъ же чувствомъ непробудной аппатіи, съ какимъ исковерканный физически и нравственно ученикъ старой школы шелъ подъ розги, вызывающія мольбы о пощадѣ и слезы у его товарищей.

Петру Прохоровичу жилось тоже не легко. Онъ очень хорошо сознавалъ, что врядъ-ли могла его дочь разсчитывать на счастье съ Обмолвинымъ, котораго онъ и самъ, послѣ разоблаченія его гнуснаго поступка, возненавидѣлъ и презиралъ всѣми силами души, но такова была пройденная Петромъ Прохоровичемъ школа, что онъ не могъ отказать постылому жениху, не могъ во имя тѣхъ, съ молокомъ матери всосанныхъ, предразсудковъ, которые заставляли его отдать почти на вѣрную гибель единственную дочь, лишь-бы не дать новой пищи для позорящихъ его репутацію толковъ. Старикъ часто въ тиши ночи думалъ, думалъ до боли въ головѣ, какъ ему поступить, и борьба холоднаго разсудка съ родительскимъ сердцемъ всегда оканчивалась побѣдой перваго: все выходило, что лучше ужъ отдать дочь за Обмолвина, чѣмъ снова сдѣлаться басней города.

Крѣпка была у Петра Прохоровича любовь къ честолюбію, къ купеческому гонору, къ славѣ именитаго дома Фарфоровыхъ!

Послѣ-же ареста Золотилова, на сторонѣ котораго были съ послѣдняго времени симпатіи Петра Прохоровича, старикъ уже окончательно утвердился въ рѣшеніи отдать дочь за Обмолвина; теперь уже и рѣчи не могло быть о какомъ-нибудь перерѣшеніи. Еще не будь такого казуса, могло-бы какъ-нибудь случиться, что слезы дочери и симпатичная личность молодаго конторщика побороли-бы старика, но послѣ ареста все было потеряно: острожная дверь плотнѣе гробовой крышки закрыла для Золотилова двери дома Фарфоровыхъ. Это сознавала и Падя.

— За что посадили Ивана въ острогъ? спросилъ какъ-то Петръ Прохоровичъ будущаго зятя, не глядя на него, по обыкновенію.

— Вы развѣ не изволили читать, папаша? За насильственное требованіе у меня денегъ съ ножомъ въ рукахъ и за угрозы лишить меня жизни... За грабежъ будутъ судить-съ, отвѣтилъ Лука Оедоровичъ.

— Я тебя не спрашиваю, за что *будутъ судить*, а спрашиваю: *что онъ сдѣлалъ?*

— Ограбить меня хотѣлъ-съ, угрожая ножомъ, требовалъ денегъ-съ...

— Врешь! отрѣзалъ Фарфоровъ.

— То-есть, какъ вру-съ?

— Такъ, не такой человѣкъ Золотиловъ, что-бы грабить пошелъ...

— А какой-же онъ человѣкъ, папаша? съ наглой улыбкой спросилъ Лука Оедоровичъ. — У меня-то онъ

еще вещественное, такъ сказать, украсть хотѣлъ, а у васъ честь единородной дочери похитилъ-съ...

— Молчи, песъ! крикнулъ старикъ, вскочивъ съ мѣста.—Честь моей дочери при ней, развѣ вотъ только тѣмъ зачернили ее, что тебѣ въ невѣсты дали... Клеветникъ, сребролюбецъ проклятый, еще о чести толкуешь!... Да если ты еще разъ осмѣлишься помянуть про это, такъ я тебя дворникамъ велю въ кнутыя со двора согнать!... Я-те дамъ о чести моей дочери говорить!... Вонъ пошелъ, женихъ подневольный!...

Лука Ѳедоровичъ съежился, поблѣднѣлъ и почтительно поклонившись Петру Прохоровичу, вышелъ.

— За все, за все отплачу! скрипя зубами, шепталъ онъ, идя по комнатамъ *своего будущаго дома*. — И за обиды воздамъ, и за плюху воздамъ, и за страхъ воздамъ, и за все, за все воздамъ!... Теперь Лука молчить, теперь Лука еще бѣднякъ, еще онъ въ рукахъ у васъ, а вотъ какъ я на свое имя лавку-то переведу, какъ денежки всѣ сполна получу — тогда я запою не такъ!... И натѣшусь-же я тогда надъ красой твоей, Надежда Петровна, и натѣшусь, и за обиды отплачу... Бить тебя буду, холеная дочка купецкая, бить!...

Все было готово къ свадьбѣ.

Лука Ѳедоровичъ получилъ сполна сумму, назначенную въ приданое Надѣ; лавка, недавно открытая для него, была формально ему передана, точно также, какъ и новый домъ.

Бисеромъ разноцвѣтнымъ разсыпалась рѣчь жениха передъ будущимъ тестемъ, когда тотъ отдавалъ ему документы и деньги, наставлялъ его, какъ жить, какъ вести себя и просилъ любить и беречь дочь.

— Она еще цвѣточекъ молоденькій, не совсѣмъ распустившійся, такъ что-бъ не завялъ у тебя этотъ цвѣточекъ! говорилъ Петръ Прохоровичъ.—Помни, что не тебѣ-бы быть мужемъ Нади, не ей-бы твоей женой, а ужъ коли случилось это, такъ ты моли Бога, да береги молодую жену!...

И божился, и клялся, и завѣрялъ въ вѣчной признательности Лука Ѳедоровичъ, трясущимися руками принимая билеты.

Петръ Прохоровичъ поуспокоился немного, принялся съ прежнимъ жаромъ за дѣло, которое послѣднее время у него отошло на второй планъ и какъ-то мало интересовало его.

Сдѣлавъ все, обо всемъ распорядившись, Петръ Прохоровичъ уѣхалъ дня на три изъ Москвы по дѣламъ.

Вернувшись, онъ былъ удивленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что на вокзалѣ желѣзной дороги, куда онъ приказалъ выѣхать за собой въ назначенный день, пріѣхалъ не его любимый, постоянно ѣздившій съ нимъ кучеръ, а какой-то новый.

— Ты что за птица? Откуда взялся? спрашивалъ онъ кучера, едва узнавъ свои сани и рысака.

— Новый кучеръ вашей милости, Григорьемъ звать-съ...

— Новый?... А гдѣ-же Иванъ мой?

— Ивана Лука Ѳедоровичъ прогнали, онъ имъ грубостевъ наговорилъ, ну, они его и прогнали, меня взяли-съ... Заслужу, будьте благонадежны-съ, у князя Засѣцкаго жилъ, у Третьяковыхъ жилъ-съ...

Петръ Прохоровичъ пожалъ плечами и сѣлъ въ сани.

— Пошелъ домой, тамъ разберемъ, что у васъ за

новости безъ меня завелись, сказалъ Петръ Прохоровичъ и всю дорогу сурово молчалъ, изрѣдка покачивая головой.

А дома происходило вотъ что:

Въ столовой за чаемъ сидѣлъ Лука Ѳедоровичъ, развалившись на диванѣ и поигрывая брелоками; у чайнаго стола сидѣла мать Нади съ заплаканными глазами, а сама Надя стояла у окна и, прислонившись къ стеклу головой, смотрѣла на улицу, роняя на подоконникъ слезу за слезой и поминутно вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Я вообще такого мнѣнія, говорилъ Лука Ѳедоровичъ, что жена должна въ повиновеніи у своего мужа находиться и на единый шагъ не выходить изъ его воли; что-бъ онъ ни задумалъ — она его мысли знать должна, взгляды его ловить, да-съ!...

— Я еще не жена ваша, промолвила Надя.

— Такъ будете женой; вотъ я и приучаю къ характеру-то своему, а то вѣдь тяжело будетъ-съ... Я вамъ не приказываю идти гулять, ну, и не ходите... Вотъ за это и брань мою, до вѣнца еще, выслушали.... Я вѣдь баловать не буду, нѣтъ!... Я вѣдь не Ваничка Золотилловъ, до поцѣлуевъ-то неохотникъ...

— Замолчите! крикнула, оборачиваясь къ нему Надя. Я васъ просила не поминать объ немъ и не поминайте. Не смѣйте поминать!

Лука Ѳедоровичъ медленно поднялся съ дивана.

— Что-о?... Это ты на меня-то кричишь, на жениха-то?... Ахъ, ты... Дѣвченка ты дрянная, вотъ что! все возвышая и возвышая голосъ, заговорилъ онъ. Да ты что такое? Что ты такое? Вѣдь ты *бракованная* невѣста, вотъ ты что!... Кричать на меня, на Обмолви-

на... Вотъ отецъ прїѣдетъ, такъ я тебя выдрать велю, баню тебѣ задать!...

— Нѣтъ, нѣтъ! задыхаясь, проговорила Надя, хватаясь за мать... Нѣтъ, я не пойду за него... Теперь не пойду... Умру, но не пойду... Маменька, родная, да спаси-же ты свою дочь отъ гибели!...

Надя бросилась на грудь матери и громко зарыдала.

Обмолвинъ хотѣлъ что-то говорить, но въ это время отворилась дверь, и въ комнату вошелъ Петръ Прохоровичъ.

Грозно были нахмурены сѣдыя брови старика, мрачно было его выразительное, красивое лицо.

— Что у васъ такое? спросилъ онъ, скользнувъ взглядомъ по жениху и оборачиваясь къ Надѣ.

Надя подняла голову.

— Папенька... Папенька, убейте меня, сдѣлайте со мной, что хотите, но я за Луку Ѳедоровича не пойду! сказала она, въ голосѣ дѣвушки прозвучала твердая, стальная нотка, не свойственная ей.

— Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ-же! вдругъ самымъ развязнымъ тономъ заговорилъ Лука Ѳедоровичъ, присмирѣвшій было сперва. Этого ужъ я не позволю!... Я...

— погоди! перебилъ его Петръ Прохоровичъ. Объ этомъ мы еще поговоримъ послѣ, а вотъ объясни ты мнѣ, кто моего кучера Ивана рассчиталъ безъ меня?

— Я-съ.

— Ты?.. Какъ-же ты смѣлъ?.. Ты ему, что-ли, приказала? обратился Петръ Прохоровичъ къ женѣ.

— Нѣтъ, Петръ Прохоровичъ.... Я говорила имъ, что Иванъ твой любимый кучеръ, а они не послушали меня и прогнали его... Конторщика еще одного прогнали...

— Какъ-же это ты смѣлъ?... Какъ ты смѣлъ въ моемъ домѣ свою власть показывать, а?... Кто ты такой? Кто ты здѣсь такое?

Лука Ѳедоровичъ засунулъ руки въ карманы брюкъ и нагло улыбнулся.

— Я-то-съ? Я-то кто?... А я женихъ вашей дочери Надежды Петровны... Вы, Петръ Прохоровичъ, цѣнить людей не умѣете, вотъ что-съ!... Я въ вашемъ домѣ распорядокъ сдѣлалъ, такъ вы-бы меня должны благодарить, а не то что наступать съ вопросами - съ.... Кто, да что, да какъ смѣлъ... Я вѣдь не боюсь очень-то, да-съ... Благодарить-бы, говорю, должны, а не то что, что... Я вашу дочь, запятнанную, опозоренную, замужъ беру, такъ вы-бы должны передо мной тише воды, ниже травы, а не то что кричать... Эка невидаль какая!... Вотъ возьму, да откажусь отъ дочки-то, ну, и везите ее на базаръ, авось, на пуды купять, а такъ-то никому не нужно, потому съ порокомъ, съ изъянцемъ...

— Какъ! хрипло крикнулъ Петръ Прохоровичъ и шагнулъ къ Обмолвину. Вонъ!... Что-бъ духу твоего не было здѣсь, гадина!... Сію секунду вонъ, а нѣтъ, такъ я тебя...

Петръ Прохоровичъ взялъ Обмолвина за плечи.

— Ушелъ отъ Золотилова, такъ ко мнѣ не попади... Старъ я, горемъ убить, а тебя раздавить силы еще хватить, такъ ты ужъ уйди лучше!.. Попуталъ меня лукавый, хотѣлъ согрѣшить—за тебя дочь отдать, что-бъ имя свое сохранить, да, знать, молитвы ея до Бога дошли, одумался во-время... Иди, иди, нехорошій человѣкъ, не мѣсто тебѣ здѣсь...

Растерявшійся Лука Оедоровичъ отодвинулся къ двери.

— А... а какъ-же... Вѣдь деньги, лавка... Вѣдь я женихъ, забормоталъ онъ.

— Иди, иди до грѣха!... Судиться съ тобой я не стану, деньги, коли хочешь, себѣ возьми, а если ты захочешь со мной судиться, такъ я выйду съ тобой передъ судомъ и докажу людямъ, что ты негодяй и мерзавецъ... И люди, и Богъ на моей сторонѣ будутъ... Иди!

Лука Оедоровичъ постоялъ у двери и вышелъ.

— Доченька, доченька моя милая, страдальца безвинная! подошелъ Петръ Прохоровичъ къ Надѣ и обнялъ ее. — Прости ты меня, родителя своего, что я тебѣ столько горя принесъ!... Утри слезы свои, не плачь... Больше горя такого тебѣ не будетъ, заживемъ мы съ тобой въ мирѣ, въ покоѣ, на людскіе толки глядѣть не будемъ, а коли не найдется тебѣ такого жениха, который, любя тебя, возьметъ, такъ и не надо, и со мной проживешь... Да нѣтъ, не такая ты у меня, что-бъ жениховъ тебѣ не было!... Отбою еще отъ нихъ не будетъ, это я только, за грѣхи свои, былъ наказанъ попущеніемъ дьявольскимъ... А, быть можетъ, Надюша, и Иванъ Николаичъ твоимъ мужемъ будетъ...

Надя повисла на шеѣ отца и покрыла лицо его жаркими, нѣжными поцѣлуями...

Лука Оедоровичъ пріѣхалъ домой и заперся въ кабинетѣ.

Въ немъ шевельнулось что-то похожее на угрызеніе совѣсти.

Сперва онъ злобно торжествовалъ, полагая, что теряетъ немного съ отказомъ невѣсты, получивъ все при-

даное, изъ прикащика сдѣлавшись хозяиномъ и ни за что, ни про что получивъ кушъ, который ему и во снѣ не снился какіе-нибудь два, три мѣсяца назадъ.

— Ладно, ничего! думаль выгнанный женихъ. Денежки-то у меня, назадъ не отдамъ, шалишь!.. А вы вотъ съ своей невѣстой куда пойдете. Хошь въ соль ее солите, а ужъ замужъ никто не возьметъ, особенно ежели я подъ рукой слухъ пушу, что самъ отказался отъ нея... Вотъ вы и капительтесь съ ней, а я съ вашими-то деньгами себѣ какую хошь невѣсту найду, по выбору, красавицу, не хуже Надежды Петровны...

Но потомъ Лука Ѳедоровичъ „осѣлъ“, что называется. Передъ нимъ всталъ роковой, Гамлетовскій вопросъ: „что будетъ тамъ, въ той безвѣстной сторонѣ, откуда нѣтъ пришельцевъ?“

— Вѣдь годиковъ еще десять, двадцать пройдетъ, пора будетъ и о покоѣ подумать... Съ чѣмъ я приду на судъ-то страшный?.. Развѣ вотъ подаяніе сдѣлать, милостыню творить, на храмы Божіи жертвовать?... Такъ-то такъ, да вѣдь это хорошо на трудовыя денежки дѣлать, хошь и не больно честнымъ трудомъ нажитыя, да нажитыя, а не то что вотъ такъ-то... Вѣдь трудато тутъ не было, не копились денежки, а взялись изъ чужой мощны руками... Опять Надя должна пострадать и пострадать сильно... Да и пострадала ужъ, а за что? Она этого не заслужила... А Золотилловъ-то... Лука Ѳедоровичъ тряхнулъ головой, словно стряхивая эти мысли, и всталъ съ дивана, на которомъ лежалъ.

— Э, все нѣжности это! вслухъ проговорилъ онъ. Такъ-то жить, о чужомъ-то горѣ думать, такъ и безъ хлѣба насидишься!.. Поѣду-ка я лучше развлекъ не-

много, на народѣ какъ-то веселѣй, мысли-то энти глупыя въ башку не полѣзутъ...

Отперъ Лука Ѳедоровичъ ящикъ письменнаго стола, вынулъ пачку депозитокъ и сунувъ ее въ карманъ, вышелъ изъ дому.

Часа черезъ три Лука Ѳедоровичъ выходилъ изъ трактира „Саратовъ“; шуба на женихѣ была распахнута, цилиндръ на затылокъ заломленъ, щеки такъ и горѣли румянцемъ.

— Эй, извозникъ, лихачъ! крикнулъ онъ, выходя на улицу.

Десятокъ лихачей, день и ночь стоящихъ у развеселаго „Саратова“, окружили Луку Ѳедоровича.

— Ваше сіясь, ваше сіясь, пожалуйста со мной!... Со мной пожалуйста, ваше сіясь, у меня рысачекъ!... У меня Хрѣновскаго завода, съ аттестатомъ, баринъ, молоньемъ понесетъ!...

— Пожалте со мной, ваше сіясь! раздались обычныя зазыванія.

— Хе, хе, хе! засмѣялся, покачиваясь, Лука Ѳедоровичъ. — Мнѣ, душеньки, всѣхъ не нужно, мнѣ одного!... Самаго наилучшаго, ухъ, какого, огня!... Вотъ, ты, — у тебя рожа очинно разухабистая, — сколько возьмешь до „Стрѣльны?“

— Пожалуйста-съ, лишняго не возьмемъ, а ужъ прокачу на удивленіе!

— Идетъ!.. Лишняго не возьмешь, ну, и идетъ!.. Подавай...

Избранный лихачъ подаль воронаго коня, запряженаго въ маленькія сани, и Лука Ѳедоровичъ уѣхалъ.

— Ну, трогай, только, что-бъ духъ захватывало, а то я, братъ, и въ зубы вашему брату! скомандоваль онъ, запахиваясь отъ пронзительнаго вѣтра въ шубу и поправляя цилиндръ.

— Ужъ будьте безъ сумлѣнія, ваше сіясь, уважаю! Извозчикъ тронулъ возжами, чмокнулъ и рысакъ „пошелъ“, по охотничьему выраженію.

Завизжали полозья по снѣгу, рѣзнуло въ лицо сѣдковъ холоднымъ вѣтромъ, и замелькали мимо „дворцы, сады, монастыри, мальчишки, сани, огороды“...

— Заваливай! Жги во всю! кричалъ Лука Ѳедоровичъ.—Я, братъ, нонѣ гуляю, и тебѣ отъ меня награда будетъ... Ты на счетъ платы сомнѣнія не имѣй, потому деньги у меня есть... Хошь вотъ какъ разгуляюсь, а все остатокъ будетъ!... На пять десятковъ радужныхъ можно погулять, вѣдь?.. Хе, хе, хе!.. Хватить, вѣдь?.. Ну, и заваливай, а пяти десятковъ не хватитъ—домой заѣдемъ еще возьмемъ!.. Мы хоть и не Фарфоровы и не Ковалевы, а все-же у насъ хватитъ, хватитъ, братъ!..

Лихачъ „наддалъ“; вихремъ полетѣлъ рысакъ, закидывая снѣгомъ сѣдока и забиралъ все сильнѣй и сильнѣй.

Выѣхали за городъ.

— Эхъ, какъ тово, вѣтромъ-то пронизываетъ, мятелью-то обсыпаетъ! проговорилъ Лука Ѳедоровичъ, закутываясь шубой. — Теперича въ пальтишкѣ легенькомъ, рвань какая-нибудь — замерзнетъ!... Ну, а намъ ничего, потому у насъ шуба у Михайлова тышченка дана, соболишками плохонькими подбита, и воротничшко есть... Заваливай, завинчивай!...

А мятель была, дѣйствительно, сильна.

Разгулялся по полю вѣтеръ, разошелся во всю мощь

декабрьскую и цѣлыми массами подымалъ пушистый снѣгъ, крутилъ его, подымалъ выше березъ придорожныхъ и завывалъ на всѣ лады; переметало дорогу, накидывало цѣлые сугробы поперегъ ея и слѣпило очи запоздалаго путника.

А рысакъ летѣлъ и летѣлъ.

Сталъ выбиваться изъ силъ и онъ. Не такъ ужъ широко ставилъ ноги, не такъ гордо несъ голову, а въ иныхъ мѣстахъ такъ и шагомъ шелъ, по самое брюхо увязая въ сугробахъ.

Откинулъ воротникъ Лука Ѳедоровичъ; такъ и засыпало его острымъ, колючимъ, словно мелкіе гвоздики, снѣгомъ.

— Что-же ты, тово... Ёдешь-то тихо... Скоро-ли „Стрѣльна?“ Я, братъ, хочу погрѣться... Коньячку теперь съ чаемъ важно...

— Сейчасъ пріѣдемъ, буркнулъ извозчикъ и своротилъ съ дороги налѣво.

Узкой тропинкой пошли сани, кривясь на бокъ и ныряя изъ сугроба въ сугробъ.

— погоди! крикнулъ Лука Ѳедоровичъ. погоди!... Да это мы куда-же?.. Али ты съ дороги сбился?.. Приселокъ какой-то, поле кругомъ... Куда ты везешь-то меня?..

— Въ „Стрѣльну!“ сказалъ извозчикъ и остановилъ лошадь.

Замоталъ лихачъ возжи кругомъ передка и подошелъ къ сѣдоку.

— Ну, вылѣзай, купецъ, пріѣхали...

— Какъ пріѣхали?.. Куда пріѣхали?.. Ты, братъ, тово, не шути... Ну, ну, садись же, поѣдемъ! приходя

моментально въ трезвое состояніе, сказалъ Лука Оедоровичъ.

— Вылѣзай, коли говорятъ! крикнулъ извозчикъ и рванулъ Луку Оедоровича за воротникъ.—Знать, тебѣ на роду такъ написано, купецъ, а только тебѣ живымъ со мной нонѣ не разстаться...

Побѣлѣлъ Лука Оедоровичъ, какъ тотъ снѣгъ, которымъ теперь осыпало его, и затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Я... я... Ой, не убивай меня!.. Не убивай меня, родимый ты мой, голубчикъ ты мой!.. Возьми ты деньги мои, все мое возьми, да... Ой, не убивай ты меня! застоналъ онъ и протянулъ къ извознику руки.

Лицо извозника перекосилось злобой, той не знающей пощады, злобой, которая охватываетъ убійцу передъ моментомъ убійства, при взглядѣ на обреченную жертву.

— Слѣзай! хрипло крикнулъ онъ и со всего размаху ударилъ Луку Оедоровича по лицу кулакомъ; ударилъ разъ, другой, третій... Кровь полила изъ разбитыхъ губъ и носа.

— Не бей, не бей, Христа ради, не бей!..

Лука Оедоровичъ вышелъ изъ саней и увязъ въ снѣгу.

— Подавай деньги... Часы... Еще нѣтъ-ли денегъ?.. Въ другомъ карманѣ ищи...

Со щемящей тоской, съ переставшимъ биться сердцемъ, съ помертвѣлымъ лицомъ, стоялъ Лука Оедоровичъ, машинально передавая извознику бумажникъ, часы, снимая кольцо, ощупывая всѣ карманы; какой-то счетъ подалъ онъ грабителю, карманную гребенку передалъ; нащупалъ въ жилетномъ карманѣ завалившуюся пуговицу—и ее подалъ.

Ужъ не чувствовало тѣло пронзительнаго холода, не замѣчалъ Лука Ѳедоровичъ, какъ струи крови текли у него по лицу и каплями падали на руки, замерзая и мѣшаясь со снѣгомъ, который такъ и осыпалъ, и его, и лихача.

— Шубу сымай!..

Путаясь въ полахъ раздуваемой вѣтромъ шубы, проваливаясь все глубже въ снѣгъ, Лука Ѳедоровичъ сталъ раздѣваться.

Охватило холодомъ Луку Ѳедоровича; шуба была снята...

Давно ужъ билъ ногой вспотѣвшій и теперь прозябшій рысакъ, и когда извозчикъ бросилъ въ сани шубу, конь дрогнулъ съ мѣста, поворачивая на дорогу.

— Тпру, дьяволь! крикнулъ на него лихачъ, но конь еще сильнѣе рванулъ и круто повернулъ, чуть не опрокинувъ сани; извозчикъ схватился за возжи и обмотавъ ихъ вокругъ рукъ, дернулъ назадъ, съ бѣшенствомъ закричалъ на него. Закинулъ рысакъ назадъ голову, тряхнулъ ею и съ мѣста понесся галопомъ, вскинувъ задними ногами...

Видѣлъ Лука Ѳедоровичъ, какъ извозчикъ упалъ въ снѣгъ лицомъ, слышалъ, какъ онъ отчаянно крикнулъ, и затѣмъ все пропало въ темной дали, только слышенъ былъ топотъ конскихъ копытъ, уносящійся все дальше и дальше...

Упалъ Лука Ѳедоровичъ на колѣни, пробормоталъ слова какой-то молитвы и, поднявшись на ноги, пошелъ по прямому направленію, увязая въ снѣгу по колѣно.

— Господи, Господи! шепталъ онъ, стараясь шатать, какъ можно, скорѣй, и, то падая въ снѣгъ, то

поднимаясь, шелъ и шелъ впередъ. Не замѣчалъ онъ, что мятель слѣпила ему глаза, что снѣгъ забивался ему за воротникъ, за рукава, не чувствовалъ, что руки его окоченѣли...

А мятель такъ и злилась.

Крутясь, со стономъ и воемъ, неслись по полю высокіе столбы снѣга, то сталкиваясь, то вереницами перегоняя другъ друга, какъ бѣлые призраки; слышался какой-то вопль, какая-то дикая дисгармонія звуковъ со всѣхъ сторонъ, и со всѣхъ сторонъ грозила страшная, холодная, одинокая, черная смерть...

Лука Оедоровичъ попытался крикнуть. И самъ онъ, казалось, не слышалъ своего голоса, только струя холоднаго вѣтра охватила его горло и точно прошла по всѣмъ внутренностямъ... Онъ опять упалъ на колѣни и заплакалъ.

Все было кончено, оставалось только сказать послѣднее „прости“ жизни и вспомнить грѣхи...

Тяжело было, и то, и другое.

Жизнь такъ казалась хороша, такъ отрадна, что отдать ее, промѣнять на эту смерть, на эту страшную смерть при стонѣ мятели, гдѣ-то далеко, далеко, не зная даже гдѣ—было невозможно; но невозможно было и сохранить ее.

Вотъ еще попытка: собраны всѣ силы и сдѣлано усиліе идти далѣе по снѣгу, противъ яростно дующаго со всѣхъ сторонъ вѣтра, но нѣтъ,—силы уже истрачены... Лука Оедоровичъ упалъ на снѣгъ.

Стало вдругъ такъ тепло, такъ пріятно сдѣлалось измученному тѣлу, онѣмѣвшимъ ногамъ; глаза сомкнулись, какъ передъ сномъ.

Да это сонъ и есть, и сонъ такой отрадный, сладкій. А вотъ и сновидѣніе... Трактиръ „Саратовъ“, — тепло, много свѣту, гремитъ заведенная машина, снуютъ лакеи, разные блюда съ кушаньями; тутъ и тамъ сидятъ нарядныя дѣвицы, слышится звонкій смѣхъ, говоръ... И говоръ этотъ, и смѣхъ, и звуки машины слились въ одинъ звукъ; точно гудитъ что-то такъ близко, близко, надъ самымъ ухомъ ..

Вотъ вино подано. Ухъ, какъ отрадно, тепло вдругъ стало отъ выпитаго вина и какъ клонить ко сну... Спать, спать, больше ничего, кромѣ сна...

А мятель такъ и завываетъ, такъ и бушуетъ кругомъ....

Довольно рано проснулся Петръ Прохоровичъ на другой день изгнанія „второго жениха“ своей дочери; проснулся онъ веселый, довольный; такимъ его давно не видали, и хорошее расположеніе духа хозяина сообщилось всѣмъ обитателямъ дома, всѣ точно ожили, точно праздничными сдѣлались.

Съ добродушной улыбкой вошелъ Петръ Прохоровичъ въ столовую, гдѣ жена его приготовляла чай.

— А, возстали и вы! проговорилъ Петръ Прохоровичъ, садясь къ столу.—А Надюша спитъ?

Спитъ еще, Петръ Прохоровичъ; вы-те что рано поднялись нонѣ? съ ласковой улыбкой смотря на суроваго, но нѣжно любимаго мужа, сказала Прасковья Ильинична.

— Разбудить ее, соню, разбудить!... Эй, ты, востроглазая! обратился Петръ Прохоровичъ къ горничной, приготовляющей посуду. Поди-ка, разбуди Надю: чай, молъ, кушать пожалуйста, да хорошенько буди, не бу-

детъ вставать, такъ пруть хорошій возьми, да прутъ-то ея и подыми, „папаша, молъ, приказалъ“...

Горничная съ улыбкой побѣжала на верхъ.

— Ну, налей мнѣ чайку, Ильинишна, сливочекъ подай, аль не дашь постомъ-то сливокъ? Ну, не надо, я и съ лимономъ попыю... Наливай-ка...

Петръ Прохоровичъ поудобнѣе усеялся въ кресло.

— Ну, вотъ, жена, и втораго жениха не стало у дочки нашей; видно, ей суждено въ дѣвкахъ сидѣть, заговорилъ онъ. Что-же, пусть въ дѣвкахъ сидитъ, не всѣмъ замужъ идти... А, какъ ты думаешь?

Прасковья Ильинишна помолчала.

— По моему разсужденію, Петръ Прохоровичъ, словно бы ей не изъ чего въ дѣвкахъ-то сидѣть: собою красавица, изъ дома хорошаго... Только вотъ развѣ слава-то...

— Слава? Какая слава? Это что про нее пустили на счетъ Золотилова? На эту славу, Ильинишна, хорошій человѣкъ вниманія не обратитъ, потому не обратитъ, что у насъ, въ матушкѣ-Москвѣ бѣлокаменной, про каждаго человѣка слава пущена... Ты думаешь, про тѣхъ-то, которыя Надю нашу порочать, не пущена слава? Про всѣхъ пущена! У кажинной купеческой жены, у кажинной купеческой дочери, коли слухамъ-то вѣрить, любовникъ есть... Нѣтъ, жена, слава тутъ не при чемъ, и глядѣть на нее нечего... Я вотъ нонѣ ночью подумалъ крѣпко, Богу съ усердіемъ помолился и словно другимъ человѣкомъ сталъ!.. Вся эта суета-то мірская оставила меня... Какъ подумалъ я, что изъ-за людскихъ судовъ да пересудовъ чуть свою дочь не погубилъ, за Луку отдавши, такъ у меня волосъ дыбомъ

всталъ!.. Изъ за золота, да изъ-за славы мы не только душой кривимъ, а дѣтей-то своихъ родныхъ погубить не прочь!.. Да чертъ ихъ, прости Господи, возьми пересудчиковъ-то этихъ!.. Словно меня убудеть отъ этого, что какая-нибудь каналья про меня худое говорить будетъ!.. Нѣтъ, будетъ, будетъ изъ-за золота-то жить, поживемъ на послѣдокъ-то хоть изъ-за счастья... Мы не много видѣли счастья этого, такъ пусть дѣти наши проживутъ въ немъ.... Я, Ильинишна, отдамъ Надю за Ивана Золотилова...

Прасковья Ильинишна вскинула на мужа глаза.

— Ой?.. Да, вѣдь, онъ въ острогѣ, Петръ Прохоровичъ...

— Выпустятъ.... Я его на поруки возьму.... Дождемся суда, его, конечно, оправдаютъ, — судъ нонѣ справедливый, милостивый, — тогда и обвѣнчаемъ... Я въ свидѣтели пойду, Ковалевъ пойдетъ, и оправдаютъ... Видно, вѣдь, что онъ не грабить пришелъ къ Лукѣ!.. Да и Лука одумается, онъ, вѣдь, человѣкъ все-же, есть-же въ немъ искра-то Божья!... Я его наградила, человѣкомъ сдѣлала, ну, и будетъ съ него... А Иванъ — парень хорошій, съ нимъ Надюша наша будетъ счастлива... Да коли правду сказать — и она, и онъ стоятъ счастья: больно ужъ они настрадались оба...

Прасковья Ильинишна заплакала.

— Спасибо, спасибо, Петръ Прохоровичъ! сквозь слезы проговорила она. Видно, Господь тебя надоумилъ Луку-то прогнать — не было-бы хорошаго, если-бъ Надюша вышла за него, загубилъ-бы онъ ее... Хошь отдохнетъ Надя-то наша, отойдетъ у ней отъ сердца-то, а то вѣдь изстрадалась она, голубушка...

— Ну, не плачь, перестань, вонъ Надя идетъ... Теперь, Богъ дастъ, все обойдется! сказалъ Петръ Прохоровичъ и повернулся къ вошедшей въ столовую Надѣ.

— А, соня наша проснулась! съ улыбкой обратился онъ къ ней. Ну, здорово, здорово, доченька...

Надя подошла поцѣловать руку отца; Петръ Прохоровичъ поцѣловалъ ее въ голову и погладилъ по шелковистымъ, гладко причесаннымъ русымъ волосамъ.

— Ну, что во снѣ видѣла? Разсказывай намъ, разсказывай...

Надя улыбнулась.

— Я видѣла, папаша... будто, я ѣду подъ вѣнецъ съ Лукой Ѳедоровичемъ... Мнѣ такъ страшно, страшно было... Онъ, будто-бы, билъ меня...

— Страшно?... Ну, коли страшное во снѣ видѣла, такъ на яву еще страшнѣе будетъ: я тебя отдамъ не за Луку, а за арестанта одного; вотъ изъ острога арестанта возьму, да и отдамъ... Что смотришь? Я говорю тебѣ вѣрно...

Въ глазахъ у дѣвушки блеснулъ какой-то лучъ; она пытливо взглянула на отца.

— Такъ тому и быть, Надя,—я отдамъ тебя за Золотилова...

— Папенька! вскрикнула Надя и бросилась на грудь отца.

Утромъ слѣдующаго дня Петръ Прохоровичъ сидѣлъ у себя въ конторѣ и просматривалъ счета. Давно ужъ такъ усердно и сосредоточенно не занимался онъ любимымъ дѣломъ, и въ это утро въ первый разъ, послѣ страшнаго для него дня, въ который Ковалевъ съ та-

кимъ скандаломъ отказался отъ Нади, занимался безъ помѣхи.

Щелкали косточки щетъ, поскрипывало гусиное перо, которымъ Петръ Прохоровичъ выводилъ въ книгѣ цифры, и только эти звуки нарушали тишину, да стѣнные часы мѣрно тикали свои однообразные „тикъ-такъ“.

Прошло болѣе часу.

Вдругъ входная дверь тихо скрипнула, и въ комнату кто-то осторожно вошелъ, остановившись у дверей.

— Кто тутъ? окликнулъ, не оглядываясь, Петръ Прохоровичъ.

— Это я, Петръ Прохоровичъ, отвѣтилъ вошедшій какимъ-то сдавленнымъ, незнакомымъ и страннымъ голосомъ.

Петръ Прохоровичъ оглянулся.

— Лука Ѳедорычъ!? изумленно воскликнулъ онъ и во всѣ глаза уставился на вошедшаго Обмолвина, едва узнавъ его.

Лицо Луки Ѳедоровича было страшно блѣдно, глаза ввалились и какъ-то тускло, точно стеклянные, смотрѣли въ одну точку; подъ ними были большія синія пятна, страшно оттѣнявшія ихъ и дѣлавшія все лицо какимъ-то мертвымъ, безжизненнымъ. Въ костюмѣ Луки Ѳедорыча не было и помину о той претензіи на шикъ, которая замѣчалась у него послѣднее время; напротивъ, онъ былъ одѣтъ бѣдно и болѣе чѣмъ скромно: сильно потертый длинный сюртукъ былъ наглухо застегнутъ, шею покрывалъ старый шелковый платокъ.

— Простите, что безъ доклада вошелъ, Петръ Прохоровичъ, глухимъ голосомъ заговорилъ Лука Ѳе-

доровичъ, потому такъ вошелъ, что не пустили-бы меня по докладу-то, приказали-бы гнать меня... И стоитъ меня гнать, стоитъ...

Лука Ѳедоровичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Простите меня, батюшка, Петръ Прохоровичъ, простите! заговорилъ онъ и упалъ на колѣни. Простите меня грѣшнаго, окаяннаго, подлаго!..

Лука Ѳедоровичъ ударилъ нѣсколько разъ головой по полу.

— Встань, встань... Что за глупости еще выдумалъ?.. Что съ тобой? Откуда ты?.. Съ того свѣта, что-ли, пришелъ? заговорилъ Петръ Прохоровичъ съ величайшимъ изумленіемъ смотря на Обмолвина.

— Вѣрно, вѣрно, Петръ Прохоровичъ, что съ того свѣта! съ глубокимъ вздохомъ произнесъ Обмолвинъ, вставая съ колѣнъ. Пришелъ я просить у васъ прощенья за всѣ грѣхи мои, за всѣ обиды мои... Крѣпко я обидѣлъ, и васъ, и Надежду Петровну, и всѣхъ... Хорошо, что во время одумался... Выслушайте меня, Петръ Прохоровичъ, все я расскажу вамъ, и подивитесь вы, какъ меня Господь-то Богъ наказалъ, какъ Онъ, Отецъ нашъ милостивый, меня на путь наставилъ!..

— Говори, говори; садись вотъ сюда, да и рассказывай; вижу, что-то съ тобой недоброе было, сказалъ Петръ Прохоровичъ, указывая на кресло Обмолвину.

Тотъ сѣлъ и глубоко вздохнулъ.

— Ушелъ я отъ васъ тогда въ злобѣ, Петръ Прохоровичъ, началъ онъ,—въ лютой злобѣ и замышлялъ на васъ козни всякія... Скука меня взяла такая, тоска...

Мнѣ-бы въ церковь Божію идти, молитвы-бы воздать Господу, въ окаянствѣ своимъ повиниться, а я въ трактиръ пошелъ, пить сталъ, гулять... Распалило меня вино-то, отуманило—я и поѣхалъ кутить... Въ „Стрѣльну“ меня потянуло, въ которой я не бывалъ до того дня, а тутъ потащило меня... Взялъ я лихача и поѣхалъ... Завезъ меня лихачъ-то въ поле, да и хотѣлъ убить... Снялъ шубу, деньги отнялъ, билъ, а потомъ и зашибить хотѣлъ... Ой, какъ жутко умирать-то отъ руки убійцы, ночью, вдали отъ людей, грѣшнику нераскаянному!.. Взмолился я Господу, грѣхи всѣ свои вспомнилъ, и спасъ меня Господь... Испугалась лошадь-то извозничья чего-то или промерзла, да и бросилась... Извозикъ-то хотѣлъ удержать ее, возжи схватилъ, да и запутался въ нихъ... Унесла его лошадь бѣшеная, а я среди поля остался... Ночь—зги не видать, мятель слѣпить глаза, морозъ кровь холодитъ, а я въ сюртучишкѣ одномъ, растерзанный... Пошелъ я, куда глаза глядятъ... Выбился изъ силъ, зазнобило меня и приготовился я умирать... Гудить кругомъ вѣтеръ, мятель, словно звѣрь, злится, да бушуетъ... Такъ страшно мнѣ стало, такъ страшно, что и словъ нѣтъ высказать!.. Вспомнилъ я, какъ нагрѣшилъ-то, какъ я изъ-за золота-то погубить невинныхъ людей хотѣлъ, и страшно мнѣ стало!.. А тутъ силы оставили меня, упалъ я... Простилъ я всѣмъ врагамъ своимъ, самъ прощенья попросилъ и легъ на снѣгъ, какъ въ могилу готовую... Засыпать сталъ и память потерялъ... Лежать-бы мнѣ тамъ и по сей часъ, да, видно, Господу-то Богу угодно было къ жизни меня вернуть, чтобъ мнѣ раскаяться за всѣ дѣла свои...

Очнулся я въ частномъ домѣ, лекарь меня въ чувство приводилъ, а случилось это вотъ какъ: извозчика-то остановили на дорогѣ мужики, которые съ обозомъ шли; помяло его, поковеркало порядкомъ, онъ и думалъ, что приходитъ ему конецъ, повинился — „я, говоритъ, братцы, человекъ хотѣлъ убить, да вотъ Богъ попуталъ; бросилъ, говоритъ, его раздѣтаго среди поля, поищите, говоритъ, его, авось, еще не замерзъ“, ну, и нашли меня мужики, представили меня съ извозникомъ въ участокъ... Знать, Богу угодно, чтобъ я жилъ и въ грѣхахъ своихъ раскаялся... И раскаюсь я, Петръ Прохоровичъ, видитъ Богъ, раскаюсь!.. Всѣхъ больше я васъ обидѣлъ, къ вамъ первому и пришелъ — простите меня, Христа ради...

Обмолвинъ хотѣлъ было опять поклониться въ ноги Петру Прохоровичу, но тотъ не допустилъ его до этого.

— Не кланяйся, Лука Ѳедоровичъ, не кланяйся, Богъ съ тобой, проговорилъ онъ.—Да, ты много обидѣлъ меня, но я прощаю тебѣ все, а Надя и подавно проститъ—она теперь всѣмъ и все проститъ,—она ужъ не наша теперь...

— Умерла? съ ужасомъ спросилъ Лука Ѳедоровичъ, вскочивъ съ мѣста и блѣднѣя.

— Нѣтъ, зачѣмъ!.. Она выходитъ за Золотилова, я благословилъ ее...

— Слава Богу... Дай-же имъ Богъ счастья, они стоятъ его... На Золотилова, на Ваню-то, я наклеветалъ: онъ не хотѣлъ грабить меня... Ну, да я въ свободу его, покаюсь, а за то, что онъ пугнулъ-то

меня, его накажутъ не строго... Онъ еще подъ арестомъ, Петръ Прохоровичъ?

— Да, пока сидить, но сегодня я его на поруки возьму, мнѣ общали... Такъ вотъ какъ кончилось-то все, Лука Ѳедоровичъ!.. Вѣрно, голубчикъ, что это тебя Богъ спасъ, и крѣпко тебѣ нужно благодарить его...

— И буду, на сколько хватитъ силъ моихъ...

Обмолвинъ полѣзъ въ карманъ.

— Вотъ, Петръ Прохоровичъ, тутъ деньги, которыя выдали мнѣ, а документы на лавку, да на домъ я вамъ нотаріальныхъ порядкомъ возвращу...

— Постой, Лукаша! перебилъ Обмолвина Петръ Прохоровичъ. — Деньги я возьму отъ тебя, потому онѣ не мои, а Надины, а лавку и домъ—ты себѣ оставь, это ужъ моя воля, и ты не огорчай меня отказомъ... Богу молиться можно и въ мірѣ,—вотъ ты и молись, да дѣло свое дѣлай, а дѣломъ честнымъ можно много и добра дѣлать... Торговое дѣло у честнаго человѣка въ рукахъ—хорошее дѣло, ты имъ можешь много добраго сдѣлать и съ помощью Божіей дѣлай, благо, начало положено...

Обмолвинъ задумался.

— Хотѣлъ было я уйти отъ міра-то, въ монастырь хотѣлъ, проговорилъ онъ,—да ужъ, видно, погодить, загладить чѣмъ ни на есть свои грѣхи противъ людей съ людьми этими... Хорошо, благодарю васъ, Петръ Прохоровичъ, я принимаю вашу милость... прибавилъ онъ, немного спустя.

— Такъ поцѣлуемся-же, Лука Ѳедоровичъ, забудемъ старую вражду и заживемъ себѣ тихо, да мирно...

Петръ Прохоровичъ обнялъ Обмолвина и поцѣловалъ его.

— Теперь, Петръ Прохоровичъ, нужно о Ванѣ подумать, сказалъ Лука Ѳедоровичъ, — я пойду къ прокурору и заявлю ему, что Золотилловъ-де не хотѣлъ меня грабить, а поугалялъ только ножомъ... Чай, примутъ мое заявленіе и дадутъ ему цѣну?

— Какъ, я думаю, не принять!.. Ступай, Лукаша, поради́й молодцу, а то безъ вины онъ страдаетъ... Погоди, я Надю сюда позову, пусть она повидаетъ тебя, да поговорить...

— Нѣтъ, Петръ Прохоровичъ, не надо: я Надеждѣ Петровнѣ до той поры не покажусь, пока не устроится все дѣло... Тяжело ей видѣть меня будетъ...

Обмолвинъ всталъ.

— Ну, пока прощайте, Петръ Прохоровичъ; пойду сейчасъ-же къ прокурору, не знаю, что Богъ дастъ...

По уходѣ Обмолвина Петръ Прохоровичъ долго сидѣлъ у стола въ глубокой задумчивости, потомъ всталъ, зажегъ лампаду передъ образомъ и, опустившись на колѣни, сталъ жарко молиться... О чемъ онъ молился — мы не знаемъ, но не одна слезинка упала на полъ изъ глазъ много пострадавшаго старика...

Одни герои нашей исторіи хотѣли *счастія*; другіе другіе добивались могущественной силы, которая царить въ мірѣ — *золота*, и первые добились своего, одержали побѣду.

Это бываетъ не часто, но бываетъ, и мы очень рады, что намъ приходится кончить нашъ рассказъ „весело“.

Надя не вдругъ почувствовала давшееся ей счастье;

она точно не вѣрила ему, точно во снѣ пришло оно къ ней, но лишь только она поняла, что все это не сонъ, что „дорогой Ваня“ дѣйствительно будетъ ея мужемъ, что страшнаго замужества съ Обмолвинымъ не будетъ—она вся наполнилась этимъ счастьемъ; ей хотѣлось говорить о немъ, хотѣлось всѣмъ рассказать, какъ она счастлива и какъ дорого ей это счастье...

Точно птица, долго запертая въ тѣсной клѣткѣ и потомъ выпущенная на волю — ожила дѣвушка. Ей и дышалось какъ-то особенно легко и отрадно, и хотѣлось пѣть, смѣяться, сдѣлать что-нибудь доброе, хорошее, подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ счастьемъ.

Мысль, что Золотиловъ арестованъ, что его будутъ судить, не пугала ее: она вѣрила, глубоко вѣрила, что „даромъ“ человѣка не обвинять, что вотъ-вотъ ея дорогой женихъ придетъ къ ней. Въ такомъ именно настроеніи сидѣла она у себя въ комнатѣ, отбирая платья для подарка Варѣ, которая тоже выходила замужъ за одного изъ прикащиковъ Петра Прохоровича, когда по лѣстницѣ раздались быстрые мужскіе шаги. Надя вздрогнула и обернулась къ двери.

Черезъ секунду передъ ней стоялъ Золотиловъ.

— Надя... радость моя, жизнь моя! съ порывомъ страшной нѣжности воскликнулъ молодой человѣкъ и бросился обнимать дѣвушку. Онъ покрылъ поцѣлуями ея глаза, волосы, губы, щеки, шею...

— Милая, родная, хорошая моя! приговаривалъ онъ, цѣлуя рыдающую у него на груди Надю. Да не сонъ-ли это? Да вѣрно-ли, что я съ тобой?.. Господи, какъ я глубоко счастливъ!.. Надя, Наденька моя, Надюша

да вѣдь я женихъ твой, вѣдь ты будешь моей, радость моя!...

— Твоей, твоей буду, Ваня! прошептала дѣвушка.

Золотиловъ посадилъ ее на стулъ и всталъ передъ нею на колѣни.

— Взгляни на меня, взгляни, я посмотрю на тебя, какая ты стала. О, какая хорошая, о, какая милая!.. Я тебя такой еще не видалъ, Надя! А помнишь наше послѣднее свиданіе...

— Не поминай, не поминай, не надо! зажала рукой ротъ Золотилкову Надя. — Теперь я всегда буду такой... Но... Ваня... Иванъ Николаичъ, вѣдь еще мы не женаты, а мы такъ говоримъ, цѣлуемся... Это, я думаю, нехорошо....

— О, полно, моя радость! Вѣдь ужъ ты моя, такъ угодно, и Богу, и твоему отцу, да и нѣтъ тутъ ничего нехорошаго, голубка моя; не хорошо дѣлать людямъ зло, обижать кого-нибудь, а поцѣловать невѣсту — тутъ нѣтъ ничего дурнаго!

Золотиловъ продолжалъ поцѣлуи.

И снова, третій разъ, Надя стала невѣстой!

Совершенно отрѣшившійся отъ предразсудковъ, изъ-за которыхъ чуть было не погубилъ дочь, Петръ Прохоровичъ былъ совершенно спокоенъ и счастливъ, не обращая вниманія на пересуды досужихъ кумушекъ, которымъ „Фарфоровская исторія“ давала неистощимую пищу для бесѣдъ.

Сговоры были отпразднованы торжественно, и на

нихъ новый женихъ успѣлъ вполне расположить къ себѣ многочисленныхъ родственниковъ Петра Прохоровича.

Общее веселье немного смущала мысль, что женихъ находится подъ судомъ, но почти всѣ увѣрены, что если и дойдетъ дѣла до суда, то окончаніе его будетъ вполне благопріятное, ибо Лука Ѳедоровичъ, явившись къ прокурору, объяснилъ, что Золотиловъ имъ оговоренъ, что сдѣлано это имъ по злобѣ, и если молодой человѣкъ въ чемъ виноватъ, то единственно въ томъ, что погрозилъ ему ножомъ, бывшимъ у него въ то время въ карманѣ, каковой поступокъ былъ весьма извинителенъ, если принять во вниманіе душевное состояніе молодаго человѣка.

Прокуроръ выразилъ надежду на прекращеніе дѣла, ибо самимъ потерпѣвшимъ съ обвиняемаго снималась всякая вина, и оставались только показанія самого Золотилова, сестры Луки Ѳедоровича и его служанки; первымъ оно могло быть сдѣлано подъ вліяніемъ тяжелаго состоянія, а вторыя не были очевидцами.

Такъ все и вышло: за нѣсколько дней до свадьбы, дѣло по обвиненію мѣщанина Ивана Николаевича Золотилова было, за недостаткомъ уликъ, прекращено.

Весело отпраздновали этотъ день въ семьѣ Петра Прохоровича, и на праздникъ первый разъ пришелъ Лука Ѳедоровичъ. Надя встрѣтила его радушно и крѣпко пожала руку, еще такъ недавно готовившуюся вести ее къ вѣнцу и рывшую яму ея дорогому Ванѣ...

Всѣмъ было хорошо, весело, и лишь Ковалевъ глу-

боко страдаѣ, теперь только понявъ, какого сокровища онъ лишился.

Молодому богачу было очень не по себѣ, и за два дня до Надиной свадьбы, онъ уѣхалъ куда-то далеко, чтобы разогнать тоску по улетѣвшему отъ него счастью, которое давалось ему въ руки...

К О Н Е Ц Ъ.

